

ISSN 0042-8779

ИВЛ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

6

2015

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

6/2015 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- М.В. Владимирский** — Российский рубль на Украине в 1917—1920 гг. 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- Е.А. Драницына, А.Ю. Петров, И.В. Савельев** — Иван Александрович Кусков 29

ИСТОРИЯ ПОБЕДЫ

- Ф.Л. Сеницын** — Национальная политика Германии на оккупированной территории СССР в начальный период Великой Отечественной войны 47

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- С.А. Нефёдов** — Как готовили революцию 1905 г. 68

СООБЩЕНИЯ

- В.Г. Егоров, О.А. Зозуля** — Трансформация кустарных промыслов России во второй половине XIX в. 88

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

М.Г. Меерович, К.А. Холодilin — Государственная жилищная политика в России и Германии между мировыми войнами 103

В.П. Гарматный — В. Станевич и земельная реформа в Западной Беларуси в 1921—1939 гг. 114

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

И.В. Игнатченко — А. Тьер и становление парламентаризма в годы Июльской монархии во Франции 124

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

С.А. Папков — Эсеры в Сибири в 1930-е гг. 140

Н.А. Мусеибли — Кавказ и Передняя Азия в IV тыс. до н.э. 150

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

А.Н. Куликова — Становление православного христианства в Якутии в XVII—XIX вв. 157

М.Б. Щавелёва — Духовное правление Арзамасского уезда в системе Нижегородского наместничества 165

ИСТОРИОГРАФИЯ

В.Г. Кикнадзе — Политико-стратегическое содержание планов Третьего рейха в отношении СССР 168

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке
Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям.

Российский рубль на Украине в 1917—1920 гг.

М.В. Владимирский

С распадом Советского Союза увеличился интерес к истории бывших советских республик. Коснулась эта тенденция и истории денежного обращения на Украине. Появилось несколько современных работ на эту тему, написанных как украинскими, так и российскими исследователями. Среди первых по праву следует упомянуть капитальную монографию М.И. Истомина (Харьков) о денежных знаках Украины периода Гражданской войны ¹, а среди вторых — серию статей Ю.А. Артемьева из подмосковного г. Королева ². Много фактического материала представлено еще в трех украинских публикациях на эту тему ³. Существенно проясняют позицию финансистов Центральной Рады воспоминания Б. Мартоса и Я. Зозули ⁴. К сожалению, тенденциозность в освещении финансовой политики своих политических оппонентов (чиновников гетманской Украинской Державы), а также явно недостаточное привлечение архивных материалов того времени существенно снижают значение указанной работы. На наш взгляд, наиболее ценным источником по данной теме является работа Л.М. Неманова ⁵, которую мы широко использовали при подготовке данной статьи. Книга написана по горячим следам событий (она вышла в 1919 г.) и содержит много фактического материала.

Между тем, наряду с изучением появления и роли украинских денежных знаков того времени вполне правомерно поставить как бы обратный вопрос — какой была роль российского рубля на разных ступенях становления украинской государственности? Для ответа на него необходимо последовательно рассмотреть особенности денежного обращения на основных этапах истории Украины в анализируемый период, причем речь пойдет, в первую очередь, о событиях в Киеве. Предваряя хронологическое изложение событий, заметим, что будут затронуты не все 13 переворотов, произошедших в Киеве и республике в целом, а только те, которые сказались на денежном обращении. Таких «волн» было девять: три национальные, три совет-

Владимирский Михаил Васильевич — историк.

ские и три разнородные — гетманская, деникинская и польская. Конечно, частая смена власти отнюдь не способствовала единой политике в области денежного обращения.

Как правило, изменения курса были столь радикальными, что предшествующая система полностью ломалась, и на ее обломках создавалась следующая, которая через некоторое время тоже радикально менялась при последующем перевороте. Нельзя забывать, что шла суровая междоусобная война, война жестокая, порой бессмысленная. Зачастую при отступлении уходящие власти вывозили запасы денег, в результате чего новая власть была вынуждена сразу же предпринимать какие-то действия для ликвидации денежного голода.

Необходимо иметь в виду, что в ходе украинской смуты качественный состав российской денежной массы постоянно менялся. Ситуация выглядела примерно так. До лета 1917 г. это были знакомые всем жителям империи, «романовские» или царские знаки. Летом и осенью появились первые знаки Временного правительства: сначала «думские» (1000-рублевки с изображением Государственной думы), осенью — «керенки» (20- и 40-рублевые казначейские знаки), а также 250-рублевки, которые тоже стали называть либо «думскими» либо «крупными керенками». Далее следовал процесс активного вымывания из обращения «романовских» знаков, в результате чего денежная масса почти целиком стала состоять из знаков Временного правительства. Такая ситуация продолжалась до весны 1919 г., когда в огромном количестве появились «кредитные билеты образца 1918 г.». Это были первые советские деньги, клише которых готовились еще до Октября. Поскольку на них появилась подпись Г.Л. Пятакова, их прозвали «пятакскими». В 1920 г. в дополнение к ним вышли расчетные знаки РСФСР. Причем все ранее выпущенные знаки (включая и «романовские») имели право хождения.

С приходом на Украину армии генерала А.И. Деникина, туда стали проникать и деньги Белого юга: в основном «донские», то есть выпущенные от имени Ростовской конторы Государственного банка, а в конце деникинского периода дензнаки с длинным названием: «Билеты Государственного Казначейства Главного Командования Вооруженными Силами на Юге России» (ВСЮР-знаки). Их наряду с «донскими» печатали в ряде городов Белого юга, в том числе в Киеве и Одессе.

Центральная Рада Украины, созданная в марте 1917 г., была признана Временным правительством России сначала лишь в качестве представительного органа. Затем делегация Временного правительства в составе Керенского, Церетели и Терещенко в первых числах июля приезжала в Киев и подписала с Центральной Радой соглашение о создании Областного украинского правительства — Генерального Секретариата. Но вслед за свершением Октябрьской революции 7 ноября 1917 г. третьим универсалом Центральной Рады была провозглашена Украинская Народная Республика (УНР) в составе будущей демократической Российской Федерации. Таким образом, Центральная Рада превратилась из представительного органа в полноценный орган управления автономной Украины. Казалось бы, в качестве автономной части России Украина имела право пользоваться общероссийскими денежными знаками из Петрограда. После октябрьско-

го переворота так по инерции и происходило, но из-за забастовки в Петербурге сотрудников Государственного банка, отправка знаков на Украину прекратилась.

23 ноября генеральный секретарь продовольствия потребовал от Совнаркома присылки денег, угрожая в случае отказа прекращением отпуска сахара и продовольствия. Так началась политическая пикировка между Петроградом и Киевом. В ответ на требование Секретариата прислать деньги, Совнарком в конце ноября ультимативно потребовал от Рады прекратить пропуск казачьих полков с фронта на Дон. Не получив на свой ультиматум удовлетворительного ответа, Совнарком 4 декабря постановил ⁶ не высылать никаких денежных знаков на Украину. Генеральный секретариат ответил на это распоряжением о прекращении выполнения продовольственных нарядов для северного и западного фронтов, российских тыловых губерний и о воспрещении вывоза сахара в северные губернии. Далее последовало продвижение советских войск на Украину, и к началу января они заняли Харьков и ряд других городов. Реакцией Рады на это было объявление о самостоятельности и полной независимости УНР (четвертый универсал от 11 января 1918 г.).

По разным источникам, в тот период на Украине находилось от 10 до 14 млрд общероссийских рублей, то есть более, чем достаточная сумма для оживленного денежного обращения. Но беда состояла в том, что большинство этих денег оседало у крестьян. Всплыло характерное для периферии явление — недостаток денежных знаков. Немало способствовало денежному голоду и то обстоятельство, что, не чувствуя над собой государственного принуждения, население перестало платить налоги.

Принято считать, что именно недостаток денежных знаков и заставил Центральную Раду озаботиться изготовлением собственных денег. Однако, сопоставляя дату публикации заявления об отказе Центра высылать деньги для Украины (8 декабря) и дату сообщения о начале подготовки выпуска украинских денег (6 декабря), можно сделать неожиданный вывод — их выпуск был обусловлен не финансово-экономической целесообразностью, а другими причинами. Это была, в первую очередь, заявка на обретение символа государственной независимости новой республики, символа превращения бывшей Малороссии в Украину. Такой шаг повышал престиж провозглашенного государства ⁷. Характерно, что предложение о выпуске украинских денег было отвергнуто в Одессе, где недостаток в знаках ощущался еще острее. Поняв, что такой шаг Киева не спасет от денежного голода, местное самоуправление и представители частных банков решили перейти на чеки с гарантией Госбанка, купоны процентных бумаг, а также выпустить местные боны ⁸.

Впервые в обращении первые украинские деньги появились 24 декабря 1917 года. Это были отпечатанные в Киеве (в типографии Кульженко) и эмитированные Государственным банком Украины кредитные билеты достоинством в 100 карбованцев. О явной политической подоплеке выпуска говорит и оформление денежного знака ⁹. На нем появился трезубец — будущий герб Украины.

Поскольку знак готовился в пору действия III универсала, предусматривавшего автономию Украины в составе Российской Федера-

ции, то к тексту на украинском языке были добавлены разъяснения на трех языках национальных меньшинств — польском, еврейском и русском. Заметим, что несмотря на предложение о сохранении такого же порядка оформления денег и в будущем, после принятия IV универсала надписи на денежных знаках делались только на украинском языке.

Немало способствовала политической окраске события и личность первого министра финансов УНР (генерального секретаря финансов) — Михаила Ивановича Туган-Барановского, в недавнем прошлом петербургского кабинетного ученого-экономиста, после Октября превратившегося в украинца с явно выраженной антипатией ко всему русскому. «Разве я русский? Я наполовину украинец и наполовину татарин», — заявлял он ¹⁰. Техническими вопросами подготовки тиража занимался его заместитель — В. Мазуренко. Ни о каком отделении украинской денежной системы от российской речь пока не шла. Во «Временном законе о выпуске державных кредитных билетов Украинской Республики» от 19 декабря специально были сделаны разъяснения относительно российских рублей: «... (п. 6). Российские кредитные билеты ходят на прежних основаниях; (п. 7). Размен и обмен украинских кредитных билетов на российские и наоборот — российских на украинские обязательны для всех лиц, мест и учреждений без всякого комиссионного за размен и обмен вознаграждения» ¹¹.

Согласно закону, эмиссионное право составляло 500 млн карбованцев, но в обращение этих денежных знаков было выпущено немногим более 53 млн карбованцев. По сравнению с упомянутым количеством российских денежных знаков на Украине (10—14 млрд руб.) сумма эта, безусловно, была незначительной и мало влияла на денежное обращение. К тому же украинские кредитные билеты продержались в обращении недолго: в сентябре 1918 г. они были изъяты. На черном рынке новые украинские карбованцы ценились немного дешевле российских «думских», не говоря уж о «романовских»; шли они примерно наравне с «керенками» ¹².

Возникла странная ситуация: денежные знаки были выпущены, но самостоятельной украинской денежной единицы установлено не было. Ведь заявленный паритет карбованца к золоту был равен паритету для рублей (17,424 доли чистого золота), то есть изменилось лишь название. В силу большой привычности населения к рублям и более широкой их территориальной распространенности, российские рубли стали пользоваться преимуществом в глазах населения и расценивались с лажем ¹³.

Для реальной борьбы с денежным голодом была предусмотрена другая мера — легализация в качестве денежных знаков общероссийских ценных бумаг. Постановлением правительственного органа — Генерального секретариата Центральной Рады — от 4 декабря 1917 г. «в связи с нехваткой на Украине мелких кредитных билетов» допускались к обращению выпущенные ранее российским Госказначейством билеты (так называемые «серии») и краткосрочные обязательства, а также купоны «серий», военных займов 1914, 1915 и 1916 гг. и облигаций «Займа свободы» ¹⁴. Таким образом, российские ценные бумаги были введены в денежное обращение на Украине даже раньше, чем в Рос-

сии, где их узаконили 21 января 1918 года. Русские рубли из обращения не исчезли. Изменилась только структура рублевой массы: к концу 1917 г. пропали купюры больших номиналов царского образца — 100 и 500 рублей, а вслед за ними и все остальные знаки дореволюционного образца. Вместо них пошли в ход знаки Временного правительства 250 и 500 рублей, а затем и «керенки» (казначейские знаки в 20 и 40 рублей). В самой России происходило то же самое.

В начале декабря 1917 г. Центральная Рада приняла закон об образовании украинского Державного банка и постановила перевести все конторы и отделения Российского Государственного банка, которые находились на территории Украины, в подчинение Державному банку, директором которого был назначен М. Кривецкий. Полноценно функционировать Державный банк начал с 1 января 1918 года ¹⁵.

Захват Киева частями Красной гвардии, вытеснившими из города войска Центральной Рады, произошел 26 января 1918 года. В Киеве и других городах Украины на местную буржуазию была наложена контрибуция. Банкам запретили производство каких бы то ни было банковских операций, сейфы в банках были вскрыты, а все золото из них конфисковано. Выпущенные в обращение Центральной Радой кредитные билеты были объявлены недействительными. В результате промышленная и торговая жизнь в республике окончательно остановилась. Единственным платежным средством на этом этапе оставался российский рубль. Небольшой запас русских денег привезли с собой красноармейцы. Это были, главным образом, «керенки», которые заменили почти исчезнувшие «романовские» рубли. Постепенно «керенки» стали проникать и на периферию Украины. В частности, в Полтаве они появились лишь в конце января 1918 г., хотя в центральной России поступили в обращение еще в сентябре 1917 года.

Между тем, по условиям заключенного 3 марта 1918 г. мирного договора (Брестского мира), части Красной Армии начали покидать Украину и на ее территорию вошли австро-германские войска. В ходе отступления Красной армии денежный голод особенно обострился, поскольку представители советской власти на местах, уходя, реквизировали и вывозили ценности и денежные знаки из местных контор и отделений Государственного банка, а также из казначейств. Так, по распоряжению народного секретаря финансов В.Х. Ауссема, только из кладовой Киевской конторы Государственного банка в конце февраля 1918 г. было «эвакуировано» российских кредитных билетов, монет, разменных марок и других денежных знаков и ценных бумаг более, чем на 30 млн рублей ¹⁶. Всего же по всей Украине было изъято и вывезено ценностей в российских дензнаках и ценных бумагах на 918 млн рублей ¹⁷. Попытку преодоления реального денежного голода предприняло уже правительство Центральной Рады.

Представители Центральной Рады 9 февраля 1918 г. подписали с центральными державами мирный договор. Кроме того, особым соглашением с немцами предусматривалось освобождение Украины от большевиков с помощью германо-австрийских войск, которые и вторглись на Украину. В Киев уже 7 марта вернулась Центральная Рада,

но вся Украина оказалась оккупированной немецкими и австрийскими войсками. Нет оснований не доверять сообщению немецкого публициста Колина Росса¹⁸, о том, что «Рада, власть которой усиливается со времени прихода немцев с каждым днем, все же опирается теперь, как, по всей вероятности, еще долго и в будущем, на немецкие штыки».

С возвращением правительства Рады возобновилось обращение карбованцев образца 1917 года. На руках у населения их осталось мало, однако управляющий Державным банком В.И. Игнатович заявил 5 марта, что в банке этих знаков содержится более, чем на 15 млн карбованцев. Эти деньги по распоряжению большевиков были сданы населением в банки в обмен на квитанции. Министерство финансов решило как можно скорее вернуть эти деньги населению. Было объявлено, что уже с 9 марта начнется выдача денег по квитанциям¹⁹. Так государственные кредитные билеты достоинством в 100 карбованцев обрели свою вторую жизнь и получили возможность снова свободно обращаться вначале в Киеве, а к лету 1918 г. — и на всей территории Украины.

В этот период произошли еще два важных события. Одно из них — в значительной мере политизированное. Это была попытка ввода собственной денежной единицы, никак не связанной с российским рублем. Законом от 1 марта («Закон о денежной единице, чеканке монеты и печатании державных кредитных билетов») Центральная Рада утвердила в качестве украинской денежной единицы гривну²⁰. Перед Украиной было два пути — курс на независимость или на сохранение связей с Россией. Эти варианты политического решения нашли свою символику и в названиях национальной валюты: гривна — символ, явно ориентированный на независимость Украины, и карбованец — просто украинское название рубля, а значит символ, предусматривавший, в конечном счете, упрочение связей с Россией. В ходе украинской междоусобицы эти валюты несколько раз вытесняли друг друга, но на закате гетманского периода было решено сохранить оба символа, обе денежные единицы.

Парадокс состоял в том, что новый символ национальной независимости — гривну — пришлось печатать не на Украине, а в Германии, поскольку изготовить ее своими силами не представлялось возможным. Соответствующая договоренность с немецкими властями была достигнута быстро. Немцы охотно пошли на такой шаг, ведь он сулил им желанный отрыв украинской денежной системы от российской, а также отдавал всю украинскую денежную массу под контроль немецких властей.

Однако вслед за этим произошло еще одно событие, относящееся к чисто практическим вопросам. Задержка с печатью гривен в Германии вынудила принять экстренные меры на фоне уже реального денежного голода. Тогда было принято решение о выпуске казначейских знаков («знаков Державной скарбниці») типа «керенок», достоинством в 25 и 50 карбованцев, то есть рублей, изготовленных собственными силами. Иными словами, это было отступление от первоначального плана, хотя оно и декларировалось как временное — выпускаемые знаки должны были быть погашены не позже 1 марта 1919 года²¹.

Надо заметить, что выпуск этих казначейских знаков несколько не решал проблему вытеснения российского рубля. Трудности при размене купюр по-прежнему решались с его помощью. Так при стоимости обеда порядка 5 карбованцев сдачу с украинских купюр приходилось сдавать рублями ²².

Уже во времена правления Центральной Рады произошло осознание проблем ослабления украинской валюты из-за девальвации рубля. Так, на первом же заседании особого совещания по финансово-экономическим вопросам 14 апреля председатель совещания С.И. Соколовский призывал немедленно остановить поток рублей из России. «Сотни миллионов рублей, напечатанных на великорусском станке, ежемесячно прибывают к нам, чтобы получить за них настоящие ценности, на производство которых затрачивается наш украинский труд и наш украинский капитал». По оценке Соколовского, проникновение российских знаков достигало 15 млн руб. в день. Понижение курса рубля, а соответственно и карбованца, благоприятствовало усиленному вывозу, как из России, так и из Украины сельскохозяйственных продуктов. Экспорт рос за счет повышения прибыли от него, в то время как импорт по той же причине сокращался ²³. Ситуация складывалась так, что не изъязв из обращения на Украине всей массы или хотя бы большей части обращающихся на ее территории российских знаков, невозможно было создать собственное денежное обращение.

Было предложено штемпелевать рубли, и затем нештемпелеванные не признавать. Срок штемпелевания назначался порядка 30 дней. Многие члены совещания справедливо сомневались в возможности технической реализации данного решения из-за простоты подделки штемпеля. Кроме того, неизбежно установился бы колеблющийся лаж на рубли, штемпелеванные и нештемпелеванные, что внесло бы дополнительную путаницу. Предлагался и другой вариант — изъятие русских денег путем принудительной подписки на валютный заем, но и эта мера не была реализована ²⁴.

Реальных запретительных действий по отношению к рублю в этот период не проводилось, если не брать в расчет вышеупомянутый закон от 1 марта о гривне, носивший скорее декларативный характер, так как добиться запрета обращения российских денег с его помощью не удалось, хотя такая цель и ставилась его авторами. Мало того, в качестве временной меры для преодоления денежного голода с 3 мая пришлось допустить в обращение дополнительные суррогаты, также привязанные к российскому рублю, — купоны таких российских ценных бумаг, как облигаций Внутреннего займа с 1905 по 1916 гг., а также облигаций займа Свободы (1917 г.) ²⁵.

Немцы, которых в феврале Центральная Рада пригласила изгнать из Украины большевиков, 29 апреля устранили саму Раду, поставив во главе теперь уже не Украинской Народной Республики, а Украинской Державы гетмана П.П. Скоропадского, бывшего генерал-лейтенанта царской службы и бывшего командующего войсками Центральной Рады. Начался самый длительный период украинской смуты — гетманский, продолжавшийся 7,5 месяцев. Было объявлено, что целью новой власти является установление в стране порядка и благополучия. Но с первых же дней выяснилась ее главная проблема —

зависимость от немцев. Циркулярное письмо графа Кирхбаха предписывало министрам и гетману согласовывать с немецким командованием все инициативы правительства. И сторонникам гетмана пришлось смириться с этим грубым, совершенно неприкрытым вмешательством во внутренние дела Украины ²⁶.

Подобная ситуация отразилась и на денежном обращении. Ведь новому министру финансов А.П. Ржепецкому пришлось решать проблему расплаты с Германией и Австро-Венгрией за помощь, оказанную при перевороте гетману. Как писал Я. Зозуля ²⁷, уже в мае обеим странам были выданы беспроцентные кредиты по 200 млн карб., которые никто не собирался возмещать. Соответственно, на 400 млн карб. пришлось увеличить эмиссионное право. Чтобы заткнуть дыру в бюджете, были выпущены на 1 млрд карбованцев билеты Госказначейства с доходом 3,6% годовых, но этой суммы не хватило, и 9 июля эмиссия была расширена на 500 млн карбованцев. Такие операции уменьшили на 40% денежный оборот. Напомним, что в начале 1918 г. денежная масса была значительно сокращена большевиками, вывезшими из страны значительные суммы.

Между тем, финансовые системы России и Украины продолжали отдаляться друг от друга. Советский министр финансов издал циркулярное указание о непризнании украинских денежных знаков ²⁸, а министр финансов Украины, со своей стороны, отмечал, что «связь подчиненности украинского Державного банка российскому Государственному банку естественным образом должна прекратиться и конструироваться на началах корреспондентских независимых друг от друга учреждений» ²⁹.

Как позже писал министр финансов петлюровской Директории Б.Н. Мартос, при гетмане российские деньги признавались законным платежным средством, а Государственное казначейство Украины принимало их альпари с украинскими знаками, то есть один карбованец за один рубль. Между тем, советские власти проводили курс на инфляцию. Через представительство в Киеве они привозили на гетманскую Украину огромное количество советских денег. А поскольку ценность советских денег всех видов сильно снижалась по мере инфляции, то с ними падала и украинская валюта. Напомним, что еще в апреле 1918 г. в период правления Рады председатель особого совещания по финансово-экономическим вопросам Соколовский призвал бороться с этой проблемой. Летом того же года на это ненормальное положение обратили внимание участники съезда кооперативных инструкторов, который проходил в Киеве под председательством профессора Туган-Барановского. В ходе дискуссии он заявил, что теория необходимости золотого запаса для стабилизации валюты устарела и, на его взгляд, вполне возможно создание независимой украинской валюты без золотого запаса. В резолюции съезда содержалось предложение к правлению Центрального кооперативного комитета Украины обратиться к гетманским властям с меморандумом о назревших мерах по обеспечению независимости украинской валюты. В качестве главы этого комитета Мартос провел консультации с ведущими экономистами Украины. В результате был сформулирован меморандум о необходимости объявления украинских денег единственным законным платежным средством на Украине и упраздне-

ния имевшего место паритета карбованца с российским (теперь уже советским) рублем ³⁰.

Гетманским Министерством финансов предпринимались определенные меры по борьбе с влиянием российского рубля на местную валюту. В октябре в своей докладной записке к проекту закона о государственной державной денежной единице Ржепецкий, в частности, писал: «Главное зло, от которого страдает в настоящее время денежное обращение Украины это та органическая связь, в которой оно продолжает находиться с денежным обращением Российской Советской Республики. Между тем, благодаря безудержным, достигающим по имеющимся сведениям, 150—200 млн руб. в день, выпускам бумажных денег, крайнему бестоварью на рынке, а также общим социально-политическим условиям Советской Республики, покупательная способность рубля имеет там ясно выраженную тенденцию приблизиться к нулю. Эта тенденция, хотя и соответственно ослабленная, не может, при существующих условиях, не передаться украинской валюте... Денежное обращение регулируется не Державным правительством, а чужой государственной властью». Ржепецкий предлагал вместо гривны, опять вернуться к карбованцу, переход к которому «сможет совершиться почти незаметно и, во всяком случае, без каких бы то ни было затруднений и осложнений для оборота». Вместе с тем, он предлагал «временно допустить российские денежные знаки к хождению наравне с карбованцами, с тем, однако, чтобы, при первой к тому возможности, они были вовсе изъяты из обращения», обязуясь в ближайшее время войти по этому вопросу в Совет министров дополнительно ³¹.

Что касается перехода от российских знаков к украинским, то для проведения обмена их надо было иметь, по крайней мере, не меньше, чем обращавшихся на Украине российских рублей. К июню 1918 г по подсчетам Кредитной канцелярии на Украине обращалось: царских — 3,647 млрд руб.; думских и «керенок» — 5,8 млрд; серий — 1 млрд. Всего — 10,447 млрд рублей. Следовательно, чтобы обеспечить обмен, нужно было иметь такое же количество украинских знаков. Однако надежда на обмен сохранялась в связи с большой интенсивностью работы Киевской и Одесской экспедиций, печатавших знаки в карбованцах, а также в связи с поступлением нескольких партий знаков в гривнах из Берлина.

Кроме того, Ржепецкий успел предпринять некоторые конкретные усилия в этом направлении. Речь идет, в первую очередь, о законе от 17 августа об ограничении ввоза на Украину российских денежных знаков, а также о законе от 4 октября о штемпелевании 5% Краткосрочных обязательств Государственного казначейства России (КОГК). Оба этих закона были частично реализованы. Остановимся на них вкратце.

К 23 июля был подготовлен проект закона об ограничении ввоза на Украину российских кредитных билетов и казначейских знаков. Объем их ввоза при переходе границы был ограничен суммами 10 тыс. руб. для отдельного лица и 20 тыс. руб. для семьи. При ввозе крупных сумм семейными гражданами Украины должно было предоставляться удостоверение украинского консула о том, что суммы эти являются результатом ликвидации имущества данной семьи ³². Этот

проект закона был утвержден 17 августа 1918 года. Помимо указанных мер был полностью запрещен ввоз на территорию Украинской державы всех краткосрочных обязательств и билетов Государственного Казначейства («серий»).

4 октября Совет министров принял специальный закон об обязательном представлении уже имевшихся на Украине КОГК в учреждения Державного банка Украины для регистрации. Закон был подписан главой Совмина Ф. Лизогубом и министром финансов Ржепецким и утвержден гетманом Скоропадским. Конечным сроком этой операции было назначено 15 ноября 1918 года. Только зарегистрированные обязательства становились законным платежным средством в любой части Украины, находившейся под контролем Украинской державы или позже — УНР. Обязательства, не представленные к 15 ноября 1918 г. для наложения на них штампов в учреждения Державного банка или не внесенные к тому же сроку в казначейства, не подлежали приему правительственными кассами и не были обязательны к обращению между частными лицами. Регистрация осуществлялась путем наложения прямоугольного штампа со следующим текстом на украинском языке «Заявлено в... конторе/отделении Государственного банка Украины года 1918 месяца... дня... №...». Порядок штампования устанавливался распоряжением Ржепецкого от 10 октября 1918 г. № 84; к распоряжению прилагались формы документов, касающихся регистрации: заявка на проведение штампования, штамп регистрации, журнал заштампованных обязательств, журнал обязательств с указанием владельца, квитанция о проведении штампования и реестр обязательств, пересылаемых в контору (отделение) банка для штампования. Однако в силу обстоятельств того времени эти формы явно дошли не до всех отделений банка, что следует из разнообразия сохранившихся штампов регистрации разных отделений. В конце срока штампования для ускорения операций рекомендовалось отправлять с мест соответствующую документацию телеграфом³³.

В непосредственной связи с последним законом следовал закон от 8 ноября, согласно которому министру финансов предоставлялось право выводить из обращения ценности, обращающиеся наравне с российскими дензнаками, то есть купоны, серии Госказначейства, КОГК и местные бонны. Однако для реализации этого закона ничего сделано не было.

Кроме того, были подготовлены, но не утверждены:

— закон от 5 ноября «Об обязательном предъявлении к обмену Российских кредитных билетов достоинством 250 рублей»;

— распоряжение министра финансов о штамповании российских 1000-рублевых кредитных билетов образца 1917 г. по закону 7 ноября 1918 года;

— распоряжение «О прекращении хождения Российских казначейских знаков достоинством в 20 и 40 рублей».

Нам представляется, что причина бездействия законов от 5 и 8 ноября, а также упомянутых распоряжений связана с тем, что дело шло к разгрому Германии, к тому же налицо были и первые успехи Добровольческой армии юга России. Гетманское правительство постепенно начинало ориентироваться на союз с добровольцами, а на

Белом юге всеми упомянутыми российскими знаками активно пользовались.

На исходе гетманского периода было решено сохранить обе денежные единицы — карбованец и гривну, символизировавшие разные подходы к определению судьбы нового государства. К этому шагу подтолкнула необходимость решения не политических, а чисто практических финансовых задач, к чему в значительной степени было склонно правительство гетмана. Специальный правительственный закон от 13 ноября 1918 г. примирял исключавшие друг друга статьи законов Центральной рады от 19 декабря 1917 г. и 1 марта 1918 г. о денежной единице Украины. Теперь допускались эмиссии, как в карбованцах, так и в гривнах.

Очень интересен один из пунктов этого закона, в котором оговаривалось разрешение свободного вывоза из Украины за границу российских денежных знаков и ценных бумаг³⁴. Таким образом, Ржепецкий наделялся избавиться от значительной доли «вражеских» денег.

14 декабря 1918 г. гетман Скоропадский был свергнут, и в город вошли войска Украинской Народной Республики под командованием «головного атамана» и руководителя Украинской Директории (правительственного органа) С.В. Петлюры. Директория одержала легкую победу над гетманской властью, воспользовавшись ненавистью крестьянства к немецкой оккупации.

Единственной дисциплинированной воинской силой Петлюры был киевский осадный корпус, состоявший из выходцев из Галиции. Атаман корпуса Коновалец переименовал его в «корпус сичевых стрельцов»³⁵. По версии Л.М. Неманова, чтобы завоевать расположение галичан, Директория, провозгласившая объединение Украины с Галицией, стала вести ультрашовинистическую политику³⁶. Но вряд ли причина такого поворота только в этом. Свидетелю событий А.А. Гольденвейзеру период правления Директории запомнился как шесть недель «необузданного украинского национализма и русофобства». В его памяти отложились жестокие еврейские погромы, кампания по украинизации вывесок и в целом соревнование новой власти с большевиками в левизне³⁷. Чем объяснить, что из трех периодов правления УНР в Киеве с каждым разом нарастали «левизна» и русофобия? Скорее всего, в такой уродливой форме воплотился общий рост национального самосознания.

С первых же недель господства Директории начался исход новых киевлян (беженцев с севера России) и старых за границу и в Одессу. Как и многие сторонники и чиновники гетманской Державы, министр финансов Ржепецкий оказался в Лукьяновской тюрьме³⁸.

Несмотря на отсутствие объективных условий для проведения денежной реформы по выдавливанию российского рубля из денежного обращения Украины, сразу же после прихода Директории в Киев началась подготовка к такой реформе. С 30 декабря по 5 января в Министерстве финансов Директории обсуждалось несколько ее вариантов.

Во-первых, был выдвинут проект пониженного курса рубля. Его сторонники объясняли необходимость такого варианта борьбой с последствиями намерений правительства гетмана стремиться к образо-

ванию единой и неделимой России, а также бегством буржуазных кругов с севера России на Украину, в результате чего возник переизбыток рублей.

Предлагалось также провести обмен рублей на карбованцы по паритетному курсу. Рубль по этому варианту должен был сохранять хождение до его изъятия, причем курс изъятия устанавливался по отдельным категориям знаков. Сторонники этого варианта доказывали, что паритет заложен законом 19 декабря 1917 г., а понижение курса рубля будет крайне непопулярным у населения и скомпрометирует реформу.

Туган-Барановский предложил вариант закона о принудительном лишении рубля платежной силы на Украине. После дебатов к 6 января 1919 г. был окончательно утвержден вариант закона, предложенный только что назначенным министром финансов Мартосом. Этот, так называемый закон «Об Украинской Державной денежной единице», несмотря на свое название, непосредственно касался судьбы именно российских денежных знаков: «С 26 января 1919 г. Российские денежные знаки, как кредитные билеты, так и знаки Государственного казначейства, так называемые “керенки” перестают быть законным платежным средством на Украине и прием их перестает быть обязательным с 16 января 1919 г. всеми государственными учреждениями. Прекращается прием кредитных билетов в 1000 и 500 рублей, а с 21 января и в 250 рублей, в платежи и взносы, а также на текущие счета». Позже Мартос объяснял прекращение приема и обмена банкнот по 500 и 1000 руб. тем, что эти банкноты были на руках у зажиточной части населения, большинство которого из-за революции налогов не платило³⁹.

10 января 1919 г. последовало дополнение за подписью министра финансов, касающееся российских ценных бумаг и денежных знаков: до 26 января 1919 г. российские кредитные билеты номиналом от одного до ста руб., знаки Государственного казначейства 20 и 40 руб., а также 4%-ные серии номиналом 50 и 25 руб. должны приниматься по номиналу, а затем с понижением курса до 180 шагов за рубль, а с 29 января — до 150 шагов за рубль. Российские разменные марки и боны — по курсу 1 коп. — 2 шага⁴⁰. По мнению Мартоса, в результате реформы «ценность украинских денег не только не упала, но окрепла. На какой-то период наступила стабилизация, и население принимало эти деньги с доверием». Он уверял, что этот закон укрепил престиж молодого государства⁴¹. Однако в целом по Украине к обмену было предъявлено ничтожное количество рублей. Да и сам автор закона был вынужден признать, что большая часть российских денег, особенно «романовских», осталась на руках у населения. Следует отметить, что в пору властвования Центральной Рады Мартос был «генеральным секретарем» (то есть министром) по земельным делам. Таким образом, его никак нельзя назвать профессиональным финансистом.

В Киеве закон сначала понизил лаж на рубли, но он никогда не опускался до нуля (то есть рубль все равно стоил дороже карбованца), а перед уходом Директории опять поднялся из-за слухов о намерении советской власти аннулировать украинские деньги. На местах закон, несмотря на все разъяснения, во многих случаях остался совершенно

не понятым. Кроме того, уездные уполномоченные по реформе во многих случаях сообщали о том, что провести ее они не в состоянии, поскольку в кассах нет украинских денежных знаков для обмена.

Заметим, что к моменту прихода Директории (14 декабря 1918 г.) в обращении находилось рублей не менее, чем на 10 млрд, а украинских денег — лишь на 2,775 млрд. Таким образом, теоретически обменять на «украинки» можно было лишь каждый четвертый рубль. Последствия закона к тому же сильно зависели от политической конъюнктуры. Так, в левобережной Украине, по которой шло продвижение советских войск, реформа осталась лишь на бумаге. В других же местах и даже в частях петлюровских войск происходили волнения на почве краткости сроков, установленных для сдачи российских денег. Поэтому приходилось специальными распоряжениями продлевать эти сроки. Как следствие закона развилась сильнейшая спекуляция: русские деньги скупались на местах, занятых Директорией, переправлялись в местности, занятые уже советскими войсками, где их с определенной выгодой обменивали на украинские ⁴².

А вот реакция населения, которую зафиксировала разведка генерала Деникина: «На закон Директории о самостоятельной валюте население ответило усиленным спросом русских денег, среди которых ценность “романовских” ассигнаций заметно возросла» ⁴³.

Пожалуй, только Одесса, контролировавшаяся в ту пору французским оккупационным корпусом, сопротивлялась распоряжениям Киевской Директории. Глава местного Отдела финансов Б.К. Сувчинский заявил, что на Одессу распоряжение не принимать царские и «керенки» в казенные платежи не распространяется, и никакой разницы между прежними денежными знаками и украинскими нет ⁴⁴.

Помимо этой реформы Директория ничего не сделала для упорядочения денежного обращения, продолжая в огромных количествах выпуск украинских знаков, изготовленных в Берлине, Киеве и Одессе. Так, если при гетмане за 7,5 месяцев было выпущено обращение карбованцев на 2,6 млрд, то при Директории за 1,5 месяца — на один млрд. Как жестко, но вполне справедливо отмечал Неманов, в этой денежной реформе «чрезвычайно ярко отразилась вся ненависть Директории к остальной России, полное подчинение финансовой и экономической жизни края ультранационалистической, противоречащей интересам населения политике, чрезвычайное легкомыслие при решении самых сложных финансовых вопросов и поразительное незнание азбучных истин финансового управления» ⁴⁵.

Казалось бы, официальное существование рубля на Украине близило к концу, но в Киеве Мартос распоряжался финансами недолго и уже 1 февраля 1919 г. киевские газеты сообщили, что он и его товарищи спешно эвакуировались из Киева в Винницу ⁴⁶. Представлять Министерство финансов в Киеве остался директор департамента Задорожный. Позже под влиянием ухудшения ситуации на фронтах Министерство финансов и Державный банк Украины постоянно «странствовали», пытаясь найти приют в Виннице, Каменец-Подольском, Ровно, Тесьмянке и Станиславе ⁴⁷.

Если гетманская власть оставила все госимущество своей преемнице, то Директорией при уходе из Киева было вывезено решительно

все: ценности Державного банка на сумму свыше 2,5 млрд руб., весь подвижной состав, наиболее важные бумаги, и советской власти, явившейся на смену Директории, осталось «совершенно пустое место»⁴⁸. Уже находясь вне Киева и контролируя лишь несколько западных уездов Украины, Директория продолжала печатать денежные знаки в Каменец-Подольске. Заметим, что все эти знаки исчислялись в карбованцах, а не в гривнах, за которые так ратовал Мартос во время киевского периода Директории.

С начала февраля по конец августа 1919 г. Киев и большую часть территории республики контролировали войска Красной армии. Столицей советской Украины стал Харьков.

Накануне прихода красных основная денежная масса была вывезена из банков правительством Директории в Винницу. Только процентных бумаг эвакуировали более, чем на один миллиард рублей⁴⁹. В связи с этим возникла острая потребность в денежных знаках, печать которых власти собирались наладить в ближайшее время. Надежда на получение необходимой суммы из Москвы не оправдалась. Московский Совнарком отказался предоставить взаимобразно нужную сумму, поскольку Московская экспедиция едва удовлетворяла собственные потребности⁵⁰. Конечно, к обращению были допущены в первую очередь денежные знаки России.

В связи с недостатком денежных знаков выдача денег по чекам была ограничена «в размере 500 руб. на 2 недели по каждому текущему счету». Такие же ограничения были сделаны для сберкасс. Кроме того, для восстановления запаса денежных знаков 15 февраля было объявлено, что на «промышленные классы» города налагается контрибуция в размере 200 млн рублей. Несмотря на денежный голод, декретом рабоче-крестьянского правительства Украины от 12 февраля были аннулированы разменные знаки — шаги, а с 26 марта вся наличность в шагах была изъята из банков⁵¹. При публикации перечня российских ценных бумаг, которые имели хождение наравне с кредитными билетами, специально оговаривалась пригодность к обращению даже бумаг с небольшими повреждениями⁵².

Постановлением Совнаркома Украины от 7 марта 1919 г. было объединено банковское дело Украины и Советской России. Бывшие конторы Державного банка в Киеве и Харькове были преобразованы в Киевскую и Харьковскую Окружные конторы Народного банка РСФСР. Под юрисдикцию Киевской конторы попали Киевская, Черниговская, Подольская и Волынская губернии, а под юрисдикцию Харьковской — Харьковская, Полтавская и Екатеринославская⁵³. Советские правительства России и Украины 1 июня 1919 г. заключили соглашение о единстве экономической политики и денежного обращения, регулируемого единым федеральным центром (имелся в виду Наркомфин РСФСР)⁵⁴. Однако и до заключения этого соглашения вся финансовая политика в республике контролировалась из Москвы, а реализовывал ее на месте специальный уполномоченный по финансовым делам при Совнарком Украинской ССР. Чтобы понять суть взаимоотношений двух республик в области финансов, обратимся к инструкции замнаркомфина РСФСР Оболенского своему уполномоченному при Совнаркоме УССР Туманову⁵⁵. Московский представитель наделялся прямо-таки диктаторскими полномочиями:

«Ни одно ведомство не должно переводить кредита своим уполномоченным на Украине без Вашего заключения». В особо срочных случаях, когда кредиты переводились непосредственно в Украинский Совнарком, распределялись они тоже только по заключению московского уполномоченного. «Все денежные знаки... посылаются исключительно в Харьков в Ваше распоряжение, откуда Вы и будете рассылать их в украинские центры». Заявки от ведомств о потребности в средствах следовало использовать лишь «в информационном плане». А уполномоченному следовало лишь уведомить об этом украинский Совнарком.

О ситуации с денежными знаками на 27 марта 1919 г. комиссар Киевской конторы Народного банка Моргулис докладывал своему начальству в Москву:

«Украинских денег до 27 марта выпущено 4.039 млн карб. Эмиссия прекращена... Все украинские деньги признаны [украинским] Советским правительством кроме аннулированных разменных марок шагов. Билеты 100 карбованцев образца 1917 года изъяты из обращения [в] прошлом году. Украинские деньги обращаются альпари [с] русскими»⁵⁶.

Кроме того, Моргулис обращался в Центр с таким предложением: «Ввиду острого недостатка денежных знаков весьма желательно [в] виде временной меры выпустить в Киеве для замены ветхих без увеличения эмиссии украинских казначейских знаков десять карбованцев нового образца, что по техническим условиям вполне возможно, изготовлено их 16 млн и можно печатать [один] миллион ежедневно. Дальнейшая выделка приостановлена». Судя по резолюции на этой телеграмме, было давно предварительное разрешение печатать знаки в 10 карбованцев до утверждения Совнаркомом, следовало лишь выслать в Москву образцы. Совнарком Украины со своей стороны тоже санкционировал выпуск этих знаков.

Как и указывал Маргулис, украинские знаки были допущены к обращению альпари, то есть один карбованец можно было поменять на один рубль советскими знаками. Вначале курс карбованца был установлен несколько ниже рубля (85 коп.). За гривну полагалось выплачивать 42,5 копейки. Такой курс следовал из инструкции Правления Народного банка от 26 марта⁵⁷. Но уже 9 апреля установили соотношение альпари — за один карбованец выплачивали один рубль советскими знаками⁵⁸. Не подлежали обмену лишь купюры в 100 карбованцев образца 1917 г. и разменные марки (шаги).

Летом официальный прием украинских знаков был неожиданно прекращен. Скорее всего, это было вызвано появлением упомянутых знаков в 10 карбованцев советской печати, а также притоком из Центра достаточного количества «пятакоских» денег (российских кредитных билетов образца 1918 г. с подписью Пятакова). Декретом от 1 июня 1919 г. о выпуске «пятакоских» Народному банку предоставлялось «право выпуска... в пределах действительной потребности народного хозяйства в денежных знаках». Иными словами, никаких ограничений на их эмиссию не делалось.

Белая пресса позже утверждала, что летом в Киеве помимо украинских знаков печатали и царские купюры в 5 и 10 рублей. Подтвердить или опровергнуть это не удалось, однако в статистических мате-

риалах ежемесячных выпусков знаков в обращение имеет место существенный всплеск в августе 10-рублевых знаков, что может служить косвенным подтверждением такого киевского тиража. На фоне предыдущих и последующих поступлений порядка 3 млн руб./месяц, для августа эта цифра составила 14,5 млн рублей ⁵⁹.

В августе под натиском войск генерала Деникина красные на несколько месяцев оставили Украину. Архивные материалы раскрывают некоторые детали эвакуации ценностей и имущества Киевской Окружной конторы НБ. Судя по отчету, основная масса ценностей была вывезена (более 200 ящиков). Эвакуация происходила ночью 22 августа. Ценности были погружены на пароход и по воде отправлены в Гомель, оттуда по железной дороге они проследовали в Брянск, а затем в Москву, куда поступили не позже 12 сентября. Известно, что на эвакуацию было затрачено около 230 тыс. рублей ⁶⁰. Эта эвакуация ценностей опять оставила в очень тяжелом финансовом положении Киев. Решать в очередной раз традиционную задачу борьбы с денежным голодом пришлось уже деникинцам.

Напомним, что в Киеве добровольцы находились около трех с половиной месяцев — с 18 (31) августа по 3 (16) декабря 1919 года. Еще до развертывания операций на Украине деникинское Управление финансов (УФ) санкционировало обратный процесс — запретило хождение гривны немецкого производства, контроль за тиражом которой находился в Берлине. В частности, Полевому казначейству № 2 при штабе Крымско-Азовской Добровольческой армии последовало следующее указание от 23 апреля 1919 г. № 1353: «Распоряжением Управления финансов при Главнокомандующем прием украинских гривен с 1-го сего апреля в кассу учреждений Государственного банка и казначейств ПРЕКРАЩЕН. Предлагаю принять это к руководству и исполнению. Главный казначей д. с. с. Собриевский». Правда, позже из-за обострения денежного голода хождение гривен пришлось опять разрешить. Кредитная часть УФ сообщала 7 июня о знаках, допущенных к обращению: «...В пределах бывшей Украины и Крыма карбованцы 50-рубл. достоинства по курсу карбованец за рубль, а также украинские гривны всех достоинств» ⁶¹.

Вскоре после занятия деникинцами Киева (27 августа) был подписан приказ военного губернатора генерал-лейтенанта Генштаба Н.Э. Бредова, в котором перечислялись денежные знаки, разрешенные к обращению. Так, наряду с российскими рублями дореволюционного образца, «думскими» и «керенками», а также ходившими на Белом юге «донскими» (выпущенными конторой Государственного банка Ростова на Дону), «сериями» и обязательствами Российского Государственного казначейства были допущены к обращению «украинские кредитные билеты и казначейские знаки, выпущенные в карбованцах и в гривнах всех достоинств» кроме 10 карб. советского выпуска и 3,6% билетов Украинского Державного казначейства. Также были допущены к обращению боны, выпущенные городскими общественными управлениями Одессы и Житомира.

Характерное дополнение к приказу дал уполномоченный по делам финансов Киевской и Черниговской губерний Б.В. Матусевич: «Все денежные знаки, выпущенные только Директорией или Петлюрой, не будут нами признаны» ⁶². Действительно, 28 августа был под-

писан дополнительный приказ Бредова (№ 12), согласно которому «появившиеся в обращении украинские денежные знаки, выпущенные правительством Директории в Виннице: 25 карбованцев (сиреневого цвета) и 100 карб. с рельефным изображением Богдана Хмельницкого, хождения не имеют»⁶³.

Но, в первую очередь, деникинское УФ боролось с советскими «пятаковскими» рублями. «Киев и его район насыщены “пятаковскими” деньгами как никакой другой город», писала «Киевская жизнь» 27 августа⁶⁴. Поэтому население рассчитывало на их обмен, причем не как в Харькове, где меняли по 500 руб., а надеялось, что норма обмена будет повышена до 2 тыс. рублей⁶⁵. Однако «пятаковские» были запрещены к обращению упомянутым приказом Бредова № 11. Еще раньше, опережая события, Киевская городская управа объявила о прекращении хождения этих знаков уже с 24 августа⁶⁶. Для населения это оказалось полной неожиданностью.

Вот что заявлял глава УФ Бернацкий: «Пятаковские деньги аннулированы, и впредь нигде приниматься не будут. По имеющимся сведениям, пятакских денег напечатано до 30 миллиардов, и если бы они не были аннулированы, то поток их мог бы повести за собой денежную катастрофу... Опыт аннулирования в том виде, в каком мы его проводим, не был удачен. Мы предложили внести пятакские деньги в банк, обещая владельцам 500 рублей пятакских денег, донские деньги и выдавая квитанции на остальные суммы впредь до Учредительного Собрания. На практике к нам в банки больше 500 рублей пятакских денег никто не понес. Деньги скупали спекулянты и разменивали по 350 рублей, а когда сроку размена в Харькове пришел конец, они на автомобилях возили эти деньги в Полтаву, где были более поздние сроки размена. И нам пришлось израсходовать на размен 100 миллионов рублей. Поэтому в будущем мы решили пятакских денег совершенно не принимать и не разменивать»⁶⁷. Тем же, кто поверил обещанию сохранить советские деньги на «особых текущих счетах», с последующей перспективой обмена их после окончания войны, совсем не повезло. Как и следовало ожидать, ни обмена советских денег, ни выплаты компенсации за них так и не последовало.

Мало того, запасы «пятаковских» денег, которые образовались у деникинцев после проведения частичного обмена летом 1919 г., использовали в агитационных целях. Сначала на них делали крупные овальные пробивки в центре купюр размером 11x33 мм и в таком виде сбрасывали в тыл красных. В такие «порченные» деньги могли играть сельские ребяташки, а вскоре умельцы научились заклеивать пробивку и давали такие купюры доверчивым простакам. Затем кому-то пришла мысль использовать эти деньги как антисоветские листовки, сделав на них соответствующие надпечатки. Ведь любая листовка в виде денежного знака привлекает к себе больше внимания и лучше запоминается, чем сделанная на простой бумаге. Да к тому же происходила и некоторая экономия бумаги. Технически это делалось следующим образом: пробивку меньших размеров (приблизительно 8x3 мм) стали делать в углу купюры, а в центре помещали агитационные надписи. По некоторым сведениям, эти надпечатки ставились только в Харьковском отделении Осведомительного агентства ОСВАГ. По край-

ней мере, именно в харьковской газете «Новая Россия» (от 4 августа 1919 г., № 66, с. 2) среди телеграмм под заголовком «Оригинальная агитация» было упомянуто о том, что агитационный отдел Добровольческой армии производит штемпелевание «пятакоек» антисоветскими текстами и эти «пятакочки» сбрасываются с самолетов над советскими населенными пунктами. Для жителей этот метод агитации оказался очень опасным. Представители советской власти расстреливали тех, у кого находили знаки с надпечаткой ОСВАГа. Да и после Гражданской войны хранить такой коллекционный материал было весьма небезопасно.

Как и во всей бывшей Российской империи, на Украине в деникинский период продолжалась дифференциация денежных знаков по «сортам». Так в сентябре 1919 г. за один царский рубль приходилось платить 2,3 руб. «керенками», 2,5 руб. «донскими» или 3,33 руб. (карбованца) украинскими знаками ⁶⁸.

Судьба российских ценных бумаг на Украине в этот период оставалась неопределенной. Газета «Киевское эхо» писала, что наличные ценные бумаги почти все вывезены большевиками и вряд ли их будет много обращаться на бирже. Банки вынуждены будут выдавать держателям бумаг особые удостоверения с указанием наименования и номеров принадлежащих им бумаг, эти удостоверения и будут обращаться на бирже ⁶⁹.

История работы Киевской экспедиции заготовления государственных бумаг скорее служит примером малой эффективности работы Управления финансов ВСЮР. Ее деятельность разворачивалась катастрофически медленно и ставила ситуацию с денежными знаками в городе и области на грань катастрофы. Вслед за приказом генерала Бредова в «Киевской жизни» появилась заметка относительно судьбы Киевской экспедиции. Заметка так и называлась: «Киевская экспедиция государственных бумаг». В заметке сообщалось, что руководство Добровольческой армии уже заинтересовалось ее судьбой. И хотя клише для печати денежных знаков были вывезены еще Директорией, прекрасно оборудованная типография находится в рабочем состоянии, но бездействует. Планы ее использования были весьма амбициозными. Так, среди архивных документов сохранился проект сметы расходов Киевской ЭЗГБ на сентябрь-декабрь 1919 года. Из него следует, что на этот период предполагалось закупить немалое количество банкнотной бумаги — 5 тыс. пудов ⁷⁰. Однако реализовать задуманное практически не удалось. Почти сразу после прихода добровольцев в Киев ситуация с денежными знаками в городе стала резко ухудшаться. «...Результаты нашего трагического безденежья в политическом и военном отношении играли роль поистине роковую», — вспоминал Деникин ⁷¹. Только что назначенный Деникиным «Главноначальствующий Киевской областью» генерал А.М. Драгомиров докладывал ему 29 сентября:

«...Прошу Вашего особого содействия по ускорению присылки денежных знаков. В этом отношении дело обстоит удручающе. Часть войск не получают денег два месяца, а некоторые части и три. Теперь с расширением дела печатания денег, казалось бы, можно было бы добиться значительного улучшения в деле своевременного снабжения знаками. Казначейство (полевое) на днях прибывает в Киев, и

выдачу денег значительно ускорим, если Бернацкий одновременно пришлет крупную сумму денег, миллионов до ДВУХСОТ (200 000 000 р.)». Еще более удручающую картину Драгомиров рисует в следующем письме от 20 октября: «Город-банкрот. Живет только тем, что мы даем. 20 000 000 обещанных ему в ссуду и выданных ему из моего стомиллионного фонда — ухнули в бездонную пропасть, не удовлетворив и 1/5 всей нужды. Словом, сюда надо присылать целыми поездами деньги...» ⁷².

Тем временем 17 октября прошло первое сообщение о том, что Киевская ЭЗГБ приступила к печатанию денег по заказу Доброармии ⁷³. Но радоваться было рано: «Экспедицию пустили в ход, но крайне глупо», — докладывал Деникину Драгомиров. — Печатают 3-х рублевые бумажки, менее одного миллиона в день, когда они никому не нужны, ибо за 3 рубля нечего покупать: трамвай стоит 5 руб. конец; хлеб 13—15 руб. фунт, а в дни когда слышна стрельба на Ирпене и нет подвоза из деревни, сразу поднялся на 25—30 руб. Яйцо — 5—8 руб., 1 фунт картофеля — 10 руб. и т.д.

Какой смысл расходовать бумагу и краски на 3-х руб[левый] знак — отказываюсь понять. И это в лучшей нашей экспедиции. Обещают печатать 50 рублевки, но когда начнут — еще неизвестно. А пока мы сидим без [неразборчиво] у войск задолженность за 2—3 месяца, а фабрики и заводы постоянно находятся под угрозой локаута из-за несвоевременного платежа... Хуже всего, что Бернацкий даже не трудится отвечать на телеграммы. Точно это не его дело!.. Казалось бы, что теперь знаков много больше и можно было бы принять меры по более аккуратному снабжению мест недавно к нам перешедших, в которых ликвидация большевистского наследия проходит всегда очень остро и на первых уже порах поглощает массу средств» ⁷⁴.

Первая партия в 200 тыс. руб. новых трехрублевок, отпечатанных киевской ЭЗГБ, поступила 24 октября ⁷⁵. Попытаемся объяснить возникновение такой трагикомической ситуации. Конечно, никаких клише денежных знаков Белого юга в Киеве не было. И в Киев «срочно» привезли свободные клише из Ростова. Насколько «срочно» можно судить по тому, что даже военные телеграммы, по свидетельству Драгомирова, доходили из Ростова в Киев на восьмой день. А свободными в Ростове оказались только трехрублевые клише — все остальные номиналы донских знаков Ростовская экспедиция печатала сама на пределе своих возможностей. Был и еще один повод печатать столь мелкие купюры. Дело в том, что первая партия «донских» рублей, прибывшая из Ростова в Киев, состояла, главным образом, из купюр крупных номиналов; мелкие составляли лишь 3% от суммы ⁷⁶. Поэтому и было решено печатать разменные знаки на месте. Что касается клише ВСЮР-знаков, то они находились еще дальше от Киева — в Новороссийске. Поэтому и привезли их в Киев позже.

В телеграмме от 27 октября Драгомиров сообщает о еще более опасных последствиях денежного голода: «Не получая денег, продовольствия войска переходят на незаконные реквизиции, граничащие с грабежом... Если не получу до среды денег и не будет выслана новая порция в сто — полтараста миллионов, буду вынужден объявить контрибуцию, что будет лучше чем тот ужас, который мы переживаем от безденежья...».

Других денег, кроме тех, что печатала Киевская экспедиция, в Госбанке не было. Наконец, 17 октября началось тиражирование в Киеве 50-рублевых ВСЮР-знаков ⁷⁷, а 1 ноября глава Госбанка А.И. Цакони сообщил телеграммой в Новороссийск: «Приступлено выпуску обращение пятидесятирублевых билетов Казначейства Главного командования, изготовленных Киевской экспедицией... Беспрепятственно производите прием, обмен, выдачу, не дожидаясь получения образца и описаний. Сообщите казначействам. Цакони. 175» ⁷⁸. Серийный номер этих знаков помечался литерой «К». Через пять дней после официального выпуска банкнот в обращение «Киевская жизнь» от 6 ноября писала в заметке с характерным заголовком «Денежный голод»: «...Киевская экспедиция... в связи с частыми перерывами подачи тока, работает нерегулярно, и выпуск денег значительно понизился. В настоящее время экспедиция едва успевает печатать в день 3 миллиона рублей 50-ти рублевыми купюрами». По предложению представителей частных банков, побывавших на приеме у Драгомирова, наконец-то была прекращена печать трехрублевки и дополнительно запланирована печать «донских» знаков достоинством 250 рублей (сведений о печати в Киеве этих знаков у меня нет). К тому времени подоспела и помощь из других городов: уполномоченный по делам финансов Матусевич привез из Ростова еще одну партию «донских» денег на 50 млн руб., поступили также казначейские знаки в 50 карбованцев из Одессы ⁷⁹. Лишь в середине ноября «Киевлянин» дал успокаивающую заметку под заголовком «Ослабление денежного кризиса». В ней сообщалось, что в последние дни удалось повысить производительность экспедиции с 8—10 до 10—15 млн руб. в день.

В декабре 1919 г. в большинстве районов Украины опять установилась Советская власть. Этот третий ее приход сопровождался определенным ослаблением централизованного руководства финансовой политикой республики из Москвы. Так, в январе 1920 г. был образован собственный финансовый центр Украины в виде Управления уполномоченного Наркомфина, входившего в состав Совнаркома Украины на правах Народного комиссара. Финансирование УССР осуществлялось по трем каналам: расходными расписаниями по четвертям года, с января по сентябрь включительно, данными Москвою; дополнительным 20-миллиардным ассигнованием, испрошенным Укрсовнархозом у Совнаркома РСФСР и ассигнованиями, сделанными междуведомственным при уполномоченного совещанием и утвержденным Совнаркомом Украины. Вся сумма кредитов, которыми располагала Республика до 1-го января 1921 г. из указанных трех источников, равнялась 154,4 млрд рублей. Основными статьями расхода были: народное хозяйство — 37,6%, продовольствие — 21,5 %, соцобеспечение и здравоохранение — 17%.

Если на начальном этапе ведомства сами обращались в Харьков для получения необходимых денежных сумм, то с июня 1920 г. началась кампания по борьбе с «денежным мешочничеством». По новому положению, всем ведомствам было запрещено перевозить денежные знаки. Все суммы, поступавшие из Москвы в Харьков, теперь на места доставлялись финотделами, и затем их распределяли между организациями. По заверению властей, такой подход, якобы, значительно смягчил денежный кризис ⁸⁰.

Из-за отсутствия достаточного запаса советских денежных знаков белогвардейские знаки оставались в обращении после вытеснения армии генерала Деникина, и некоторое время даже продолжался их выпуск Ростовской и Новороссийской экспедициями. Наряду с ними оставались в обращении и украинские знаки. Так, в распоряжениях о том, какие знаки допущены к обращению⁸¹ среди аннулированных не фигурировали «украинки» (25 и 50 карбованцев) и гривны мелких достоинств (2 и 10 гривен). В начале апреля были аннулированы купюры наиболее крупных номиналов: 5000-рублевки донского образца и 10000-рублевки Главного командования Юга России. Полная ликвидация белогвардейских знаков прошла в начале июля 1920 г. с появлением достаточного количества советских знаков. И тут же возникли новые трудности теперь уже с разменом советских 5000- и 10000-рублевых купюр, которые и составили основную долю прибывших советских рублей. Сразу же возник лаж при их размене до 20—40%. Так, из Екатеринослава местное руководство сообщало наркому финансов Н. Крестинскому в апреле 1920 г. о том, что на выплаты рабочим, красноармейцам и семьям порой выдают по одной крупной купюре на пять, а и иногда и на пятнадцать человек. Если недавно за размен десятитысячной купюры спекулянты брали тысячу рублей, сейчас запрашивают до двух тысяч. «Крестьяне крупных купюр абсолютно не берут. Рабочие, которым они навязываются, волнуются настолько сильно, что даже возникла мысль принимать стоимость размена на счет предприятия», — сообщали с мест⁸².

Характерно, что в кассы финансовых органов вернулось сравнительно небольшое количество белогвардейских денежных знаков. В надежде на возможный возврат белогвардейской власти население не только заботливо хранило белогвардейские денежные знаки, но и пользовалось ими как платежным средством в тех местностях, где белогвардейское влияние было достаточно сильно. При наступлении Врангеля из Крыма на Таганрог летом 1920 г. курс денежных знаков бывшего Донского правительства повысился до 100 руб. за 140 руб. советскими купюрами, а через день, когда наступление Врангеля было отбито, упали до 100 руб. за 80 рублей. По слухам, еще в 1921 г. в некоторых глухих углах Донской области белогвардейские денежные знаки имели хождение среди населения⁸³.

Прежде, чем перейти к ситуации, сложившейся во время польского вторжения, обратимся к документу, который на пару месяцев предваряет эти события, характеризует ситуацию с денежными знаками в приграничной Волыни. В начале марта 1920 г. наркому финансов РСФСР Крестинскому из прифронтового в то время Житомира поступило письмо председателя Волынского губревкома и заведующего Финотделом. Авторы письма обращались в Нарокомфин с просьбой немедленно выслать Житомирскому отделению Народного банка денежные средства, которые «в значительной части пойдут на заготовку продуктов для действующих войсковых частей, на продолжение сахарной кампании и на борьбу с эпидемиями». Они сообщали, что в их районе «ходят лишь те знаки, которые обращаются как в Советской России, так и в местностях, занятых поляками. Такими денежными знаками являются «керенки» и гривны... Соль и керосин поступают в округ г. Житомира только из-за фронтальной полосы и,

следовательно, на местах могут покупаться только за “керенки” и гривны. Это обстоятельство вызвало сильнейший спрос на керенки. А невозможность для местной Советской власти такой спрос удовлетворить приводит к тому, что рубль в “керенках” и гривнах расценивается на советские в четыре рубля». Из запрашиваемых 500 млн руб. авторы письма просили прислать 300 млн керенками, 100 млн гривнами и 100 млн кредитными билетами образца 1918 г., то есть «пятакотками». При выполнении указанных условий произошла бы большая экономия при оплате заготовок. Судя по резолюции и сопроводительным документам, в Житомир были оправлены «керенки», «пятакотские» и 1 млн австрийских крон вместо запрашиваемых гривен ⁸⁴.

В начале апреля 1920 г. между польским правительством и петлюровской Директорией был заключен так называемый Варшавский договор, благодаря которому стал возможен совместный поход поляков и петлюровцев на Украину. По этому договору Польше отдавалась восточная Галиция и часть Волыни, а Петлюре было обещано восстановление на Украине власти Директории. Уже в апреле над Киевом стали появляться польские самолеты, а 6 мая поляки с петлюровцами вошли в Киев. Что касается денежного обращения, то заметим, что польское командование не аннулировало прежних денег, в том числе и советских, — все они были допущены к обращению, но не в официальные платежи. Для их обмена на денежные знаки официального обращения был установлен принудительный курс.

Формально гражданская администрация состояла из украинских, а не польских чиновников. Первый «Приказ о приеме денег» ВРИО губернского комиссара Киевщины появился 12 мая ⁸⁵, в котором хотя и были указаны соотношения между российскими знаками и карбованцами, но отмечалось, что обмен польских марок «на гривны будет объявлен после получения указаний со стороны украинских властей». Поскольку Украинское правительство в Киев так и не переехало, а находилось в Виннице, то правительственные указания задерживались. Вслед за первым приказом последовал второй, на этот раз от имени коменданта Киева, в котором констатировалось, что, несмотря на обязательное постановление губернского комиссара Киевщины, в торговых предприятиях происходит спекуляция денежными знаками. Польскую марку приказ приравнивал к пяти рублям или десяти гривнам. Что касается вражеских, то есть российских знаков, то «николаевские» всех номиналов, «думские» (250 и 1000 руб.), и четырехпроцентные билеты госказначейства (серии) расценивались по расчету 1 руб. — 2 гривны — 1 карбованец. Казначейские знаки «керенки» 20 и 40 руб. — по расчету 50 руб. за 100 рублей. Курс на советские рубли устанавливался на уровне 5 карб. за 100 рублей. Не обязательными к приему признавались ⁸⁶ советские расчетные знаки номиналом 1000 рублей с надписью на 4 языках (так называемые «вавилонки»), а также 60, 30, 15 руб., и так называемые «мотыльки» (мелкие дензнаки 3, 2, 1 рубль). Таким образом, сравнительно высоко ценившиеся населением керенки были поставлены ниже «украинок» (карбованцев). Объясняется это тем, что в самой Польше «керенки» не ходили, а у населения Украины их сохранилось довольно много, поэтому был принят компромиссный вариант с заниженным

курсом. Советские 100 руб. приравнивались к 5 карб. или 10 гривнам, хотя в действительности они стоили в четыре раза выше. Но больше всего недовольства вызвал произвольный курс польской марки, которая была приравнена к 5 «романовским» рублям, чего конечно не стоила.

Единообразия в приеме и неприеме разных денег не было: одни продавцы принимали только «николаевские», другие «опускали цену» только за думские, третьи охотнее всего брали гривны. Одни продавали только на серебро, а рядом серебро вообще не принимали. С «керенками» тоже был разнобой: «Одни хватали только “двадцатки”, а другие не отвергают и “сороковские”».

Польскую марку ценили на керенки в 200 руб., на гривны и царские — в 100 рублей. А порой цены устанавливались так, чтобы удобнее было расплачиваться — без сдачи⁸⁷. Примерно так же характеризовал ситуацию А.А. Гольденвейзер: «Всеобщими фаворитами были гривны, царские и керенки-двадцатки. С карбованцами или сороковками в кармане можно было и не ходить на базар»⁸⁸. В конце польской оккупации Киева из кассы Киевской городской управы стали выдавать сохранившиеся там шаги (разменные марки), но поскольку не последовало официального извещения об их обязательном приеме, от них отказывались⁸⁹.

Что касается расширения запаса украинских денежных знаков в Киеве, то власти надеялись его пополнить за счет заказанных в Германии гривен. И действительно, первая партия в Киев поступила. Она состояла из гривен немецкой печати и «богдановок», отпечатанных в Каменец-Подольске (всего на 16 млн гривен). В Винницу прибыл первый транспорт из Германии через Румынию, привезя 80 млн руб. в гривнах⁹⁰. Кроме того, городские власти рассчитывали печатать украинские денежные знаки в Киевской экспедиции, но сделать этого так и не успели. Сначала не хватало бумаги, потом красок и клише. Наконец, 4 июня газета сообщила, что из Каменец-Подольска прибыли клише, и через пару недель киевская экспедиция начнет работу, но с 6 июня в городе началась паника, стало слышно, как стреляют пушки.

Из-за нехватки денежных знаков не заработал Государственный банк, не производили выплаты и сберегательные кассы. Власти предполагали, что, как только появится достаточный запас украинских знаков, российские рубли будут полностью исключены из обращения, но этого не произошло.

Для расчетов между организациями были выпущены чеки украинских кооперативов, акцептированные Украинбанком в купюрах 1000 карбованцев (желтые), 3000 карб. (зеленые) и 5000 карб. (синие). Предполагалось выпустить и более мелкие чеки (100 и 300 карб). На чеках имелся акцепт со сроком действия до 30 декабря 1920 года⁹¹.

Новые «пришельцы» хозяйничали в Киеве недолго. Киев был окончательно освобожден 12 июня, а в конце июля вся Украина стала Советской республикой. Для облегчения обороны Киева от красных поляки решили взорвать мосты на подступах к городу. Был взорван Цепной мост, а Русановский и Черниговский мосты взорвать не успели⁹².

Осенью 1920 г. в ходе советско-польской войны на части территории Западной Украины была образована Галицийская ССР. Власти

этой республики допустили к обращению все денежные знаки, ходившие в то время в РСФСР, а также «украинки», но только выпущенные советской властью⁹³.

После победы Красной армии над польско-петлюровскими войсками Украина на семьдесят с лишним лет вошла в СССР, финансовым символом которого опять стал рубль. Иными словами, украинским новообразованиям эпохи Гражданской войны так и не удалось победить рубль. И лишь распад империи привел к тому, что Украина снова обрела символ своей финансовой самостоятельности — гривну.

Примечания

1. ИСТОМИН М.И. Каталог денежных знаков гражданской войны в России. Т. II. Харьков. 2008.
2. АРТЕМЬЕВ Ю. Первый украинский денежный знак. Коллекционер. Сб. статей. М. 1995, с. 114—119; ЕГО ЖЕ. Украинские эмиссии казначейских знаков достоинством в 25 и 50 карбованцев (1918 г.). — Нумизматика і фалеристика. 2001, № 4, с. 16—23, 48—49; ЕГО ЖЕ. Деникинские лопатки. Коллекционер. М. 2001, с. 320—328.
3. ДМИТРИЭНКО М., ЮЩЕНКО В., ЛИТВИН В., ЯКОВЛЭВА Л. Гроші в Україні: факти і документи. Київ. 1998; Гривня (цикл статей). — Харьковський бізнесмен. 24.IX— 30.XII.2001, № 32(62)—45(87); ГНАТИШАК М. Державні гроші України 1917—1920 років: ілюстрований історично-іконографічний нарис. Клівленд. 1974.
4. МАРТОС Б., ЗОЗУЛЯ Я. Гроші Української Держави. Мюнхен. 1972.
5. НЕМАНОВ Л.М. Финансовая политика Украины (7 ноября 1917 — 4 февраля 1919 г.). Киев. 1919.
6. Отказ высылать деньги на Украину. Телеграммы. — Киевская мысль (утренний выпуск). 8(21).XII.1917, № 290.
7. МАРТОС Б., ЗОЗУЛЯ Я. Ук. соч., с. 9.
8. НЕМАНОВ Л.М. Ук. соч., с. 32.
9. На первой же современной украинской купюре после перехода от купонов к гривне изображен крымский Херсонес. Этим власти Украины хотели зафиксировать свои права на Крым.
10. БЕЛИМОВИЧ А. Туган-Барановский (некролог). — Россия (Одесса). 23.(11).I.1919, № 3, с. 1.
11. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 2324, оп. 1, д. 193, л. 26.
12. МАРТОС Б., ЗОЗУЛЯ Я. Ук. соч., с. 14.
13. НЕМАНОВ Л.М. Ук. соч., с. 34.
14. РГАЭ, ф. 2324, оп. 1, д. 193, л. 76—79.
15. Там же, л. 262, 418—422.
16. Акт от 27 февраля 1918 г. об эвакуации ценностей из кладовой Киевской Конторы Государственного банка. РГАЭ, ф. 2324, оп. 1, д. 193, л. 312.
17. Сводные данные о вывозе денежных знаков и ценностей из Казначейства Украинской Державы и из контор и отделений Государственного банка. Там же, л. 304—308.
18. Доклад начальнику операционного отделения германского восточного фронта о положении дел на Украине в марте 1918 года. Архив русской революции, т. 1, с. 289.
19. Киевская мысль. 7.III.1918, № 19; 8.III.1918, № 20.
20. РГАЭ, ф. 2324, оп. 1, д. 193, л. 28.
21. Там же, л. 29, 104.
22. МАРТОС Б., ЗОЗУЛЯ Я. Ук. соч., с. 13.
23. ФРЕЙ Л. К вопросу об экономических отношениях между Украиной и Германией. — Социал-демократ (Харьков). 23(10).III.1918, № 204, с. 1—2.

24. НЕМАНОВ Л.М. Ук. соч., с. 40—42.
25. РГАЭ, ф. 2324, оп. 1, д. 193, л. 76—79.
26. НЕМАНОВ Л.М. Ук. соч., с. 25.
27. ЗОЗУЛЯ Я. Гривня і карбованець в українській системі. В кн.: МАРТОС Б., ЗОЗУЛЯ Я. Гроші Української держави. Мюнхен. 1972, с. 41—42.
28. На неоднократные запросы с мест относительно того, что делать с украинскими знаками, поступающими в отделения Народного банка, Нарком финансов Н. Крестинский отвечал управляющим отделениями в Смоленске, Орле, Курске, Воронеже, Ельце, а также в Барнауле 21 мая 1918 г.: «Предлагаю украинских денежных знаков по обмену и [в] платежи не принимать и возвращать их предъявителям. Настоящее распоряжение сообщите подотчетным казначействам». РГАЭ, ф. 2324, оп. 3, д. 1059, л. 8—12.
29. Там же, оп. 1, д. 193, л. 360, 418—422.
30. МАРТОС Б., ЗОЗУЛЯ Я. Ук. соч., с. 15.
31. РГАЭ, ф. 2324, оп. 1, д. 193, л. 21—23, 472—474.
32. Там же, л. 36.
33. Там же, л. 180, 195, 369.
34. Там же, л. 45.
35. Россия (Одесса). 25(12).I.1919, № 4, с. 1.
36. НЕМАНОВ Л.М. Ук. соч. с. 28.
37. ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕР А.А. Из Киевских воспоминаний. АРР, кн. 6, с. 232.
38. Россия (Одесса). 26(13).I.1919, № 5, с. 2.
39. МАРТОС Б., ЗОЗУЛЯ Я. Ук. соч., с. 17.
40. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 9431, оп. 2, д. 19, л. 7, № 8, 9.
41. МАРТОС Б., ЗОЗУЛЯ Я. Ук. соч., с. 19.
42. НЕМАНОВ Л.М. Ук. соч., с. 49, 53—54.
43. Политическая сводка за 18 января 1919 г. — ГАРФ, ф. 446, оп. 2, д. 45, л. 57.
44. Русские деньги в Одессе. — Россия (Одесса). 26(13).I.1919, № 5, с. 1.
45. НЕМАНОВ Л.М. Ук. соч., с. 53.
46. Столичный голос (Киев). I.II.1919.
47. Гривня. Ч. 7. — Харьковский бизнесмен (Харьков). 24.IX.—30.XII.2001, № 32(62)—45(78).
48. НЕМАНОВ Л.М. Ук. соч., с. 31.
49. РГАЭ, ф. 2324, оп. 1, д. 193, л. 378.
50. Борьба (Киев). 12.II.1919, № 4.
51. РГАЭ, ф. 2324, оп. 1, ф. 103, л. 2г, 3.
52. Известия ЦИК Украины (Харьков). I.X.1919.
53. РГАЭ, ф. 2324, оп. 1, д. 103, л. 2а, 24.
54. КАРСКИЙ П. Основные черты постановки финансового дела на Украине. — Известия Наркомфина. 1921, № 5—10, с. 26.
55. РГАЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 1031, л. 1—2.
56. Там же, ф. 2324, оп. 1, д. 193, л. 459.
57. Там же, д. 483, л. 24.
58. Там же, д. 447, л. 2.
59. Наше денежное обращение. Сб. материалов по истории денежного обращения в 1914—1925 гг. М. 1926, с. 77, таблица 23.
60. РГАЭ, ф. 2324, оп. 1, д. 422, л. 1—2.
61. Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 40055, оп. 1, д. 32, л. 5; д. 4, л. 16.
62. Беседа с Б.В. Матусевичем. — Киевская жизнь. 28.VIII(10.IX).1919, № 3, с. 1.
63. Там же. 31.VIII(13.IX).1919, № 5, с. 1.
64. Первые шаги. — Киевская жизнь. 27.VIII(9.IX).1919, № 2, с. 1.
65. Киевское эхо. 25.VIII(7.IX).1919, № 5—10, с. 3.
66. Киевская жизнь. 25.VIII(7.IX).1919, № 1, с. 2.
67. С.Ч. Наши финансы. Беседа с управляющим отделом финансов Особого Совещания М.В. Бернацким. — Жизнь (Ростов). 28.VIII.1919.

68. Народная газета (Ростов). 22.IX.1919.
69. Финансовая жизнь. — Киевское эхо. 25.VIII(7.IX).1919, № 5—10, с. 3.
70. ГАРФ, ф. Р-439, оп. 1, д. 26, л. 56—58.
71. ДЕНИКИН А.И. Очерки русской смуты. Т. 3. Мн. 2002, с. 417.
72. ГАРФ, ф. Р-446, оп. 2, д. 18, л. 156об. — 157, 266об.
73. Объединение (Киев). 1919, № 39, с. 2.
74. ГАРФ, ф. Р-446, оп. 2, д. 45, л. 269—270.
75. Киевская жизнь. 25.X.1919, № 46, с. 1.
76. Там же. 28.VIII(10.IX).1919, № 3, с. 2.
77. Объединение (Киев). 17(30).X.1919, № 39, с. 2.
78. Телеграмма от 20 ноября 1919 г., № 16146. РГВА, ф. 40055, оп. 1, д. 4, л. 42.
79. Киевская жизнь. 5(18).X.1919, № 55, с. 2.
80. КАРСКИЙ П. Основные черты постановки финансового дела на Украине. — Известия Наркомфина. М. 1921, № 5—10, с. 25—27.
81. Аннулирование денег. Приказ № 12. — Одесский коммунист. 12.II.1920, № 151, с. 2.
82. РГАЭ, ф. 2324, оп. 3, д. 951, л. 36, 52.
83. ДАВИД А. Финансовое положение Юго-Востока. — Известия Наркомфина. 1921, № 16, с. 27—28.
84. РГАЭ, ф. 2324, оп. 3, д. 951, л. 176—176об.
85. Киевские новости. 12.V.1920, № 4, с. 1.
86. Киевский день. 18.V.1920, № 3, с. 1; № 9, с. 1.
87. О.М. В городе. — Киевские новости. 15.V.1920, № 7, с. 2.
88. ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕР А.А. Из Киевских воспоминаний. — Архив Русской революции, кн. 6, с. 281.
89. Киевский день. 5.VI.1920, № 17, с. 2.
90. Там же. 26.V.1920, № 15, с. 2.
91. Киевские новости. 16.V.1920, № 8, с. 1; Киевский день. 26.V.1920, № 9, с. 2.
92. Киевские новости. 10.VI.1920, № 27, с. 1.
93. АРТЕМЬЕВ Ю. Последняя эмиссия украинских «лопатоков». Коллекционер. М. 2007, с. 348.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Иван Александрович Кусков

Е.А. Драницына, А.Ю. Петров, И.В. Савельев

3 октября 1820 г. Главный правитель русских колоний на Аляске, капитан-лейтенант М.И. Муравьев направил письмо правителю крепости и селения Росс в Калифорнии Ивану Александровичу Кускову. В нем были такие строки: «Вы первый камень заложили в Альбионе и покамест им Росс будет существовать в Калифорнии»¹. Письмо написано в почтительном, почти подобоострастном тоне, как будто Кусков вовсе не родился мещанином, а Муравьев не был морским офицером, дворянином и правителем огромных территорий — Русской Америки.

Чтобы понять и оценить этот феномен, обратимся к жизни и деятельности И.А. Кускова.

За последние годы отечественная и зарубежная наука серьезно продвинулась в изучении истории Русской Америки. Наиболее яркое тому подтверждение — публикация фундаментального труда «Россия в Калифорнии»², в котором представлены документы о жизни Кускова. Основные вехи биографии этой неординарной личности нашли отражение, в частности, в сочинениях К.Т. Хлебникова, трехтомнике «История Русской Америки», биографическом словаре Р. Пирса, а также в ряде студенческих работ³.

В ходе наших исследований были выявлены документы в отечественных архивохранилищах, музеях, библиотеках о деятельности Кускова. Из них особенно богаты материалами оказались Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Российский государственный исторический архив (РГИА), Российский государственный ар-

Драницына Елена Александровна — заведующая отделом «Дом-музей Ивана Александровича Кускова» Тотемского музейного объединения; *Петров Александр Юрьевич* — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; *Савельев Иван Вячеславович* — кандидат исторических наук, доцент Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова.

хив Военно-морского флота (РГАВМФ), Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), Государственный архив Вологодской области (ГА ВО). В доме музее Кускова в г. Тотьма содержатся многие материалы, посвященные истории Русской Америки. И, конечно, в каждом музее России и зарубежных стран, где есть экспозиция о Русской Америке, обязательно присутствует информация о Кускове. К сожалению, за последние годы не проводилось комплексного исследования жизни и деятельности этого, можно сказать, «пионера» освоения Тихоокеанского севера с изучением его родословной. Данная работа направлена на то, чтобы попытаться суммировать накопленные сведения, ввести в научный оборот новые архивные материалы, высветить основные направления научных поисков и показать основные достижения Кускова.

Иван Александрович Кусков родился в 1765 г. в г. Тотьма Вологодской провинции Архангелогородской губернии. В XVII—XVIII вв. город был главным поставщиком соли и хмеля. Там находились крупное торжище и ярмарка, а в уезде помещался центр судостроения Сухоно-Двинского речного пути. С апреля на реке Сухоне открывалась навигация, которая продолжалась вплоть до октября. Судостроение по этой водной артерии было непростым: оно не могло обходиться без речных лоцманов — «носников», которые ведали проводкой судов по своему участку и были очень востребованы. Этим занимались предки Кускова, а проживали они в районе современной улицы Садовой — ранее Егорьевской ⁴. В ГА ВО отложились материалы первой переписи населения Тотемского уезда, проживающего в районе Егорьевской улицы в 1716 и 1719—1720 годах ⁵. В документах можно найти фамилии деда Кускова — Ивана Яковлевича — и его родственников: «Иван Яковлев Кусков — 50 лет, сын Григорий — 9 лет, сын Яков — 1 год и 8 месяцев, сын Иван Кусков — 25 лет, сын Алексей — 4 года, Александр — 3 года, сын Семён — 12 лет, сын Пётр — 4 года» ⁶.

Метрические книги ГА ВО, в которых бы отразилась запись рождения И.А. Кускова, пока не найдены. Однако в ревизских сказках за 1782 г. впервые упомянуто его имя и указан возраст — 16 лет. В этом же документе отмечены и члены его семьи ⁷. Отец Ивана Александровича — Александр Иванович — родился в 1721 г., умер 20 января 1782 г. «естественной смертью» ⁸. Мать Ивана Александровича звали Анна Петровна (1736—1777). У родителей Кускова было еще четверо детей: Дмитрий (1764—1799), Пётр (1773—?), Ирина (1769—?) и А(о)вдотья (1768—?).

Открытие Россией Америки со стороны Тихого океана произошло в 1743 году. Вскоре к берегам Аляски устремились сотни искателей быстрой наживы. Большинство среди них были с Русского Севера — люди, не знавшие крепостного права и привыкшие к суровым северным условиям. Еще с XVII в. северными городами были установлены торговые связи с Сибирью. Тотьма была расположена на пути к восточным окраинам Российской империи, и «еще в Петровские времена черносошные и монастырские крестьяне из обширнейшего Тотемского уезда бежали на поиски лучшей доли в Сибирь» ⁹.

Кусков, следуя примеру своих земляков, в возрасте двадцати двух лет отправился искать счастья в Сибирь. Тем более, что, «нрав имел веселый, в обхождении с людьми был ласков, в исполнении верен» ¹⁰.

Он обосновался в Иркутске — столице «пушной империи». Торговля мехами, взаимодействие с «оборотистыми людьми» приносила огромные барыши, но и сулила разорение тем, кто проявлял слабость, не мог вовремя реализовать товар, доверялся не тем покупателям. Представляется, что так и случилось с молодым Кусковым. Он задолжал огромную, по тем временам, сумму — в 1690 руб. своему земляку — купцу Алексею Петровичу Нератову ¹¹. Этот долг изменил всю дальнейшую биографию Кускова. Произошло это в 1790 году. Выручил его каргопольский купец Александр Андреевич Баранов, сам находившийся в крайне стесненных обстоятельствах и уже согласившийся на предложение богатейшего рыльского купца Г.И. Шелихова отправиться в Америку правителем его компании. 20 мая 1790 г. в Иркутске Кусков и Баранов заключили договор, в котором оговаривались условия службы Кускова и возможность погашения им долга. Срок действия договора — 22 года ¹².

Интересно отметить, что основной контракт между Барановым и Шелиховым был подписан 15 августа 1790 года. Иными словами, для Александра Андреевича было принципиально важно взять с собой в Америку именно Кускова. Они отправились в плавание на галиоте «Три Святителя» 19 августа 1790 г. и прибыли на о. Кадык 27 июня 1791 года.

Начало службы для Ивана Александровича было настоящим испытанием на прочность. В начале XIX в. в Русской Америке сложилась и успешно функционировала четырехуровневая система административного управления. Во главе колоний находился Главный правитель РАК — А.А. Баранов. В его полномочия входило: руководство строительством поселений и портовых сооружений, заключение соглашений с капитанами иностранных судов, снаряжение экспедиций, назначение на должности, наказание и награждение колонистов ¹³.

Территория колоний делилась на отделы, которые включали в себя обширную территорию и управлялись приказчиками. Следующая ступень административных единиц — редуты или артели (во время пушного промысла — партии), которыми обычно управляли байдарщики. Они следили за сохранением мирных отношений с коренными жителями, сотрудничали со старейшинами индейских племен, отвечали за сохранение мира на подвластной территории. Очень важной функцией было информирование Главного правителя о событиях, происходивших на подведомственной территории.

Центром Русской Америки, где находилась резиденция главного правителя РАК вплоть до начала XIX в. была гавань — сначала Трех Святителей, а затем Павловская на острове Кадык. В этот период Иван Александрович стал фактически вторым человеком в колониях и замещал главного правителя в 1796—1800 гг., во время инспекционных поездок последнего по владениям компании. В обязанности Кускова входило: снабжение продовольствием партий и редутов, организация пушного промысла, улаживание конфликтов с местными жителями или организация обороны в случае вооруженного конфликта.

В 1797 г. Кусков был назначен начальником Константиновского редута и «принял залив Нучек в свое владение» ¹⁴. Находясь на этой должности, он показал себя хорошим организатором. Два года спус-

тя, в долину реки Коппер (Медная) для разведки месторождений меди была отправлена экспедиция под руководством опытного байдарщика Константина Галактионова. Во время похода велась торговля с индейцами племени атна. Однако, несмотря на успешное начало коммерческих отношений, племенная верхушка была настроена враждебно по отношению к русским. Дело дошло до того, что индейцам удалось тяжело ранить Галактионова, который все же успел предупредить Кускова об опасности. Здесь Иван Александрович проявил свои дипломатические способности. Не показывая страха, он сумел договориться с индейцами-анта о мире и торговле. В марте 1800 г. он направился на остров Кадьяк, а уже в мае задумал новую экспедицию в долину реки Копер. Выздоровевший Галактионов вызвался возглавить новый поход, который прошел без конфликтов с местными жителями. На этот раз был обследован левый приток р. Копер, но обнаружить медные месторождения так и не удалось. Индейцы тщательно скрывали места добычи металла, хотя и привозили его для обмена с русскими в Константиновский редут ¹⁵.

В 1801—1802 гг. Кусков занимался исследованием североамериканского побережья от залива Якутат до острова Ситха и возглавлял крупные промысловые партии (450—470 байдарок). В 1801 г. на бриге «Екатерина», во главе флотилии из 470 байдарок он направился в сторону острова Ситха. Алеутами было добыто 400 «морских бобров» ¹⁶. На следующий год, в апреле, Баранов отправил главную партию из 450 байдарок во главе с Иваном Александровичем на промыслы в тот же район. Еще по пути к месту назначения, в Якутате, стало известно о враждебных намерениях индейцев-тлинкитов. Не случайно, Александр Андреевич в инструкции своему помощнику рекомендовал проезжать мимо индейских селений либо рано утром, либо вечером, чтобы не раздражать лишним раз аборигенов видом промысла, ведущегося поблизости от их селений ¹⁷.

В донесении Баранову глава партии писал, что около Якутата его партия встретила с недоброжелательностью местных жителей. Они затевали ссоры с алеутами и даже избивали их. Все попытки примирения оказались напрасными. Но переговоры с вождями позволили выяснить причины недовольства, которые приводили к ссорам: интенсивная добыча каланов в традиционных промысловых угодьях тлинкитов, произвольное изъятие съестных припасов, нарушение условий обмена пушнины на нужные индейцам товары, нежелание некоторых промышленников уважать обычаи местного населения и т.п. Кусков пытался убедить аборигенов, что Баранов стремится к установлению мирных отношений и не приветствует любые притеснения индейцев. Более того, в инструкциях прямо говорилось о категорическом запрете во время промысла в проливах арх. Александра изымать «кормовые припасы» индейцев.

Однако стало ясно, что переговоры оказались напрасными. 23 мая аборигены предприняли атаку, которую удалось отбить. Хотя Кусков и его люди одержали победу в этом сражении, тлинкиты планировали и дальше вести военные действия. Поэтому, было принято решение перебраться на островок у побережья материка, чтобы чувствовать себя в большей защищенности. На этом островке русские и туземцы-партовщики сумели отразить атаки тлинкитов. Опасаясь при-

хода большего числа русских, аборигены запросили мира. Кусков, как следует из донесения, решил согласиться на перемирие¹⁸.

30 мая он возвратился в Якутат — запасы пороха и боеприпасов требовали пополнения. Он запретил жителям поселения отлучаться куда-либо для ловли рыбы, а также усилил караулы и расставил орудия. 6 июня, оставив при крепости больных, раненых и аманатов, взяв с собой дополнительно одного промышленника и двух поселщиков, Кусков вновь отправился с партией на промысел вдоль побережья на юг. Добравшись до северных островов архипелага

Александра, Иван Александрович узнал от местных индейцев, что тлинкиты планируют нападение на Михайловскую крепость. Пытаясь предотвратить беду, 17 июня он отправил сообщение начальнику крепости В.Г. Медведникову, но посланные им люди вернулись с сообщением о разорении русского поселения¹⁹.

Кусков сразу устремился в Якутат — поселение находилось в опасности: местные индейцы, располагавшие пушками, захваченными в крепости и воодушевленные падением Михайловской крепости, представляли угрозу. Места назначения достигли через трое суток и застали большое число тлинкитов, прибывших с юга к местным индейцам якобы для торговли и ловли рыбы. По данным Хлебникова, индейцы намеревались напасть на русскую крепость и селение в Якутате. Однако неожиданное возвращение «главной» партии помешало им в осуществлении планов²⁰.

Среди жителей Якутата весть о разгроме Михайловской крепости вызвала тревогу, люди требовали немедленной отправки на Кадьяк. Предотвратить самовольный отъезд смогли лишь отсутствие судна и уговоры Кускова. Главную партию распустили по домам, оставив в поселении часть людей для подкрепления. Иван Александрович посчитал важным отослать письма-предупреждения в Константиновский и Николаевский редуты. В них он описал случившееся и указал на необходимость принять все меры предосторожности и обезопасить редуты от возможного нападения аборигенов.

Хотя Михайловская крепость и пала под атакой тлинкитов, их нападение на «главную» партию во главе с Кусковым было неудачным, что позволило русским сохранить свое присутствие на юго-востоке Аляски. Кроме того, удачные действия Ивана Александровича произвели на воинственных индейцев сильное психологическое воздействие.

Баранов намеревался организовать поход на Ситху, однако, по предложению Кускова, считавшего, что осенняя непогода может по-

губить часть байдарок, что «только ободрит колош», отложил его на год ²¹. На тот момент не хватало судов, которые использовались для прикрытия охотничьих байдарок, поэтому поход для русских мог закончиться плачевно. Иван Александрович отправился в Якутат, где к весне 1804 г. были спущены на воду суда «Ермак» и «Ростислав». Осенью того же года хорошо вооруженная флотилия вернулась в Ситху, где было основано новое поселение на удобном пересечении торговых путей — Ново-Архангельск.

В 1805 г. Кусков и харьковский мещанин Т.С. Демяненков во главе партии из 302 байдарок отправились на промысел морского бобра. Промысел прошел без происшествий, а добыча составила 1700 каланов ²².

В тот же год, 25 сентября, в Ново-Архангельск прибыл руководитель первой русской кругосветной экспедиции, корреспондент РАК, камергер и генерал-майор Н.П. Резанов, который наградил Кускова медалью «За усердие» на Владимирской ленте ²³. В начале XIX в. эта медаль с портретом императора вручалась представителям купеческого сословия, в виде исключения — мещанам и крестьянам за различные услуги, оказанные правительству.

В сентябре 1806 г. Баранов отправился на Кадык, оставив Кускова вместо себя во главе освобожденного поселения. Всю осень и зиму Кусков руководил возведением зданий и укреплений, «дома для главного правителя... 4 марта 1807 года... спущен на воду прекрасный бриг “Ситха”». Услышав, что главный правитель отбыл из крепости, тлинкиты вновь решили ее атаковать. Но Иван Александрович узнал о намерениях индейцев от их соплеменников, проживавших вместе с русскими. В этой сложной ситуации он решил взять инициативу в свои руки. Один из влиятельных вождей был приглашен в крепость. Торжественный прием, подарки, угощения помогли уговорить его удалиться с Ситхи вместе с его воинами. Другие индейцы не решились напасть на Ситху и вскоре отправились по своим жилищам ²⁴.

Тем не менее, индейцы-тлинкиты еще долго не позволяли вести промысел. Летом 1807 г. Кусков снарядил 75 байдарок во главе с тобольским мещанином Д.Ф. Ерёмным, но враждебность туземцев южных островов архипелага Александра сорвала добычу ценной пушнины ²⁵.

В сентябре того же года стало известно, что высочайшим указом Ивану Александрович Кускову присвоили чин коммерции советника, как лицу, успешно занимавшемуся промышленностью и торговлей. Граф Румянцев адресовал новоиспеченному советнику письмо, в котором выражал благодарность за службу ²⁶. Соответствующие бумаги и посылка из столицы пришли в марте 1808 г.: «к полученному Вами характеру достоинству извольте получить присланные ис Санкт-Петербурга... знаки отличия: шпагу и мундирское сукно... с копией указа, статут или установления чина Вашего разъясняющей... в конверте сопровождаются в особом ящике» ²⁷. Для получения чина коммерции советника указом императора Кускова должны были перевести в купеческое звание, ибо в соответствии с «Табелем о рангах» чин этот мог получать российский подданный, состоявший в сословии не ниже купеческого ²⁸.

1808 г. стал в жизни Ивана Александровича переломным. В Главном правлении Российско-американской компании (ГП РАК) было принято решение о дальнейшем изучении Тихого океана, причем в

направлении не менее опасном, чем изучение реки Копер. Речь шла об исследовании Североамериканского континента вплоть до Калифорнии. На этот раз русские могли вступить в противоборство не только с аборигенами, но и с представителями ведущих европейских держав — Англии и Испании. Интерес России к южным берегам Америки не был случайным. Так, Г.И. и Н.А Шелиховы, стоявшие у истоков Российско-американской компании, полагали, что Калифорния станет естественным южным форпостом российских владений в Новом Свете.

Осенью 1808 г. к берегам Нового Альбиона Баранов снарядил российскую промысловую экспедицию под командованием Кускова на двух кораблях: шхуне «Николай» (штурман Булыгин) и судне «Кадьяк» (штурман Петров). Имея разную скорость, корабли выходили в разное время, и у каждого судна были собственные задачи.

В инструкции штурману судна «Николай» Баранов предписывал идти от пролива Хуан-де-Фука на юг до «порта Гренвиль» (м. Пойнт-Гренвиль) и о-ва Дестракшен, обратно же — следовать к «порту Граувс» (зал. Грейс-Харбор), который находился на севере от устья р. Колумбия, чтобы успеть соединиться с «Кадьяком». Если встреча не состоится, «Николаю» предписывалось идти к устью реки Колумбии и далее к заливу Тринидад, где было назначено место встречи судов. По прибытии в Тринидад рекомендовалось исследовать залив Гумбольда. Команда «Николая» должна была представить описание берегов Калифорнии. Перед ней ставилась задача тщательного исследования побережья ²⁹.

Кусков получил от Баранова подробные инструкции, в которых отмечалось: «... постройками на первой ныне случай заводить не надобно, пока весь тот берег от калифорской Санкт-Франциско гавани до пролива Дефуке совершенно не исследуется и не получится формального от нашего правительства на занятие там и обселение мест разрешения, но устроая... для общей безопасности крепосцу...». Можно сказать, что это первое, выявленное на сегодняшний день в документах, четкое и ясное указание Баранова Кускову построить русскую крепость в Калифорнии. Особое значение придавалось отношениям с туземцами. Для того, чтобы завоевать их расположение, рекомендовалось отказаться от агрессии и насилия, проявлять щедрость и терпимость: «... строго воспретить и взыскивать малейшия противу тутоземных обитателей своим руским и партовщикам дерзости и обиды, а стараться всячески как Вам самим, так и всем подчиненным снискивать дружбу и любовь...». Нужно было показать аборигенам, что русские — их друзья, которых не стоит опасаться. Впрочем, говоря об отношениях с индейцами, Баранов напоминал о необходимости бдительности. Допускалась отправка промысловых партий на юг и юго-запад Калифорнии: «предполагаю я неизлишним отправить далее к югу для поисков неположенных на картах против Калифорнии островов...» ³⁰. В случае нахождения хорошего промыслового места, надлежало там же оставить часть людей, а самому Кускову предписывалось возвратиться в Ново-Архангельск ³¹. В донесении ГП РАК Александру I приводится иная мотивация: «... судно “Кадьяк”, посланное под начальством коммерции советника Кускова к Ново-Альбионским берегам, для приискания хорошаго места к новому поселе-

нию, удобному иметь хлебопашество, скотоводство и другия необходимые для жизни выгоды, коих ни на Ситхе, ни на Кадыяке нет»³².

Осенью 1809 г. Кусков на судне «Кадыяк» возвратился в Ново-Архангельск и вскоре написал, что не все поставленные перед экспедицией задачи, были выполнены. Судно вышло из Ново-Архангельска 20 октября 1808 г., но из-за непогоды не смогло подойти к заливу Грейс-Харбор и направилось в залив Тринидад, где оказалось 28 ноября. Однако и здесь погода помешала реализации намеченных планов: «а потом через несколько времени от последовавшего с моря ветра сделался чрезвычайной бурун и волнения... почему и судно находилось в великой опасности». Кусков вместе со штурманом Петровым, не дождавшись Булыгина в бухте Тринидад, решил следовать на юг в залив Бодего. Перед этим он направил ему послание: «... оставя знак: воздвигнут в пристойном месте крест и сокрыто в землю извещение и краткая записка к нему ж вруча тутошним обитателям...»³³. Покинув Тринидад 7 декабря, «Кадыяк» 15 декабря прибыл в залив Бодего, где было решено ожидать прибытия «Николая». Промышленники занялись охотой на морского зверя.

Во время пребывания в заливе Бодего четверо людей Кускова совершили побег. Неблагонадежность промышленников оказалась для него неожиданным препятствием. В сложившейся обстановке он попытался реализовать хотя бы часть поставленных задач, исследовав Тринидад и оставив в Бодеге промысловую партию под началом служащего РАК Сыся Слободчикова. Но и этот план не удался, ибо, когда все уже было готово, сбежали кадыякцы на двух байдарках. Опасаясь, что в случае аварии судна при следовании вдоль малознакомых берегов побег могут совершить и другие, Кусков отказался от данного плана и остался в Бодеге.

В Ново-Архангельск он прибыл 4 октября 1809 г. и узнал о том, что судно под управлением штурмана Булыгина потерпело крушение, а его экипаж попал в плен к индейцам.

В 1809 г. ГП РАК испросило разрешения у императора на постройку в Калифорнии крепости и основание поселения: «Правление в предпринимаемом заселении Нового Албиона испрашивает Высочайшей защиты в случае, естли бы Американские Штаты из зависти что предприняли, а Баранов, находя, что Компания по малолюдству не в силах сделать сего заселение прочным, представляет о выгоде произвести оное от казны»³⁴. Государство разрешило реализовать проект за счет компании, обещав посильную помощь в случае необходимости.

В 1810 г. к берегам Калифорнии была отправлена новая экспедиция на судне «Юнона», которая должна была исследовать Новый Альбион. Однако у островов королевы Шарлоты на его партию напали аборигены. Это нападение «разстроило все его планы, и он должен был возвратиться без всякого успеха в Новоархангельск»³⁵.

В отчете директоров РАК собранию акционеров от 1 февраля 1812 г. говорится, что Баранов «... отправил... вторично экспедицию, под управлением прежняго же начальника коммерции советника Кускова»³⁶. Источником, сообщающем об этом плавании, служат инструкции Главного правителя, в том числе одна секретная. Целью экспедиции стал не только промысел калана, но и более подробное исследование берегов Нового Альбиона. Инструкция сообщает причины, побудив-

шие Баранова организовать новую экспедицию. Прежде всего, была получена информация, что устье реки Колумбии стали заселять представители Соединенных Штатов, а это могло помешать как промыслу, так и торговле РАК. В документе содержалось требование тщательно изучить места будущего поселения и описать все прилегающее территории; предписывалось возвести земляное укрепление — «небольшой редут» — с подробным описанием того, как должно оно быть устроено. Указывалось на важность размещения в окрестностях Сан-Франциско секретных знаков, подтверждавших претензии Российской империи. Это был излюбленный способ РАК, практиковавшийся с XVIII в., — подготавливать почву для дальнейшей колонизации данной территории. Кускову доверительно давались гербы и медали, которые он должен был вручать местным жителям³⁷.

Сравнительный анализ текста инструкций к первой и второй экспедициям показывает, что, если первая являлась по преимуществу исследовательской, то вторая была направлена на колонизацию Калифорнии.

Шхуна «Чириков», на которой находился Кусков, вышла из Ситхи в феврале 1812 г. и 15 марта достигла залива Бодего, где Иван Александрович сразу же приступил к выбору места для предполагаемого поселения. Приказчик РАК Слободчиков вместе с десятью алеутами и штурманским учеником Кондаковым тщательно изучил территории между Бодегой и рекой Славянской и решил по завершении пешего маршрута отправиться вверх на байдарках по Славянке. Река была богата ценной рыбой, к тому же имела выгодное географическое положение: хорошо просматривались ее берега, а сплавляться по ней было достаточно просто, по сравнению с реками Аляски. Однако удобного для поселения места обнаружить не удалось и потому было принято решение основать колонию в 15 верстах выше устья р. Славянки в небольшой бухте, с координатами 38° 33' с.ш. и 123° 15' з.д. Именно туда и прибыл Кусков из залива Бодего.

Крепость заложили 15 мая 1812 г., а осень того же года Кусков писал: «К концу августа месяца уже успели обнести место крепости гладкими стоячими струбами, на двух противоположных углах получились 2 двухэтажных бастиона, в которых и основали первое жительство людям. В день тезоименитства императора Александра I, 30 августа 1812 г., назначили день к поднятию на крепость флага — для сего посередине оной сделана была мачта со стеньгой, врытая в землю. По прочтении обычных молитв поднят флаг при пушечной и ружейной стрельбе. Крепость была названа Россом — по вынужденному жребью, положенному перед иконой Спасителя»³⁸.

Помня печальную судьбу Михайловской крепости на о. Ситха, Иваном Александровичем было принято решение соорудить крепость в форме четырехугольника, обнести ее крепким частоколом, на углах крепости построить две башни с амбразурами — семиугольную и восьмиугольную. Стены крепости были вышиной в 3, длиной в 49 и шириной в 42 сажени. Росс находилась на высоком берегу над небольшим заливом Тихого океана, на высоте 120 фунтов над уровнем моря. Для защиты крепости от нападения с моря и суши Кусков привез 12 пушек³⁹.

К 1814 г. все главные сооружения Росса были возведены. Внутри его находилось девять построек и колодец, а снаружи — не менее 50

зданий. Главными из них были дом правителя, состоящий из нескольких комнат, а также казарма для промышленников, мастерские, мельница, кузница, кожевенный завод, конюшни, молочный завод, и даже судостроительная верфь.

В различных документах встречаются разные указания на достаточно высокую обороноспособность селения, которая, в первую очередь, определялась наличием колодца, позволявшего долгое время обеспечивать поселенцев водой. Служащий РАК и морской офицер В.М. Головнин в своих записках указывал, что в крепости построили колодец, и хвалил за это мудрое решение Кускова⁴⁰. Критическую оценку расположению Росса дал в своей работе акционер РАК и первый ее исследователь П.А Тихменёв. Он считал, что место, выбранное под строительство, непригодно, так как отсутствует удобная гавань, планировка самого селения носит произвольный характер, поскольку Кусков разрешил алеутам строить и располагать свои жилища по своей воле⁴¹.

Калифорнийское поселение было значительно удалено от других русских колоний, поэтому дружеские отношения с испанцами и индейцами на тот момент были очень важны, так как от них зависели безопасность и благополучие колонистов. Индейцы, жившие в окрестностях Росса, занимались собирательством, охотой и рыболовством, вели кочевой или полукочевой образ жизни, селились небольшими обособленными общинами. Их оружие составляли копье, праща, лук и стрелы. Следует отметить, что в отличие от северо-западного побережья Аляски, контакты коренного населения с американскими и английскими предпринимателями создавали для Российско-американской компании источник для беспокойства, в то время, как закрытая для иностранных судов испанская Калифорния, дала русским в лице индейцев-кашаша союзников, которые надеялись, что первые защитят их от испанцев. В калифорнийской политике РАК отразились общие принципы политики компании в отношении коренного населения. Испытывая недостаток сил и контролируя весьма ограниченную территорию, администрация пыталась сохранять мирные отношения с независимыми племенами, что в целом удавалось сделать.

Офицер российского ВМФ Ф.П. Литке писал, что русские смогли закрепиться в заливе Бодега и установить хорошие отношения с индейцами, после того, как у последних была куплена земля: «Между тем Компания к вышеизложенным правам присовокупляет еще новое. Г-н Кусков заключил с старшиною индейцев, живущих в его соседстве, договор, которым сей последний уступает всю землю, им занимаемую (чуть ли не всю Калифорнию), во владение Российского императора и сам себя и подданными подвергает его покровительству»⁴². Единственным документом, подтверждающим добровольную уступку русским этих территорий, является протокол встречи офицера российского ВМФ Л.А. Гагемейстера с индейцами. Протокол подтвердил законность создания русской колонии, добровольную уступку земли, которую подтверждают независимые от испанцев индейские вожди, и удостоверяет лояльность индейцев к русским⁴³. В записке Головнин отмечал, что земли колонии были куплены у индейцев, без должного пояснения того, почему индейцы пошли на такое соглашение, ограничась словами: «... русские, не делая им (ин-

дейцам) обид и притеснений, снабжают их разными необходимыми вещам»⁴⁴.

У индейцев были хорошие отношения с Кусковым. Они сообщали коменданту крепости о предстоящих агрессиях иноплеменников и испанских властей. Однако большая часть ресурсов, которыми хотела воспользоваться компания, находилась на территории подконтрольной Испании. Поэтому, одной из главных задач стало установление максимально выгодных торговых отношений с калифорнийскими испанцами. Путешествия Николая Петровича Резанова показали, что испанцы торговали с русскими полулегально, так как их правительство разрешало колониям иметь отношения только с метрополией.

В октябре 1812 г. Баранов послал письмо губернатору Калифорнии Х. Арильяге, в котором содержалась просьба начать коммерческие отношения с РАК: «...со стороны нашего Императора ни малейшего нет препятствия, но охотно благоволить взаимным национальным выгодам производимую коммерцией в берегах Калифорнии от вашего только правительства зависит разрешение, а от вас самих указание портов, в которые бы наши суда с товарными грузами безопасно приходили и производить непосредственную торговлю могли»⁴⁵.

Комендант миссии Сан-Висенте Руиса в своем письме Баранову указывал, что отправил запрос по предложению Баранова вице-рою Новой Испании, где написал о том, что в Калифорнии существует нехватка некоторых товаров и он не может разрешить официально торговлю между компанией и испанской колонией, но позволяет вести полулегальный «товарообмен»: «В самом деле жители сей Калифорнии, коих вы желаете снабдить, имеют большие нужды в товарах; правда же, что изобильны мясом, маслом, пшеном и мылом, в чем, по письмам вашим, вы имеете нужду и желаете выменивать на здешние жизненные припасы; однако нужно сказать вам, что наши губернаторы весьма строго наблюдают указы королевские, и что в их пределах не устроится никакая торговля без ведома Его Превосходительства г-на вице-роя новой Гишпании»⁴⁶.

Узнав о том, что русские основали в Калифорнии поселение, испанцы отправили к этому месту вооруженный отряд и, осмотрев крепость, пообещали Кускову обсудить с губернатором вопрос о торговле с русскими — они испытывали острую нехватку изделий ремесленного производства.

Уже в январе 1813 г. представитель испанских властей вновь посетил крепость Росс: «В начале 1813 года офицер вновь приехал... с братом коменданта и объявил словесно, что губернатор... дозволяет производство взаимной торговли, но с условием, чтобы, до получения на этот предмет официального разрешения, суда компании не входили в порт, а товары свозились бы на берег на гребных судах. При этом посещении испанцы привезли в подарок заселению до 20-ти рогатых животных и трех лошадей»⁴⁷.

С этого года началась длительная переписка правителя колонии Росс с местными калифорнийскими властями. Испанцы настаивали на ликвидации русского поселения. Стремясь затянуть переговоры, Кусков ссылался на свое незнание испанского языка, которое якобы мешало ему понять суть их требований. В некоторых случаях Кусков предлагал адресовать претензии в Петербург, по приказу которого это

заселение создано, мотивируя это тем, что цель высшего правительства ему неизвестна, его же обязанность состоит в том, чтобы Расса охранять и в случае наступательных действий оборонять⁴⁸.

Испанцы ограничились лишь письменными угрозами — средствами и силами для захвата русского селения они не располагали. Данная переписка носила официальный характер, ее содержание было сообщено испанскому правительству, дабы показать рвение калифорнийских властей. В действительности, взаимовыгодная полулегальная торговля между русскими и испанцами не прекращалась. Этому способствовали и дружеские отношения Кускова с комендантом Сан-Франциско и главой духовной миссии: «Несмотря на возникшую переписку по поводу основания заселения комендант С. Франциско и пользовавшийся там важным значением начальник духовной миссии находились в самых дружеских отношениях с Кусковым»⁴⁹.

В 1815 г. П.В. де Сола стал губернатором Калифорнии. С его приходом испанские власти решили серьезно взяться за реализацию своих требований. Осенью 1816 г. в порт Сан-Франциско прибыл русский корабль под командованием 28-летнего офицера ВМФ России О.Е. Коцебу. Воспользовавшись его прибытием, губернатор де Сола попытался оказать давление на русских, вызвав в Сан-Франциско Кускова для переговоров.

26 октября 1816 г. в Сан-Франциско состоялись переговоры о дальнейшем существовании селения и крепости Расса, в которых участвовали Кусков, Коцебу и де Сола. Из протокола переговоров видно, что новый губернатор Калифорнии настаивал на ликвидации Расса и напоминал, что еще 3 года назад это требование было предъявлено Кускову, но тот сослался на Баранова, без согласия которого поселение не могло быть покинуто. Тогда Губернатор потребовал от Коцебу, чтобы он приказал Кускову уйти с этих территорий, на что был получен ответ, что последний не находится у него в прямом подчинении и у Коцебу нет полномочий отдавать какие-либо приказания правителю Расса⁵⁰. Требования испанцев были достаточно жесткие и, как признавался Кусков, в случае усиления давления пришлось бы покинуть Калифорнию⁵¹.

Но благодаря дипломатическим способностям Кускова, русские сохранили свое присутствие в Калифорнии. Головин в своих записках указывает, что испанский губернатор выполнил бы свои угрозы, будь у него солдаты. Поэтому, все, что ему оставалось, — посылать запросы о ликвидации селения. Впоследствии действия де Сола походили не на дипломатические акции, а на попытки выслужиться, демонстрируя свое служебное рвение⁵².

Важнейшим направлением в хозяйственной жизни Расса был промысел «морского бобра». Однако охота на этих пушных зверей шла с переменным успехом. Во время строительства люди не могли отлучаться для промысла на дальние расстояния. Вести добычу каланов в самом заливе Сан-Франциско испанцы, несмотря на все старания Кускова, не позволяли. В других же местах ценный пушной зверь не водился. К 1817 г. численность морских бобров от залива Тринидад до бухты Св. Антония сильно сократилась.

Число добываемых каланов уменьшалось по мере хозяйственного освоения новой территории: «с 1812 до 1815 г. их было добыто 714,

в 1815-м — 114, в 1816-м — 84, в 1817-м — 44, в 1818 г. — 10. В последующие годы добыча была по-прежнему не велика: в 1820 г. — 16, в 1821 г. — 32, в 1822 и 1823 гг. — 39 каланов»⁵³.

Наиболее перспективным и необходимым занятием становилось земледелие. Достижения огородничества и пашенного земледелия в Россе описаны в записках Головнина: «Земля производит здесь в изобилии многия растения: теперь у г. Кускова в огородах родится капуста, салат, тыква, редька, морковь, репа, свекла, лук, картофель; даже созревают на открытом воздухе арбузы, дыни и виноград, который недавно он развел. Огородная зелень весьма приятного вкуса и достигает иногда чрезвычайной величины, например, одна редька весила 1 пуд 13 фунтов, а около пуда часто попадаются; тыквы здесь бывают в 1 $\frac{1}{2}$ пуда, и одна репа имела весу 13 фунтов. Особливо плодлив картофель: в Россе обыкновенный приплод его от одного яблока сто, а в порте Румянцева от одного же яблока иногда родится 180 и 200, и притом сажают его два раза в год: посаженный в первой половине февраля снимают в исходе мая, а в октябре поспевают тот который сажают в июне месяце»⁵⁴. Успехи в огородничестве позволяли Кускову снабжать зеленью все приходящие суда, а также пересылать в Ново-Архангельск овощи в свежем и сушеном видах. Однако, по свидетельству Тихменёва, в первые годы основания крепости и селения Росс земледелие испытывало определенные сложности. Тому, по его мнению, были две причины. Во-первых, подавляющее большинство жителей поселения Росс не имели навыков земледелия и, во-вторых, влияние необычных для русского человека природных условий — влажный морской воздух и частые туманы. Первые урожаи при Кускове были таковы: «1813 г. посеяно 1 п. 25 ф., получено 4 п. 5 ф., 1814 г. посеяно 5 п., получено 22 п. 2 ф., 1815 г. посеяно 5 п., получено 8 п., 1816 г. посеяно 14 п. 14 ф., получено 48 п. 23 ф...»⁵⁵.

Скотоводство в крепости Росс развивалось более успешно. Кускову удалось быстро увеличить поголовье скота и снабжать сушеным и вяленным мясом Ново-Архангельск. Морской офицер Головнин весьма красочно повествовал о хозяйственной хватке Ивана Александровича: «Он разводит также скот, и в успехе нет сомнения, ибо обильныя паствы, водопой, круглый год подножный корм позволяют с небольшим числом людей иметь большия стада. Теперь у него есть 10 лошадей, 80 голов рогатого скота, до 200 овец и более 50 свиней. Все сии животныя в весьма хорошем состоянии: в двух быках, от него мною полученных, чистое мясо весило 47 пуд. Дворовых птиц — гусей и кур, он имеет много»⁵⁶. Ко времени завершения службы Кусковым в Русской Америке скотоводство Росса стало весьма успешным: лошадей стало 21, крупного рогатого скота — 149, овец — 698, свиней — 159 голов.

Компания стремилась найти и максимально эффективно использовать калифорнийские ресурсы. Баранов просил Кускова обращать внимание на все, из чего можно было извлечь какие-либо выгоды для РАК.

Для того, чтобы обеспечить промысел в заливе, прибрежной зоне Тихого океана и по реке Славянке, в первые годы сооружались небольшие суда: «... Кусков умел воспользоваться изобилием в прекрасном строевом лесе: он построил в порте графа Румянцева под руко-

водством простаго промышленника, научившагося сему строению у одного англичанина, бывшего кораблестроителем в Ново-Архангельске, два мореходных судна, названная бригантина “Румянцев” и бриг “Булдаков”, и несколько гребных судов»⁵⁷. Кусков писал своему премнику: «Здесь при селении Росс при помощи всемогущаго Бога построенное судно бриг “Волга” состоящее готово на штапеле и для спуска на воду... В предполагаемое Вами время о спуске брига “Волги” на воду. Естли же по обстоятельствам тово не последует и никаких топорных работ при том не востребуется, в таком случае распорядиться и приступить к заготовлению к будущей постройке предполагаемаго при селении Росс судна, для котораго и приготовлено разных штук дубоваго леса... но как в ближних подлежащих крепости и селения нашего Росс годной в судовую постройку дубовой лес вырублен в постройку 3-судов...»⁵⁸.

О составе и численности населения в Россе во время пребывания Кускова на посту правителя, можно судить по двум спискам, подготовленным в июне 1820 и октябре 1821 года. Из этих документов видно, что, если по первой переписи число жителей Росса составляло 260 чел., то в октябре 1821 г. их число уменьшилось до 175. Но это не свидетельствует об уменьшении числа жителей, просто на октябрь 1821 г. пришла ротация служащих компании. По этническому составу здесь были русские, креолы, алеуты, эскимосы, тлинкиты и жители гавайских островов. При этом русские составляли 14%, креолы — 7%, на долю эскимосов (в основном с Кадьяка) приходилось 50% и 29% — представители других народов⁵⁹.

Еще в мае 1819 г. Кусков просил К.Т. Хлебникова отпустить его на родину и рассчитаться за службу: «... прошу вас покорнейше, ежели можно и время вам позволит, зделать и прислать при следующем транспорте ращот мой»⁶⁰. Но Кирилл Тимофеевич просил не оставлять пост еще в течение года, так как достойной замены Кускову не было.

Год увеличился вдвое, и уже в письме от 26 марта 1821 г. Кусков настаивал на освобождении его от должности: «О положениях моих примите, милостивый государь, дружескую откровенность, что я еще решился здесь пробыть не далее предполагаемаго времени почтенным начальником, как до осени следующего ныне года; не для интересов и почестей, и к тем я чужд»⁶¹.

Осенью 1821 г. в Ново-Архангельском порту бросил якорь бриг «Булдаков», в трюмах которого было зерно. Между тем для того, чтобы иметь достаточно хлеба на зиму, Баранов отправил судно «Головнин» в Калифорнию под командованием капитана Бенземана. На его борту отбыл 22-летний Карл Иванович Шмидт, находившийся уже 4 года на службе в РАК⁶². Именно он должен был сменить 54-летнего Кускова. Вскоре «Головнин» прибыл в Новый Альбион, и сразу началась передача дел новому правителю. Перед отправлением на родину Кусков составил подробную инструкцию Шмидту, где содержались рекомендации о том, как себя вести с испанцами, индейцами, какие дела требуют первоочередного доведения до конца (например, постройка и спуск на воду брига «Волга»), были намечены наиболее важные новые проекты (строительство казармы), а также отмечены те, с кем можно сотрудничать⁶³.

Перед отправлением в Россию Ивану Александровичу предоставился случай еще раз показать свой твердый характер. Прибыв в столицу Русской Америки, основатель Русской Калифорнии первым делом потребовал от Муравьева заплатить за его службу причитающиеся, согласно контракта, шкуры каланов. Это справедливое требование Муравьев удовлетворил бы, но проблема оказалась неразрешимой, так как свои претензии Кусков выразил с присущей ему прямоотой в присутствии всех старожилов — русских промышленников. «Более 100 человек имели бы право просить того же», — оправдывался Главный правитель ⁶⁴.

Взамен ценных шкур калана Кускову вручили документ с объяснением, что в Санкт-Петербурге он может получить за пушнину 10 тыс. рублей. Хотя такой исход дела несколько смягчил гнев бывшего правителя селения Росс, но получилось, что он отправился из Ново-Архангельска на Кадьяк без вознаграждения за свою многолетнюю службу в колониях. В дополнение ко всему Муравьев поставил перед начальником Кадьякской конторы Никифоровым задачу — совершить обряд венчания Кускова с его женой-туземкой до их отправления в Охотск. Главный правитель РАК писал: «... в Россию держит путь Кусков, его характер вам известен, знаете вы также его влияние на русских стариков и даже на алеут. Те и другие недовольны своим положением» ⁶⁵. Начальнику Кадьякской конторы разрешалось применение любых мер против Ивана Александровича, если тот будет «волновать» недовольных промышленников. Тем временем, Баранов выдал Кускову «Аттестат», который мог служить ему сопроводительной бумагой до ГП РАК. В этом «маршрутном листе» заслуги Кускова перед РАК были оценены очень высоко: «свидетельствую о благородном его (Кускова) поведении. Его опытность и познание местных обстоятельств столь важны, что трудно его заменить кем-бы то ни было» ⁶⁶.

20 апреля 1822 г., основатель крепости Росс отправился в Россию на шлюпе «Константин». На этом же судне было вывезено вместе с семьями более 120 русских промышленников, состарившихся на службе РАК ⁶⁷.

Путь Ивана Александровича и его супруги, Екатерины Прохоровны, проходил через Охотск, куда они прибыли 17 августа 1822 г., 28 ноября — были уже в Якутске, а 24 января 1823 г. — в Иркутске, 14 февраля — в Ачинске, 17 февраля — в Томске, 19 февраля — в Каинске, 25 февраля прибыли в Тюмень, 5 марта въехали в Вятку. Их путь заканчивался в родном городе Ивана Александровича — Тотеме, в котором он не был более 30 лет: «Сей Вид Вологодской губернии в Тотемском городническом правлении явлен и в книгу № 3 записан сей, 4 июля 4 дня 1823 г.» ⁶⁸.

Некоторые авторы полагают, что Кусков так и не добрался до Санкт-Петербурга, так как очень торопился домой. Между тем, Главное правление РАК он все же посетил. Там ему был подготовлен окончательный расчет, согласно которому, «[компания] обязалось выплатить ему 58 425 руб. 23 коп.» ⁶⁹. Кускову компания приготовила новый «Аттестат», который был подписан 3 июля 1823 года. В этом документе отмечалось, что он служил «усердно, честно и похвально». Документ был подписан директорами РАК ⁷⁰, а не кем-либо из царских сановников или представителями Правительствующего сената,

что показало бы положение Кускова в обществе. Это привело к сложной ситуации, в которой оказался Кусков по приезду в город Тотьюму.

В одном из своих последних писем Кусков писал первенствующему директору РАК М.М. Булдакову о том, что из-за бюрократической ошибки его лишили гражданства в городе Тотье. Он просил Главное правление РАК содействовать положительно в решении этого вопроса. Возможно, это досадное недоразумение стало одним из обстоятельств, повлиявших на здоровье Ивана Александровича. 18 октября 1823 г., через три месяца после возвращения в Тотьюму, 59-летнего основателя русского форпоста в Калифорнии не стало. Обряд его отпевания состоялся в Богоявленском соборе; похоронили его в Спасо-Суморином монастыре ⁷¹.

Значение личности Ивана Александровича Кускова в истории Русской Америки очень велико: благодаря селению и крепости Росс удалось надолго решить проблемы со снабжением колоний. В геополитическом масштабе расширение территорий Русской Америки выдвинуло Россию на передовые позиции как колониальную державу. Наследие Кускова живо и значимо в наши дни. Форт Росс ныне — это всемирно признанный памятник деревянного зодчества в Калифорнии с единственной сохранившейся деревянной крепостью. Музей посещают тысячи туристов со всего мира. В городе Тотье Вологодской области, несмотря на все сложности, действует дом-музей знаменитого тотьмича, который является визитной карточкой города и всей Вологодской области. В России и за рубежом деятельность Кускова представлена в музейных экспозициях по истории Русской Америки. По праву можно сказать, что Кусков — это гордость нашей истории.

Примечания

1. National Archives and Records Service (NARS). RRAC, г. 27, р. 69.
2. Россия в Калифорнии: русские документы о колонии Росс и российско-калифорнийских связях, 1803—1850. Т. 1—2. М. 2005, 2012; Russian California, 1806—1860. A History in Documents. Vols. 1—2. L. 2014.
3. См., например: PIERCE R.A. Russian America: A Biographical Dictionary. Kingston. 1990, р. 282—285; История Русской Америки (1732—1867). Т. 1—3. М. 1997—1999 (ИРА); ХЛЕБНИКОВ К.Т. Русская Америка в неопубликованных записках К.Т. Хлебникова (1832). Л. 1979; [ЕГО ЖЕ.] Русская Америка в «Записках» Кирилла Хлебникова: Ново-Архангельск (1832). М. 1985; ИСТОМИН А.А. Калифорнийские экспедиции И.А. Кускова (1808—1812). — Американский ежегодник. 1998. М. 1999, с. 131—147; ТИХОМИРОВ С.А. Одиссея северных колумбов: Жизнеописание тотемского мещанина, основателя и Правителя Форты Росс в Калифорнии, написанное по достоверным источникам. Книга зримых очерков. Вологда. 2014; БОРОДИН Д.М. Деятельность И.А. Кускова в Русской Америке (1790—1823 гг.). Вологда. 2010.
4. Таможенные книги Московского государства XVII в. Т. 2. М. 1950—1951, с. 590, 651.
5. Фонд П.А. Колесникова. Государственный архив Вологодской области (ГА ВО), ф. 350д. Записи в тетради. Материалы переписи, 1716—1719, 1729 гг.; Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 5159, оп. 1, д. 478.
6. Фонд П.А. Колесникова. ГА ВО, ф. 350д. Записи в тетради.
7. Ревизские сказки, 1782 г. Там же, ф. 388, оп. 9, д. 29, л. 4—5об.
8. Метрические книги г. Тотьмы с уездом, 1782 г. Там же, ф. 496, оп. 16, д. 7.
9. ЧЕРНИЦЫН Н.А. Исследователь Аляски и Северной Калифорнии Иван Кусков. В кн.: Летопись Севера. Т. III. М. 1962. с. 76.

10. КИЧИН Е.В. Иван Александрович Кусков. Биография. — Вологодские губернские ведомости. 21.02.1848, № 8, часть неофиц., с. 83.
11. ТИХОМИРОВ С.А. Ук. соч., с. 38.
12. ФЁДОРОВА С.Г. Русская Америка и Тотьма в судьбе Ивана Кускова. В кн.: Проблемы истории и этнографии Америки. М. 1979, с. 232—233.
13. ДМИТРИШИН Б. Административный аппарат Российско-американской компании, 1798—1867. — Американский ежегодник. М. 1993, с. 103—104.
14. ТИХМЕНЁВ П.А. Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени. СПб. 1861, ч. 1, с. 58.
15. ИРА, т. 2, с. 46—47.
16. ЧЕРНИЦЫН Н.А. Ук. соч., с. 77.
17. ИРА, т. 2, с. 54.
18. А.А. Баранов — И.А. Кускову, 9 апреля 1804. Отдел рукописей Российской Государственной Библиотеки (ОР РГБ), ф. 204, к. 32, д. 4, л. 29об., 109—111.
19. Там же, с. 114.
20. ХЛЕБНИКОВ К.Т. Русская Америка в «записках» Кирила Хлебникова. Ново-Архангельск. М. 1985, с. 53.
21. ЕГО ЖЕ. Жизнеописание Александра Андреевича Баранова, Главного правителя Российских колоний в Америке. СПб. 1835, с. 75.
22. ИРА, т. 2, с. 76.
23. ФЁДОРОВА С.Г. Ук. соч., с. 234.
24. ХЛЕБНИКОВ К.Т. Жизнеописание Александра Андреевича Баранова, с. 114.
25. ИРА, т. 2, с. 127.
26. КИЧИН Е.В. Ук. соч., с. 84.
27. А.А. Баранов — И.А. Кускову, 24 марта 1808 г. Россия в Калифорнии: Русские документы о колонии Росс и российско-калифорнийских связях, 1803—1850. Т. 1. М. 2005, с. 172.
28. ФЁДОРОВА С.Г. Ук. соч., с. 235.
29. Инструкция А.А. Баранова штурману Н.И. Булыгину о плавании к берегам Нового Альбиона на бриге «Св. Николай». Ново-Архангельск, 22 сентября 1808 г. Россия в Калифорнии, с. 188.
30. Там же, с. 197.
31. Предписание А.А. Баранова И.А. Кускову об экспедиции к берегам Нового Альбиона, 14 октября 1808 г. Там же, с. 191—198.
32. Донесение Главного правления РАК императору Александру I. С.-Петербург, 16 мая 1811 г. Там же, с. 223.
33. Рапорт И.А. Кускова А.А. Баранову об экспедиции к берегам Нового-Альбиона. Ново-Архангельск, 5 октября 1809 г. Там же, с. 205.
34. Сообщение министра иностранных дел графа Н.П. Румянцева Главному правлению РАК о решениях Александра I по ее запросам. С.-Петербург, 1 декабря 1809 г. Там же, с. 210.
35. ТИХМЕНЁВ П.А. Ук. соч., с. 208.
36. Из отчета директоров РАК собранию акционеров Компании. С.-Петербург, 1 февраля 1812 г. Россия в Калифорнии, с. 225.
37. Инструкция А.А. Баранова И.А. Кускову об экспедиции в Новый Альбион, 18 января 1811 г. Там же, с. 213—218; Инструкция А.А. Баранова И.А. Кускову об экспедиции в Новый Альбион, 20 января 1811 г. Там же, с. 219—222.
38. ОР РГБ, ф. 204, к. 32, д. 12, л. 1—3об.
39. ФЁДОРОВА С.Г. Русское население Аляски и Калифорнии. Конец XVIII века — 1867 год. М. 1971, с. 83.
40. ГОЛОВНИН В.М. Из записок о посещении Калифорнии на корабле «Рюрик» в 1815—1818 гг. Россия в Калифорнии, с. 466.
41. ТИХМЕНЁВ П.А. Ук. соч., с. 209—210.
42. ЛИТКЕ Ф.П. Из дневника, веденного во время кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка». Россия в Калифорнии, с. 297.
43. Протокол встречи в Россе индейских вождей с капитан-лейтенантом Л.А. Гаге-мейстером, удостоверяющий их дружеские отношения с Русскими. Росс. 22 сентября 1817 г. Там же, с. 257—258.

44. Записка Головнина директорам РАК о праве государств на открытые земли, необходимости защиты русских северо-американских колоний от посягательств иностранцев и наведении Л.А. Гагемейстером порядка во владениях РАК. 10 сентября 1819 г. Российско-американская компания и изучение тихоокеанского севера, 1815—1841: Сб. документов. М. 2005, с. 68—69; МАТЮШКИН Ф.Ф. Из «Журнала кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка» под командованием капитана Головнина». Россия в Калифорнии, с. 309.
45. Письмо А.А. Баранова губернатору Калифорнии Х. Арильеге о русско-калифорнийской торговле. Ново-Архангельск, 6/18 октября 1812 г. Там же, с. 232.
46. Письмо коменданта миссии Сан-Висенте Х.М. Руиса А.А. Баранову. Сан-Висенте, 8 июня 1813 г. Там же, с. 233—234.
47. ТИХМЕНЁВ П.А. Ук. соч., с. 213.
48. ОКУНЬ С.Б. Российско-американская компания. М.—Л. 1939, с. 120.
49. ТИХМЕНЁВ П.А. Ук. соч., с. 214.
50. Протокол по результатам переговоров губернатора Новой Калифорнии П.В. де Сола с правителем Росса И.А. Кусковым и командиром брига «Рюрик» О.Е. Коцебу по поводу требования испанских властей о ликвидации русского поселения в Калифорнии. Сан-Франциско, 28 октября 1816 г. Россия в Калифорнии, с. 246—247.
51. ЛИТКЕ Ф.П. Из дневника, веденного во время кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка». Там же, с. 297.
52. Записка В.М. Головнина директорам РАК о праве государств на открытые земли, необходимости защиты русских северо-американских колоний от посягательств иностранцев и наведении Л.А. Гагемейстером порядка во владениях РАК. 10 сентября 1819 г. Российско-американская компания и изучение тихоокеанского севера, 1815—1841, с. 68.
53. ИРА, т. 2, с. 244.
54. ГОЛОВНИН В.М. Из записок о посещении Калифорнии на корабле «Рюрик» в 1815—1818 гг. Россия в Калифорнии, с. 470.
55. ТИХМЕНЁВ П.А. Ук. соч., с. 211.
56. ГОЛОВНИН В.М. Из записок о посещении Калифорнии на корабле «Рюрик» в 1815—1818 гг. Посещение Сан-Франциско в октябре 1816 г. Россия в Калифорнии, с. 470.
57. Там же, с. 471—472.
58. КУСКОВ И.А. Инструкция новому правителю колонии Росс К.И. Шмидту в связи с передачей дел по управлению колонией. Росс, 14 декабря 1821 г. Там же, с. 438—439.
59. ЕГО ЖЕ. «Ведомость людей, находящихся в селении и крепости Росс, русских, кадыцких и других племен, мужеска и женска пола». Росс, 1 июня 1820 г. — сентябрь 1821 г. Там же, с. 412—427; ЕГО ЖЕ. «Список людей, состоящих в селении Росс и на Ферлоне, русских, кадыцких, чугань и индейцев обоего пола». Росс, 14 декабря 1821 г. Там же, с. 428—436; ИРА, т. 2, с. 248.
60. И.А. Кусков — К.Т. Хлебникову. Росс, 18 мая 1819 г. Там же, с. 320.
61. И.А. Кусков — К.Т. Хлебникову. Росс, 26 марта 1821 г. Там же, с. 409.
62. PIERCE R.A. Op. cit, p. 447.
63. Инструкция И.А. Кускова К.И. Шмидту, 14 декабря 1821 г. Россия в Калифорнии, с. 437.
64. М.И. Муравьев — ГП РАК, 16 апреля 1822 г. NARS. RRAC, г. 27, р. 19.
65. М.И. Муравьев — С.Я. Никифорову, 16 апреля 1822 г. Ibid., р. 21.
66. Аттестат И.А. Кускову. Ibid., р. 30.
67. ИРА, т. 2, с. 365—367.
68. ФЁДОРОВА С.Г. Русская Америка и Тотьма..., с. 241.
69. Там же, с. 242.
70. Аттестат, выданный ГП РАК И.А. Кускову по окончании его работы в Компании. 3 июля 1823 г. Россия в Калифорнии, с. 484.
71. ФЁДОРОВА С.Г. Русская Америка и Тотьма..., с. 245—246; Метрическая книга по г. Тотьма с уездом за 1823 г. ГА ВО, ф. 496, оп. 16, д. 52.

ИСТОРИЯ ПОБЕДЫ

Национальная политика Германии на оккупированной территории СССР в начальный период Великой Отечественной войны

Ф.Л. Сеницын

Несмотря на обширную историографию, в исторической науке имеется множество дискуссионных тем, касающихся истории Великой Отечественной войны. Среди них — оценка национальной политики гитлеровской Германии на оккупированной территории СССР. В отечественной исторической науке достаточно подробно рассмотрены экономический и социальный аспекты гитлеровской оккупационной политики¹, а также вопросы германской оккупации отдельных регионов СССР². Изучением деятельности гитлеровской Германии на оккупированной территории Советского Союза занимались и зарубежные ученые³. Однако историки не пришли к единому мнению по этой теме⁴. Пробелы в историографии и противоречивость оценок определяют необходимость продолжения исследований по заявленной теме.

22 июня 1941 г. германская армия вторглась на территорию СССР. Началась Великая Отечественная война. На протяжении первого периода войны численность населения СССР, оказавшегося под гитлеровской оккупацией, оставалась значительной (в декабре 1941 г. — 39,1%, марте 1942 г. — 36,5%, ноябре 1942 г. — 41,9% населения страны)⁵. На оккупированной территории СССР гитлеровцы создали две территориальные единицы — «рейхскомиссариаты» (РК) — «Украина» (в нее вошла основная часть УССР) и «Остланд» (Прибалтика и центральная часть БССР). Главы гражданской администрации рейхскомиссариатов (рейхскомиссары) подчинялись непосредственно Гитлеру и министру «восточных территорий» А. Розенбергу. Администрацию РК «Украина» с центром в Ровно возглавил Э. Кох. Главой гражданской администрации РК «Остланд» был назначен Г. Лозе. Восточная часть Украины и Белоруссии, а также вся оккупированная территория РСФСР оставались под военным управлением. Часть ок-

Сеницын Фёдор Леонидович — кандидат исторических наук, докторант Института российской истории РАН.

купированной территории Советского Союза была передана в состав Рейха (северо-западная часть БССР и Галиция ⁶). Молдавия и юго-западная часть УССР находились под оккупацией Румынии, северо-запад Ленинградской обл., запад Карелии и Мурманской обл. — под оккупацией Финляндии.

Ближайшие цели германской политики на оккупированной территории СССР предполагали, прежде всего, ее максимальную сельскохозяйственную и сырьевую эксплуатацию. 2 июля 1941 г. руководитель РСХА Р. Гейдрих указал, что «политическое умиротворение является первой предпосылкой для экономического умиротворения» ⁷. 1 декабря 1942 г. Г. Геринг сообщил Розенбергу, что объем потребления продуктов питания местным населением оккупированных территорий необходимо удерживать максимально низким, для того, чтобы обеспечить поставки сельхозпродукции в Германию ⁸. Несмотря на все заявления о ликвидации колхозного строя, гитлеровские власти в июле 1941 г. дали указания о продолжении работы колхозов и боролись со «стремлением населения к разделу земли» ⁹, пообещав «поделить землю» в будущем ¹⁰. Весной 1942 г. колхозы были преобразованы в «общинные хозяйства» ¹¹. Введение единоличных хозяйств оккупационными властями реализовано, фактически, не было.

Вторая цель захватчиков заключалась в максимальной эксплуатации рабочей силы населения оккупированной территории СССР. 7 ноября 1941 г. гитлеровские власти приняли основные указания по вопросу «об использовании советско-русской рабочей силы» для нужд Германии. Предполагалось направлять местное население на дорожное и железнодорожное строительство, уборочные работы, разминирование и устройство аэродромов ¹². На оккупированной территории была начата кампания по «добровольно-принудительной» вербовке в Германию советских граждан, получивших название «остарбайтеры», которые должны были «разгрузить» немцев от работы ¹³. К началу 1943 г. в Германию было отправлено около 2 млн «остарбайтеров» и не менее 300 тыс. чел., мобилизованных на строительство оборонительных сооружений ¹⁴.

Наконец, третья цель состояла в обеспечении безопасности тыла Вермахта, а также германского персонала и имущества на оккупированной территории. Для этого гитлеровские власти осуществляли разоружение населения, введя жестокое наказание за хранение оружия без разрешения ¹⁵. Германским войскам было дано указание «применять решительные и жестокие меры» не только в отношении партизан, но и всего «мужского населения с целью предотвращения возможных с их стороны покушений» ¹⁶.

Гитлеровская национальная политика на оккупированной территории СССР являлась одним из основных средств решения перечисленных выше задач. Практическую деятельность по реализации национальной политики осуществляли Министерство «восточных территорий» и Министерство народного просвещения и пропаганды Рейха (в первую очередь, его подразделение «Винета»), администрации РК «Украина» и РК «Остланд», местные гражданские и военные органы власти. Пропаганду среди населения оккупированной территории СССР осуществляли также органы СС, Восточное управление Молодежной организации НСДАП («Гитлерюгенд») с филиалами в РК «Ук-

райна» и РК «Остланд»¹⁷ и «местное самоуправление» (например, созданное в 1941 г. «Управление народного воспитания» при «Эстонском самоуправлении»¹⁸).

Средства пропаганды, посредством которых до населения доводились основные посылы гитлеровской национальной политики, включали в себя печатные издания, радиовещание, театр, музыку, кино, изобразительное искусство¹⁹. По состоянию на 14 июля 1942 г. на оккупированной территории СССР издавались 133 газеты на русском, украинском, латышском, эстонском, литовском, польском, белорусском и крымскотатарском языках²⁰, журналы²¹, фотоальбомы (например, «Гитлер-освободитель» и «Современная Германия»)²², брошюры, «молитвенники», календари, плакаты, листовки и пр. Советская разведка сообщала, что в 1942 г. гитлеровцы наводнили красочными журналами и плакатами даже глухие села. Сельские старосты получали газеты бесплатно и обязывали крестьян их читать²³. Гитлеровские радиостанции работали в Пскове, Смоленске, Минске, Барановичах, Мадоне и других городах²⁴. Оккупационные власти открыли кинотеатры и театры. Так, в Запорожье было открыто четыре кинотеатра (а также один «только для немцев»), в которых демонстрировались немецкие кинофильмы, и работали два театра — русский и украинский²⁵. В Смоленском театре ставили пьесы Н.В. Гоголя и А.Н. Островского, водевили А.П. Чехова, а также прогитлеровские пьесы²⁶. Национальная политика реализовалась германскими властями с помощью проведения собраний и митингов²⁷, организации выставок и музеев²⁸. Пропагандистским средством служили также ознакомительные поездки в Германию, организованные для представителей местного населения оккупированных территорий²⁹. В апреле 1942 г. три делегации из России (Смоленск), Белоруссии и Украины были приняты министром «восточных территорий» Розенбергом, который держал перед ними речь на русском языке³⁰. Информация о поездках делегаций широко распространялась гитлеровской пропагандой³¹.

В целом, германская национальная политика имела три основные задачи. Во-первых, мотивировать население оккупированной территории на оказание помощи германским властям и войскам. Во-вторых, деполитизировать настроения населения, чтобы предотвратить его сопротивление. В-третьих, разобщить народы оккупированной территории и тем самым пресечь объединение представителей разных национальностей под антигитлеровскими лозунгами.

Для решения первой задачи гитлеровские власти пропагандировали, в первую очередь, антисоветизм, сопряженный с антисемитизмом (евреи были обвинены во всех ошибках и преступлениях Советской власти). Материалы на эту тему публиковались практически в каждом номере газет и журналов, множестве книг, брошюр, плакатов и пр. Например, в Киеве гитлеровцы издали большим тиражом брошюры «Правда о прошлом Украины», «Еврейство и его роль в Восточной Европе», «История борьбы с еврейским коммунизмом». В Прибалтике были организованы выставки на тему «Жертвы красного террора»³². В Латвии вышла книга «Ужасный год» (о «советской оккупации» 1940—1941 гг.), написанная латышским писателем П. Ковалевским³³. Аналогичного содержания иллюстрированный журнал

был опубликован в Таллине ³⁴. Пропагандировалась «освободительная миссия» Германии по «уничтожению советской системы» и необходимость сотрудничества местных жителей с германскими властями, чтобы «сделать невозможным возвращение большевизма» ³⁵. Солдаты и офицеры Вермахта получили указание разъяснять населению, что они «пришли не как завоеватели, а как освободители» ³⁶, чтобы «спасти» его от «большевистских зверств» и «массовой высылки в Сибирь» ³⁷. Таким образом, воспитывались «благодарность за изгнание большевизма» и страх перед его возвращением, для чего местному населению было предписано уповать на гитлеровцев.

Во-вторых, много внимания уделялось «прогерманской» пропаганде. От имени участников делегаций, отправленных в ознакомительные поездки в Рейх, публиковались хвалебные отзывы о жизни в Германии, информация о которой якобы «ранее скрывалась большевиками» ³⁸. Гитлеровские власти пытались убедить население в своей «близости» к нему и поэтому часто выступали не от собственного имени, а через посредство местных СМИ и общественных организаций. Например, некоторые листовки, обращенные к русскому населению, издавались от имени несуществовавшей организации «За Родину» ³⁹. Гитлеровцы привлекали к этой деятельности местные «антисоветские элементы», убеждением и угрозами пытались преодолеть их пассивность и выжидательную позицию.

План работы пропагандистов СД, изданный 29 марта 1942 г., гласил, что в беседах с местным населением необходимо «отвергать любой разговор о коммунизме» ⁴⁰, то есть не вступать в политические дискуссии. Вопрос о национальном будущем народов, проживавших на оккупированных территориях, обходился молчанием. Военнослужащие Вермахта получили указание «не касаться вопросов “будущего устройства” в завоеванных областях» ⁴¹. 17 марта 1942 г. Розенберг дал указания о недопустимости высказываний о том, что «оккупированные... восточные области являются германской колонией, и что с населением следует обращаться как с жителями колоний», так как «такого рода высказывания способствуют сильным волнениям среди населения» ⁴².

Третья задача гитлеровской национальной политики — разобщение народов оккупированной территории — решалась с помощью особых мер политики и пропаганды в отношении каждой нации. С этой целью Министерство «восточных территорий» изучало национальную политику Советского Союза, проблемы «взаимопонимания и взаимоотношения» народов СССР, их фольклор и «психологию» ⁴³, национальный состав населения отдельных регионов ⁴⁴. Приказ руководителя РСХА Гейдриха от 2 июля 1941 г. гласил: «Необходимо класть в основу [политики] различия между отдельными народностями (в частности, балтийцы, русские, украинцы, грузины, армяне, азербайджанцы и т.д.) и, где только возможно, использовать их для достижения цели». Было предписано, что «к красным войскам надлежит обращаться только по-русски, к гражданскому же населению, напротив, на его собственном языке. Говорить не о русской армии, а о Красной Армии. Говорить только о русских (не о великороссах), об украинцах (не малороссах), о белорутенах ⁴⁵ (не белорусах), о Советском Союзе (не просто России). Россией является лишь территория, населенная русскими» ⁴⁶. Разобщение народов осуществлялось не толь-

ко на оккупированной территории, но и в отношении «остарбайтеров» в Германии, к которым применялся дифференцированный подход по национальному признаку.

Политика в отношении русского населения базировалась на трех аспектах — этнопсихологическом, антисоветском и «прогерманском». Первый аспект заключался в том, чтобы сделать «сильный упор на русскую душу», то есть на ментальную, а не политическую составляющую национального фактора. Был наложен запрет на употребление самого слова Россия. Гитлеровцы полагали, что русское население готово отказаться от «каких-либо политических лозунгов», так как было «перегружено» ими при советской власти. Антисоветский аспект гитлеровской политики был реализован через пропаганду того, что все «советское» является врагом «русского», а также дискредитацию советской национальной политики, которая в годы войны стала широко использовать «русский фактор». «Прогерманский» аспект политики был направлен на воспитание положительного, дружественного отношения к Германии и немцам. Гитлеровские пропагандисты утверждали, что «русское население хочет узнать... о Германии, национал-социализме и фюрере», и разрабатывали материалы на эти темы, «адаптированно к русскому менталитету»⁴⁷.

Некоторые круги Рейха выдвигали идею создания «альтернативного русского правительства» в расчете на то, что власть и население в СССР находятся в состоянии антагонизма. Предполагалось, что формирование марионеточного «русского правительства», особенно в случае успеха летнего наступления вермахта в 1942 г., сможет изменить ход военных действий, и, в том числе, отношение Болгарии к участию в войне⁴⁸. Однако планы создания «русского правительства» противоречили нацистской доктрине завоевания «жизненного пространства». Оккупированная территория России оставалась под военным управлением, и на ней не было организовано даже централизованное «местное самоуправление». Единственный факт наличия самоуправляемой русской гражданской и военной администрации был допущен гитлеровскими властями на территории нескольких районов Курской и Орловской обл., с центром в пос. Локоть («Локотской особый округ», или «Локотская республика»). Однако германские власти использовали «Локотской округ» не как некое «ядро будущего русского государства», а лишь как удобный инструмент для борьбы с советскими партизанами, не доверяя руководству «Локотского округа»⁴⁹.

Германская национальная политика в отношении «нерусских» народов СССР базировалась на сопряжении нескольких аспектов — разжигании ксенофобии по отношению к другим народам (в особенности, к русским и евреям), антисоветизме и прогерманизме. С целью заигрывания с «нерусскими» народами, в июле 1941 г. германские власти издали приказ об освобождении советских военнопленных ряда национальностей — немцев Поволжья, прибалтов, украинцев, белорусов. (Другой причиной освобождения было то, что к концу июля 1941 г. на сборных пунктах и в пересыльных лагерях скопилось большое число советских военнопленных, на содержание которых у Германии не было ни сил, ни средств). Всего в период до ноября 1941 г. было освобождено 318 770 чел., основную часть которых (277 761 чел.) составляли украинцы⁵⁰.

Политика гитлеровских властей по отношению к украинскому народу была намного более мягкой, чем к русским. Предписывалось «обращаться с украинцами корректно и не как с врагами, если не проявляют враждебного отношения к немецкой армии»⁵¹. В 1941 г. в украинских газетах была опубликована статья «Родословная украинской расы-нации», в которой говорилось о наличии «нордического элемента» в украинской истории⁵². Для распространения среди украинского населения был издан плакат с портретом гетмана П.П. Скоропадского (сотрудничал с Германией во время гражданской войны и с декабря 1918 г. жил в Германии), а в материалах пропаганды использовались желто-голубой флаг и трезубец⁵³. Среди украинского населения гитлеровские пропагандисты разжигали антирусские настроения, утверждая, что главные враги украинцев — это «москали», что «украинцы выше русских»⁵⁴. Возрожденное при помощи гитлеровских властей общество «Просвита» занималось изданием антирусской и антисоветской литературы, открывало читальни, организовывало вечера, театральные постановки (например, по пьесе «Проклятие Москвы»), выступление хоров и оркестров⁵⁵. На Западной Украине гитлеровцы в 1941 г. способствовали изданию трудов местных историков антирусской направленности — например, книг сотрудников Львовского университета И.П. Крипякевича и Ем. Терлецкого. В 1942 г. последний в сборнике «За народ» поместил статью, в которой представил всю историю Украины как непрерывную борьбу с «русской агрессией»⁵⁶. Кроме того, гитлеровцы уверяли украинцев, что при советской власти от Украины якобы были «насильственно отделены части ее территории», а сама Украина «заселялась инородцами на место выселенных сотен тысяч украинцев»⁵⁷.

В то же время, уже во второй половине 1941 г. значительное место в гитлеровской пропаганде заняло противодействие украинскому национализму, который, по мнению германских властей, стал представлять опасность (особенно, после попытки провозглашения ОУН независимости Украины во Львове в конце июня 1941 г.). Украинцам внушали, что оуновцы «способствуют Сталину, умышленно или неумышленно», и поэтому нужно «отвергать все преждевременные планы» по независимости Украины и «работать на восстановление разрушенной страны»⁵⁸. В рамках борьбы с национализмом масштабность использования украинского национального аспекта в пропаганде была сокращена — в том числе снизилось муссирование идеи «соборной» Украины, чествование С.В. Петлюры, М. Хвелевого и других. Существенно был усилен прогерманский фактор — так, новая «интерпретация» истории Украины не только доказывала «вражду с Россией», но апеллировала к «глубоким корням» украинско-немецкой дружбы и культурных связей. Все большее место стала занимать пропаганда немецкой культуры и немецких порядков⁵⁹.

В то же время, гитлеровские власти спекулировали на идее создания в будущем «самостоятельного украинского государства под главенством Германии», используя в пропаганде сведения о сформированных в составе Вермахта мифических «украинских корпусах, дивизиях и армиях», которые якобы вели активные боевые действия «против русских и большевиков». Относительно конкретной судьбы Украины однако были даны невнятные обещания о том, что только

после окончания войны Гитлер даст ответ на вопрос о том, «какую географическую и государственную форму примет Украина в будущем». Такие же уклончивые обещания были даны и на вопрос о развитии украинской культуры и образования, который в период войны было предписано заменить «победами в области питания и хозяйства»⁶⁰.

Централизованного самоуправления на Украине создано не было, а в сфере местного самоуправления был осуществлен лишь краткосрочный эксперимент — на территории Полесья была создана так называемая «Олевская республика» (с центром в г. Олевске Житомирской обл.), в которой власть на себя принял деятель украинского националистического движения Т.Д. Боровец, взявший псевдоним «Тарас Бульба». С разрешения командования Вермахта он создал местную легковооруженную милицию, которая вместе с гитлеровскими частями боролась против советских партизан. Однако осенью 1941 г. гитлеровцы решили установить на территории, контролируемой «Полесской сечью», свою гражданскую администрацию и приказали Боровцу распустить «Полесскую сечь» и все местные органы власти⁶¹.

Гитлеровцы в своих целях проводили дифференциацию восточных и западных украинцев, особенно, учитывая тот факт, что Галиция вошла в состав Генерал-губернаторства (то есть, фактически, Третьего рейха), а не РК «Украина». План работы пропагандистов СД, утвержденный 29 марта 1942 г., гласил, что западным украинцам надо внушить, что они «очень сильно приобрели от западноевропейской культуры и ведут себя благороднее и лучше, чем их собратья с Восточной Украины, которые оставались некультурными и нецивилизованными под царским кнутом и интеллектуальной поверхностью коммунизма»⁶². В Галиции была начата «германизация». Хотя здесь были открыты украинская торговая и педагогическая школы⁶³, а также медицинские курсы, эти учебные заведения были предназначены лишь для самых способных детей, которых в дальнейшем планировалось отправить на учебу в германские университеты. В самой Галиции университетов не было. Не шла здесь речь и о развитии украинской культуры, а потворство гитлеровских властей польскому шовинизму и разжигание украинско-польской вражды в этом регионе также служили снижению роли украинского национального фактора.

Политика в отношении белорусского народа имела своей основной задачей разжечь русофобию и «оторвать» белорусов от русских. Именно с этой целью гитлеровские власти ввели новые названия для белорусов («белорутены») и для Белоруссии («Белорутения») ⁶⁴, пропагандируя особую «белорутенскую» идентичность. Гитлеровская пропаганда стремилась доказать белорусам, что их враги — это русские, а также поляки и евреи⁶⁵. В статье «Белорусы — не русские» генерального комиссара Белоруссии В. Кубе говорилось, что «в ходе истории белорусутенский народ вместе с украинцами стал объектом беспощадной политики русификации» и был вынужден «поверить... в то, что духовно является... частью “великого” русского “брата”»⁶⁶. Гитлеровская пропаганда стремилась «продемонстрировать... отсутствие единой тенденции в развитии Белоруссии и России».

Белорусам внушали, что они — «арийцы», название «Русь» якобы происходит от старонемецкого слова «ротсман» — «гребец», «морской человек», а «Белая Русь» — это «свободная Русь, независимая,

непорабощенная татарами» (в отличие от «Москвы») ⁶⁷. Как и в случае с украинцами, германская пропаганда утверждала, что «белорутены в течение более чем тысячелетия получили порцию здоровой нордической крови» ⁶⁸. Поэтому «счастлирое будущее Белоруссии», согласно гитлеровской пропаганде, могло быть «только под защитой Германии» и при условии участия белорусов в «борьбе против Москвы» в лице советского партизанского движения ⁶⁹.

На оккупированной территории Белоруссии организация центрального органа «самоуправления» на первом этапе войны была отложена, так как, по мнению германских властей, которые исходили еще из их довоенных представлений о белорусском народе, только «немногие белорусы оказались пригодны для сотрудничества» ⁷⁰. В октябре 1941 г. гитлеровцы создали организацию «Белорусская народная самопомощь» (БНС), которая занималась вопросами просвещения, благотворительности и пр., а также призывала население к борьбе с советскими партизанами ⁷¹. В Вильнюсе был создан «Белорусский национальный комитет» под руководством ксендза А. Станкевича, который издавал газету «Белорусский голос», подбирал кадры для белорусских школ, распространял пропагандистские материалы ⁷².

Политика оккупационных властей в Восточной и Западной Белоруссии проводилась по-разному. На западе региона она была более осторожной — скот у крестьян не был реквизирован, население не подвергалось депортации и принудительной мобилизации в полицейские и охранные части. В то же время, здесь разжигалась национальная рознь между белорусским, польским и литовским населением ⁷³. В Восточной Белоруссии политика была намного более жесткой — кроме экономического гнета, ввиду развернувшегося в этом регионе партизанского движения, здесь проводились карательные акции, уничтожалось мирное население, сжигались деревни и т.д.

К польскому населению оккупированной территории СССР гитлеровские власти были относительно лояльны. Руководитель РСХА Гейдрих 1 июля 1941 г. издал приказ, в котором предсказывал, что «поляки... будут проявлять себя... как антикоммунистически, так и антисемитски» настроенные люди, и поэтому указывал «настроенных таким образом поляков» использовать «в качестве инициативного элемента... как при погромах, так и в качестве осведомителей» ⁷⁴. В свою очередь, гитлеровская пропаганда настраивала поляков в антисоветском, русофобском и антисемитском духе ⁷⁵. Оккупационные власти были вынуждены опереться на «польский элемент», в частности, в Белоруссии, где вплоть до весны 1942 г. предпочитали назначать бургомистрами, волостными старостами и солтысами ⁷⁶ поляков. Однако затем отношение к польскому населению было пересмотрено — во-первых, ввиду того, что поляки всячески подчеркивали свою национальную идентичность, в том числе «отказывались говорить иначе, чем по-польски». Во-вторых, гитлеровские власти отметили негативное отношение местного населения к полякам (в частности, на Украине). Поэтому было решено «постепенно удалять поляков с руководящих и привилегированных постов» ⁷⁷.

Политика германских властей по отношению к литовцам, латышам, эстонцам существенно отличалась от политики в отношении славянских народов, как это и было запланировано нацистскими иде-

ологами до войны. Прибалтийским народам были даны обещания достойного устройства их национальной судьбы. Так, в ноябре 1941 г. представитель Розенберга д-р Шпоо заявил: «Эстонии принадлежит в рамках Германской империи большая будущность... К Эстонии будет присоединен Ленинград и вся Ленинградская область. Сотрудничающие с немцами эстонцы будут господами положения в этой вновь созданной обширной восточной области»⁷⁸. В Прибалтике был установлен намного более мягкий, чем в русских регионах, оккупационный режим, и отношение оккупантов к прибалтам в первый период войны контрастировало с пренебрежительным отношением к русскому населению Прибалтики. Заискивающе вели себя оккупационные власти и с финно-угорским населением Ленинградской области.

История Прибалтики изображалась как непрерывная борьба с русскими, которые якобы «закабалляли прибалтов»⁷⁹ и «разлагали» их культуру⁸⁰. Широко использовался и антисоветский фактор. Так, в Каунасе в августе 1942 г. было организовано собрание бывших депутатов Литовского народного сейма, на котором те выступили с антисоветскими речами⁸¹. Германская пропаганда муссировала вопрос о советских депортациях из Прибалтики, осуществленных в середине июня 1941 г., утверждая, что «у большевиков был план вывезти весь эстонский народ к себе, а русских поселить в Эстонии, и только начало войны помешало этому»⁸².

Одновременно подчеркивалась историческая связь Прибалтики с Германией, «кровная» принадлежность прибалтов «к семье европейских народов»⁸³. Гитлеровская пропаганда пыталась внушить, что «немцы во все века помогали прибалтам избежать русского рабства»⁸⁴, что их связывает «общность судьбы», предлагали забыть предыдущие «недоразумения» и установить «тесную дружбу»⁸⁵. Особенный всплеск «прогерманской» пропаганды в Прибалтике произошел летом 1942 г., когда торжественно отмечалась годовщина «изгнания большевиков»⁸⁶. В Эстонии эта пропагандистская акция включала возложение венков к «памятникам свободы» и на могилы германских и эстонских солдат. Был также организован визит группы немецких школьников с целью пропаганды создания «Гитлерюгенд» в Эстонии. Общей целью этих мероприятий было «воздействие на эстонское национальное самосознание с акцентом на германо-эстонское сотрудничество»⁸⁷.

Двуличие гитлеровской политики по отношению к прибалтам ярко иллюстрирует положение, сложившееся в восточной части Латвии (Латгалии), где значительную часть населения составляли русские. Здесь германские власти объявили себя «защитниками русских» и назначили в органы самоуправления русских, которых натравливали на латышей. В Абренском уезде Латвии обучение в школах велось на русском языке (здесь население было преимущественно русским). Подобная политика прекратилась тогда, когда в этом регионе развернулось партизанское движение.

18 ноября 1941 г. Розенберг издал указ, который конституировал «местное самоуправление» в Литве, Латвии и Эстонии. В Литве «самоуправление» («Литовский государственный совет») возглавил бывший начальник литовского генерального штаба П. Кубилюнас, в Латвии («Генеральный директорат») — генерал бывшей латвийской армии О. Данкерс, в Эстонии («Директорат») — Х. Мяэ, лидер пронацистской

организации «Союз участников войны за независимость Эстонии» («Вапсы»), которая с 1934 г. находилась в подполье ⁸⁸.

Однако германские оккупационные органы полностью сохранили за собой верховную власть и получили право контроля над деятельностью «самоуправления», которое было, фактически, лишь совещательным органом. Назначение должностных лиц в органы «самоуправления» напрямую производилось или, как минимум, утверждалось германскими властями. Тем не менее, созданное на территории Прибалтики «самоуправление» дало литовцам, латышам и эстонцам такой уровень административной автономии, в котором было отказано всем другим народам на оккупированной территории СССР. Это позволило гитлеровцам временно снизить уровень недовольства среди прибалтийского населения, чья поддержка была необходима для «антибольшевистской борьбы». Наличие «самоуправления» в Прибалтике позволило германским властям осуществлять свои требования через местные органы, маскируя сам факт оккупации.

Ситуация на оккупированной территории Крымской АССР характеризовалась, прежде всего, этнической пестротой: до войны русские здесь составляли 49,6%, крымские татары — 19,4, украинцы — 13,7, евреи — 5,8, немцы — 4,5, греки — 1,8, болгары — 1,4, армяне — 1,1% населения ⁸⁹. Основное внимание гитлеровской национальной политики в этом регионе было направлено на крымскотатарский народ. При приближении Вермахта к Крыму гитлеровцы разбрасывали на его территории листовки с призывом к крымским татарам «решить вопрос об их самостоятельности» ⁹⁰. Еще не оккупировав всей территории Крыма, гитлеровские власти создали «специальные добровольческие части» из военнопленных крымских татар. Целью этой акции было создать видимость «союзнических отношений» и привлечь на свою сторону крымскотатарское население. Реакция со стороны антисоветски настроенных крымскотатарских деятелей не заставила себя ждать. 11 ноября 1941 г. в Симферополе и ряде других городов и населенных пунктов Крыма были созданы «мусульманские комитеты» ⁹¹. Эти организации работали под контролем СД и должны были «управлять» настроениями и политической деятельностью крымскотатарского населения, направляя его внимание на борьбу с советскими партизанами. В работе «мусульманских комитетов» приняли участие крымскотатарские эмигранты, прибывшие из Турции. На базе «мусульманских комитетов» 23 ноября 1941 г. был создан «Крымский комитет», целью деятельности которого являлось создание крымскотатарского государства под протекторатом Германии ⁹². Гитлеровские власти рассматривали крымскотатарское население в качестве своего «союзника» (в том числе, сообщали об этом в своих листовках, адресованных советским партизанам) ⁹³ и проявляли по отношению к нему лояльность, переходящую в заискивание ⁹⁴. Такая политика была направлена на разжигание национальной розни в Крыму, а также создание трудностей для деятельности советских партизан.

На оккупированной территории СССР оказалось около 350 тыс. советских граждан немецкой национальности. Германские власти считывали, что «можно положительно использовать относительно боль-

шой процент»⁹⁵ немцев СССР для сотрудничества с оккупационными властями, которые стали активно привлекать к сотрудничеству местных немцев, получивших после регистрации статус «фольксдойче»⁹⁶. Выполняя гитлеровский «заказ», оккупационные власти на практике часто присваивали этот статус давно ассимилировавшимся немцам. Сам факт наличия «фольксдойче» на оккупированной территории СССР был политически более важен, чем действительная этнокультурная принадлежность к немецкой нации. Этот статус получило даже небольшое шведское национальное меньшинство, проживавшее на юге Украины⁹⁷. Из числа «фольксдойче» оккупанты старались подбирать бургомистров, старост, других должностных лиц местного значения, вербовать переводчиков, агентов полиции и гестапо. Из них была создана «вспомогательная полиция». Однако мероприятия по выдвиганию массы «надежных» местных немцев на руководящую работу на оккупированной территории СССР, в целом, провалились. В октябре 1941 г. в своем докладе оккупационные власти отмечали, что «местные немцы... имеют совершенно неправильные представления о взаимоотношениях внутри Рейха», а также им «не понятно чувство дискриминации». Гитлеровцы считали неприемлемым, что советские немцы «к евреям... обычно относятся безразлично», считая их «безобидными людьми, не внушающими никаких опасений»⁹⁸. Хотя гитлеровские власти пытались возродить национальное самосознание этнических немцев на оккупированной территории СССР, среди них не было обнаружено «никаких признаков оживления национальной деятельности»⁹⁹.

Граждане СССР еврейской и цыганской национальностей в условиях гитлеровской оккупации, как и предписывали нацистские планы, были исключены из общественно-политической жизни и социально изолированы. Гитлеровцы не предполагали никакого национального будущего для этих народов, что совершенно не скрывалось. Уже в первый период Великой Отечественной войны началось осуществление геноцида евреев и цыган, в результате которого за все время оккупации на территории СССР было уничтожено 1480 тыс. евреев¹⁰⁰ и не менее 30 тыс. цыган¹⁰¹. 29 июня 1941 г. Гейдрих указал, что «целесообразно... инспирирование местных народных погромов»¹⁰². На изоляцию еврейского населения были направлены такие меры, как, например, запрет на «прием евреев в домах и местах проживания нееврейского населения»¹⁰³. Антисемитизм был одной из главных составляющих германской пропаганды на оккупированной территории СССР.

Истинное отношение германских властей к народам СССР, конечно же, существенно отличалось от утверждений гитлеровской пропаганды (кроме политики в отношении еврейского и цыганского народов, в отношении которых нацисты свои планы, как уже говорилось, не скрывали). Это отношение продолжало базироваться на крайне шовинистических (по нацистской терминологии — «расовых») основах. Приказ Гитлера от 2 октября 1941 г. гласил: «Мы боремся против врага, который состоит не из людей, а из бестий». В своей речи 9 ноября 1941 г. в Мюнхене Гитлер сказал, что Советский Союз — это государство, «в котором истреблена интеллигенция» и остались только «темные, насильно пролетаризированные, неполноценные люди»¹⁰⁴.

Й. Геббельс писал в июле 1942 г. в газете «Das Reich», что «народности Советского Союза живут на таком уровне, который мы едва можем представить себе в его тупом примитивизме», представляют собой «тупой безвольный человеческий материал», демонстрируют «социальную и хозяйственную невзыскательность», «животную дикость» и «животную тупость»¹⁰⁵. О советских военнопленных газета «Völkischer Beobachter» писала так: «Настоящий людской зверинец... Смесь народов, рас, сосредоточения низкого человечества — настоящих подонков человечества... Их души такие же убогие, как и их одежда, бесчувственные и тупые, как выражение их лиц»¹⁰⁶. Германским военнопленным предписывалось не общаться с советскими пленными во имя «политической необходимости, поддержания престижа и достоинства»¹⁰⁷. Враждебное и нечеловеческое отношение к пленным проявилось в их клеймении. Упомянутое выше освобождение военнопленных из числа «нерусских» народов летом 1941 г. было лишь тактическим ходом — 7 ноября 1941 г. ввиду необходимости использовать их в качестве «рабочей силы» Гитлер издал приказ «пленных впредь не освобождать»¹⁰⁸.

Неизменным оставалось подчеркнуто «расистское» отношение гитлеровцев к русскому народу. 13 июля 1941 г. Гитлер назвал русских представителями «недочеловечества» и «низших рас». Широко был распространен тезис о том, что «русские всегда хотят быть массой, которой управляют»¹⁰⁹. Геббельс в своей статье «Так называемая русская душа» писал о том, что русская нация, фактически, не существует, а является лишь смесью «совершенно различных народностей»¹¹⁰. Профессор Берлинского университета В. Абель предупредил власти о «русской опасности», утверждая, что в жилах русских течет много «нордической» крови, и «биологически они сильнее, чем немцы». Поэтому он призывал максимально снизить рождаемость среди русских¹¹¹. 21 ноября 1941 г. проф. В. Шюслер в своей речи «От Петра Великого до Сталина» утверждал, что «борьба против коммунизма является одновременно борьбой против агрессивного русского национализма, против идеи господства варварской Москвы над культурной Европой»¹¹².

Германские власти стремились низвести русский народ до уровня «обслуживающего персонала», лишённого национального самосознания. В июне 1942 г. были открыты «народные школы», которые должны были «готовить квалифицированных сельскохозяйственных рабочих, и только». В перспективе преподавание предполагалось вести только на немецком языке. История как предмет во многих районах была упразднена и заменена «обществоведением»¹¹³. Гитлеровская пропаганда оказывала воздействие на отношение к русским со стороны населения Германии. Советский гражданин В.П. Белошурский, угнанный в качестве «остарбайтера», вспоминал: «Гражданское население Германии оскорбляло нас, сыпало в глаза песок и бросало камни, а дети дразнили нас словами “русские свиньи”»¹¹⁴. Немцы были уверены, что русским присущ низкий интеллект, неграмотность, тотальное безбожие, презрение к семье. Однако следует отметить, что со временем это отношение изменилось, когда из опыта общения с русскими военнопленными и «остарбайтерами» выяснилось, что последние зачастую образованнее немцев, сообразительны и религиозны¹¹⁵.

Истинное отношение гитлеровских оккупантов к украинскому народу исходило из культа Украины как «житницы Рейха». Соответственно, предполагалось, что украинцы в качестве «рабочей силы» будут обслуживать экономику этой «житницы». «Директивы для ориентировки сотрудников Рейхскомиссариата Украина» от 22 июня 1942 г. гласили: «Украинцы нуждаются в руководстве... Если ими хорошо руководить и направлять их, то они являются послушной рабочей силой»¹¹⁶. Превращению украинского народа в рабов служила фактическая ликвидация образовательной системы. В украинских школах преподавались только арифметика, «рукоделие», украинский и немецкий языки. Преподавание истории, географии и других дисциплин было запрещено.

Немцы получили указание подчеркивать свое «превосходство» в общении с украинцами — предписывалось «не... принимать от украинцев приглашений» и проявлять «крайнюю сдержанность» в разговоре и поведении. Немцы должны были всегда помнить, что они «составляют в этой стране руководящее сословие» и поэтому «не могут выполнять на глазах у руководимых грязную, черновую работу», для которой «есть евреи и поляки, а также украинцы и русские»¹¹⁷.

Отсутствие намерений Германии предоставлять украинцам какую-либо государственность проявилось в непримиримой борьбе с украинскими националистами. После запрета ОУН в июле 1941 г. гитлеровские власти издали секретный приказ о том, что «все активисты бандеровского движения должны немедленно арестовываться и после тщательного допроса... без шума ликвидироваться под видом грабителей»¹¹⁸. Начальник «Винеты» Х. Хумпф приказал украинским пропагандистам усвоить, что, «где пролита немецкая кровь — там Великогермания», и не говорить о «независимой Украине»¹¹⁹.

Что касается поляков, то гитлеровцы стремились «сломить польскую национальную гордость». На Украине были ликвидированы польские школы, не допускалась пропаганда польской культуры. Временно разрешалось лишь католическое богослужение на польском языке.

Отношение гитлеровцев к народам Прибалтики основывалось на планах будущей «германизации» этого региона. В начале войны в Прибалтику была направлена комиссия по «расовому изучению», которая, «изучив» 2 тыс. чел., пришла к выводу, что «народы Прибалтики не годны для германизации». В ноябре 1942 г., в связи с изменением ситуации на фронте, был сделан другой вывод: латыши и эстонцы могут быть германизированы, литовцы — по-прежнему нет. Тем не менее, германским солдатам было запрещено вступать в брак с женщинами из числа местного населения Прибалтики как представительницами «низкосортных» народов¹²⁰.

Несмотря на все заявления об «исторической дружбе» с прибалтами, гитлеровская политика имела своей целью осуществление немецкого «владычества» и ущемление национального бытия прибалтийских народов. Так, представитель Розенберга д-р Шпоо заявил в ноябре 1941 г.: «Немцы всегда являлись проводниками культуры в Прибалтике»¹²¹. В Латвии широко использовался тезис «о немецких господах и вельможах латышах»¹²². Гитлеровцы указывали на то, что «все... в Латвии... создано немцами»¹²³. В Эстонии германская пропа-

ганда, по признанию самих гитлеровских властей, придавала «преувеличенно большое значение влиянию немцев на культурное развитие этой страны»¹²⁴. В Прибалтике активно внедрялся немецкий язык в государственных учреждениях, школах, ВУЗах и т.д.¹²⁵, подвергалось жесткой цензуре местное национальное искусство, что, очевидно, было одним из первых шагов в рамках запланированной «германизации» Прибалтики.

16 июля 1941 г. руководитель Гестапо Г. Мюллер издал директиву о том, что стремление народов Прибалтики к независимости «никоим образом не соответствует германским стремлениям», поэтому «подобный ход событий... должен... во что бы то ни стало пресекаться»¹²⁶. Инструкция Розенберга для РК «Остланд» от 24 июля 1941 г. предписывала «препятствовать любым поползновениям на создание Эстонского, Латвийского и Литовского государств, независимых от Германии», и на формирование «независимых национальных армий»¹²⁷. Рейхскомиссар «Остланда» Х. Лозе 5 ноября 1941 г. запретил проводить в день независимости Латвии (18 ноября) «мероприятия, на которых особо подчеркивалась бы былая независимость... либо пробуждающие надежду на независимость в будущем»¹²⁸. Германские власти развернули жесткую борьбу с прибалтийскими национальными движениями, в которых видели для себя главную опасность.

Таким образом, несмотря на создание «самоуправления», гитлеровцы не планировали предложить прибалтам независимость или хотя бы какое-то национальное будущее, чего ждала от Германии значительная часть литовцев, латышей и эстонцев. 12 марта 1942 г. на совещании в Риге представители германских властей отметили, что «латышам при нынешнем положении вещей нельзя сказать правду», так как «нет позитивных моментов, которые можно было бы предложить» (очевидно, имелся в виду вопрос о независимости Латвии). Поэтому было решено лишь улучшить обращение немцев с латышами¹²⁹, чтобы внешне сгладить разочарование последних в германской власти. В Эстонии к июню 1942 г. с этой же целью были сокращены штаты германских властей, отозваны или заменены чиновники из числа прибалтийских немцев.

Несмотря на заигрывания германских властей с крымскими татарами, гитлеровцы не предполагали создания крымскотатарского государства. Согласно планам нацистских идеологов, Крым должен был стать одной из главных зон немецкой колонизации.

Истинное отношение гитлеровских властей к немецкому населению СССР было отчасти снисходительным. Управление СС и полиции РК «Украина» отмечало, что немецкое население Украины «имеет за собой 25 лет страданий», которые привели к «истощению народных сил». Поэтому было предписано, что «местные немцы нуждаются... в воспитании и направлении»¹³⁰.

В октябре 1941 г. министр экономики Рейха В. Функ заявил: «С победой Германии открываются грандиозные возможности хозяйственного и политического преобразования Востока». Он отметил, что в этой связи германские власти на оккупированной территории СССР будут «решать вопрос о населении»¹³¹. 1 октября 1941 г. Генеральный штаб Вермахта издал инструкцию, в которой указывалось, что германский солдат «должен... знать... современные политические требо-

вания и военные потребности в связи с будущей организацией Великой германской империи и ее жизненного пространства»¹³². 10 октября 1941 г. генерал-фельдмаршал Вермахта фон Рейхенау издал директиву «О поведении войск в Восточном пространстве», которая гласила: «Основной целью похода против еврейско-большевистской системы является полный разгром государственной мощи и искоренение азиатского влияния на европейскую культуру... Никакие исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения». Перед солдатом Вермахта была поставлена задача «выполнить свою историческую миссию по освобождению навсегда германского народа от азиатско-еврейской опасности»¹³³, под которой понималась, на самом деле, «русская (российская) опасность».

Генеральный план «Ост» по состоянию на начало 1942 г. предполагал, что в колонизацию завоеванных «восточных территорий» будет вовлечено 10 млн переселенцев, включая жителей не только Германии, но и других «германских» стран, а также «фольксдойче». Территории, предназначавшиеся для колонизации, включали в себя Польшу, Прибалтику, Западную Украину, область вокруг Ленинграда, Крым и прилегавшие области, а также излучину Днепра (район Днепропетровска). Из числа местного населения этих территорий планировалось выселить 31 млн чел. в Западную Сибирь, а остальные 14 млн чел. подлежали «германизации», либо трудовой эксплуатации.

На оккупированных территориях СССР осуществлялись постройка и ремонт лагерей для немецких переселенцев. К осени 1942 г. в Литве были экспропрированы 6597 ферм, на которые переселили 16 786 немцев, ранее (в 1939—1940 гг.) репатриированных в Рейх¹³⁴. В июле 1942 г. Гитлер дал директиву об эвакуации русского населения Крыма, однако эти планы «заблудились в неразберихе компетенций и военных событий»¹³⁵. Приказ Гиммлера от 21 декабря 1942 г. еще раз недвусмысленно определил цель Германии: «Поселить наш народ в этих областях и устранить чуждые народы». Предполагалось не только переселение немцев на захваченные территории, но и изменение внешнего облика этих земель под «немецкие стандарты». Гиммлер подчеркнул, что «новые места обитания являются домом для поселенцев, поэтому решающим условием является плановая и природная организация ландшафта», которая «является одной из основ укрепления германизма»¹³⁶.

Национальная политика германских властей на оккупированной территории Советского Союза в первый период Великой Отечественной войны (июнь 1941 г. — ноябрь 1942 г.) была весьма масштабной и служила одним из основных средств обеспечения экономической и трудовой эксплуатации населения оккупированной территории, а также безопасности Вермахта и германской гражданской администрации.

Поливариантность гитлеровской национальной политики проявилась в использовании особенных методов в отношении разных народов или субэтнических групп в составе одного и того же народа. Инструментарий гитлеровской политики включал в себя, во-первых, разжигание шовинизма, направленное на разобщение народов СССР — при этом особенно поощрялись русофобия (среди «нерусских» народов) и антисемитизм. Во-вторых, с разжиганием русофобии и антисемитизма была связана антисоветская пропаганда: для

всех народов СССР подавался как государство, в котором «правят евреи», а для «нерусских» народов — еще и как носитель «русского империализма». В-третьих, широко пропагандировались «прогерманские» настроения — воспитание преклонения перед Германией. Гитлеровская политика была построена на манипулировании национальными чувствами народов СССР, стремлении их деполитизировать и свести к «пещерному шовинизму».

С другой стороны, германская национальная политика была ограничена жесткими установками нацистской идеологии, выработанными до начала войны в условиях безоговорочной веры руководства Рейха в «блицкриг». Даже после провала «блицкрига» летом 1941 г. и поворота в войне зимой 1941—1942 гг. нацистское руководство продолжало придерживаться старой политики. Гитлеровские власти уклонялись от обсуждения политического и национального будущего населения оккупированной территории, обещая ему только мифическое «экономическое процветание».

Надежды на предоставление независимости или автономии, которые возлагала на Германию антисоветски настроенная часть населения, реализованы не были. Гитлеровские пропагандисты проявили недостаточное знание менталитета народов СССР. Рассматривая их как «недочеловеков», германское командование рассчитывало на успех любых пропагандистских мероприятий, поэтому уровень многих материалов пропаганды был примитивным. Значительная часть населения оккупированной территории СССР также оказалась невосприимчива к антисемитской и прочей шовинистической пропаганде. Пренебрежительное отношение к местному населению, сегрегация, карательные акции, публичные казни, грабежи, ухудшившаяся экономическая ситуация, упадок систем медицинского обслуживания и народного образования привели к тому, что уже в первый год оккупации отмечался рост отрицательного отношения населения к гитлеровским оккупантам, в том числе, среди тех, кто ранее приветствовали германское вторжение.

Примечания

1. КОВАЛЁВ Б.Н. Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм в России (1941—1944 гг.). Великий Новгород. 2001; СОРОКИНА О.Л. Школьное образование в условиях оккупации территории Советского Союза немецкими захватчиками в годы Великой Отечественной войны. — Клио. 2004, № 2, с. 117—132; ЕРМОЛОВ И.Г. Три года без Сталина: Оккупация: Советские граждане между нацистами и большевиками: 1941—1944. М. 2010; ЕГО ЖЕ. Юридическая деятельность «нового порядка» на оккупированных территориях РСФСР. — Вопросы истории. 2010, № 5, с. 52—62; ЕГО ЖЕ. Здравоохранение и социальная политика на оккупированной территории РСФСР. — Там же, № 10, с. 72—79.
2. ЖУМАРЬ С.В. Оккупационная периодическая печать на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны. Минск. 1996; НИКИФОРОВ С.А. Политика оккупационных властей на территории Курской области в 1941—1943 гг. Дис. канд. ист. наук. Курск. 2003; МАЛЬГИН А.В. Партизанское движение Крыма и «татарский вопрос»: 1941—1944 гг. Симферополь. 2008; МИХАЙЛЮК М.В. Немецкая пропаганда на Украине (1941—1944). Проблемы отечественной истории: Источники, историография, исследования: Сб. научных статей СПб.-Киев-Минск. 2008;

- ЯКУТИН А.В. Организация оккупационного режима на территории Смоленской области. Дис. канд. ист. наук. Брянск. 2009; ДОРОНИНА Н.В. Нацистская пропаганда на оккупированных территориях Ставрополья и Кубани в 1942—1943 гг.: цели, особенности, крах. Пятигорск. 2012.
3. DALLIN A. German Rule in Russia. L.-N.Y. 1957; REITLINGER G. The House Built on Sand: The Conflicts of German Policy in Russia, 1939—1945. N.Y. 1960; KAMENETSKY I. Secret Nazi Plans for Eastern Europe: A Study of Lebensraum Policies. N.Y. 1961; FLEISCHHAUER I. Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion. Stuttgart. 1983; WEINER A. Making Sense of War: The Second World War and the Fall of the Bolshevik Revolution. Princeton. 2001; POHL D. Die Herrschaft der Wehrmacht: Deutsche Militärbesatzung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941—1944. München. 2008.
 4. LAAK D. van. Über alles in der Welt: Deutscher Imperialismus im 19. und 20. Jahrhundert. München, 2005. S. 149; СМЫСЛОВ О.С. Накануне 1941 года: Гитлер идет на Россию. М. 2007, с. 321—322; МАЙНЕР С.М. Сталинская священная война: Религия, национализм и союзническая политика: 1941—1945. М. 2010, с. 103, 106, 121, 123—124; СЕМЁНОВ С.И. Общие черты и основные типы идеологии фашизма. М. 1982; ГАЛКИН А.А. Германский фашизм. М. 1989; КАНТОР Ю.З. Заклятая дружба: Секретное сотрудничество СССР и Германии в 1920—1930-е годы. СПб. 2009, с. 237; БУХАНОВ В.А. Гитлеровский «новый порядок» в Европе и его крах: 1939—1945: (Идейно-политические проблемы). Екатеринбург. 1994, с. 136; КРИНКО Е.Ф. Оккупационный режим на Кубани (1942—1943 гг.): Дис. канд. ист. наук. Ставрополь. 1997, с. 16; КЁНЕН Г. Между страхом и восхищением: «Российский комплекс» в сознании немцев, 1900—1945. М. 2010, с. 398; ЧАПЛЫГИНА Н.В. К вопросу о политике нацистов по отношению к народам Северного Кавказа в период оккупации (июль 1942 — октябрь 1943 гг.). В кн.: Актуальные проблемы российской и всемирной истории: Ученые записки. Пятигорск. 2002, с. 169; МЮЛЛЕР Р.-Д. На стороне Вермахта: Иностранные пособники Гитлера во время «крестового похода против большевизма» 1941—1945 гг. М. 2012, с. 284; ЛОМАГИН Н.А. Неизвестная блокада. Т. 1. М. 2002, с. 534; БАБЕРОВСКИ Й. Красный террор: История сталинизма. М. 2007, с. 209; РОМАНЬКО О.В. Немецкая оккупационная политика на территории Крыма и национальный вопрос (1941—1944). Симферополь. 2009, с. 7, 16.
 5. К 60-летию Победы в Великой Отечественной войне: Статистический сборник. М. 2005, с. 28.
 6. Галиция была включена в состав Генерал-губернаторства, созданного гитлеровцами на территории оккупированной Польши.
 7. Телеграмма Р. Гейдриха (перевод на рус. яз.). Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 550к., оп. 5, д. 3, л. 30.
 8. Auszug dem Mittelteilungsblatt, Nr. 4, 18. Dezember 1942. Там же, ф. 1323, оп. 2, д. 268, л. 7.
 9. Командование 7-го армейского корпуса Вермахта. Выписка из особого указания № 37 от 29 июля 1941 г. Научный архив Института российской истории РАН, ф. 2. Раздел 6, оп. 2, д. 76., л. 3.
 10. Лубянка в дни битвы за Москву. М. 2002, с. 375—376.
 11. Распоряжение № 1 по проведению нового порядка землепользования от 16 февраля 1942 года об организации, управлении и ведении хозяйства в крестьянских общинных хозяйствах. 17 марта 1942 г. НА ИРИ РАН, ф. 2. Раздел 6, оп. 2, д. 7а, л. 1.
 12. Нота НКВД СССР. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), ф. 082, оп. 5, п. 8, д. 75, л. 9, 12.
 13. Трофейный документ «Из сообщений Уполномоченного по четырехлетнему плану». 1 мая 1942 г. Там же, л. 25.
 14. Справка о вывозе трудоспособного населения в Германию в течение зимы 1942—1943 гг. Там же, л. 75, 77.
 15. Письмо Р. Гейдриха. 16 марта 1942 г. РГВА, ф. 1323, оп. 2, д. 269, л. 2.
 16. Лубянка в дни битвы за Москву, с. 369—370.

17. Работа среди молодежи в оккупированных районах (перевод статьи из журнала «Гитлеровская молодежь в войне», сентябрь 1942 г.). Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. М-1, оп. 53, д. 442, л. 15.
18. Докладная записка Бюро ЦК ВКП(б) по Эстонии. 17 мая 1945 г. Там же, ф. 17, оп. 122, д. 94, л. 135.
19. Deckblatt zum Arbeitsplan der Propagandisten beim Befehlshaber der Sicherheitspolizei und des SD Einsatzgruppe C. 29. März 1942. РГВА, ф. 1363, оп. 1, д. 155, л. 57.
20. Докладная записка разведотдела Штаба Западного фронта. 10 апреля 1943 г. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 167, л. 9.
21. Докладная записка ЦК КП(б) Белоруссии. Там же, д. 104, л. 118.
22. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 53, д. 437.
23. Политдонесение о политике немцев в оккупированных районах. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО), ф. 32, оп. 11302, д. 104, л. 740.
24. Расписание радиопередач на русском языке. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 178, л. 32.
25. Доклад Политотдела 12 армии. Там же, д. 253, л. 19.
26. ЯКУТИН А.В. Ук. соч., с. 22.
27. Материалы о работе среди советского населения оккупированных немцами районов. 1942 г. ЦАМО, ф. 32, оп. 11302, д. 59. л. 365—365об.
28. Докладная записка разведотдела Штаба Западного фронта. 10 апреля 1943 г., л. 10.
29. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 104, л. 134.
30. BRIEF. DR. Taubert – Herrn Leiter Rundfunk. 24. April 1942. РГВА, ф. 1363. оп. 1, д. 115, л. 132.
31. Материалы «Винеты». Там же, ф. 1370, оп. 1, д. 5, л. 346.
32. Докладная записка разведотдела Штаба Западного фронта. 10 апреля 1943 г., л. 9—10.
33. Vertrauliche Ostinformation «Vineta». Nr. 72. 3. Dezember 1942. РГВА, ф. 1370, оп. 1, д. 56, л. 38.
34. Ostraum Artikeldienst. Nr. 18/42. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 178, л. 70.
35. Указания по «устной пропаганде среди гражданского населения» (трофейный документ). Там же, д. 166, л. 17.
36. Докладная записка разведотдела Штаба Западного фронта. 10 апреля 1943 г., л. 25.
37. Докладная записка секретаря ЦК КП(б) Латвии по пропаганде. 2 марта 1943 г. РГАСПИ, д. 136, л. 6.
38. Ostraum Artikeldienst. Nr. 15/42. Там же, ф. 17, оп. 125. д. 178, л. 63.
39. Deckblatt zum Arbeitsplan der Propagandisten beim Befehlshaber der Sicherheitspolizei und des SD Einsatzgruppe C. 29. März 1942, л. 56.
40. Указания по «устной пропаганде среди гражданского населения» (трофейный документ). РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 166, л. 17.
41. Докладная записка разведотдела Штаба Западного фронта. 10 апреля 1943 г., л. 25.
42. Меморандум А. Розенберга. РГВА, ф. 1323. оп. 2, д. 268, л. 8а — 8б.
43. Разведсводка № 5. 1 апреля 1942 г. НА ИРИ РАН, ф. 2. Раздел 6, оп. 9, д. 5, л. 6—6об.
44. Die Russische Bevölkerung in Generalbezirk Litauen. 22. Januar 1942. РГВА, ф. 1358, оп. 1, д. 11, л. 5.
45. Документ дан в русском переводе. В переводе указано — «белорусинах». Правильно — «белорутенах».
46. Приказ Р. Гейдриха. 2 июля 1941 г. РГВА, ф. 550к, оп. 5, д. 3, л. 30, 37.
47. Vertrauliche Ostinformation «Vineta». 27. Juni 1942. Там же, ф. 1370, оп. 1, д. 56, л. 373.
48. ГРУ Красной Армии. Мероприятия германских властей на временно оккупированной территории СССР. М. 1943. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 172, л. 95.
49. «Die Fremdvölkische Kampfgruppe Kaminski». 22. Juli 1942. РГВА, ф. 1323, оп. 2, д. 264, л. 1—3.
50. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М. 1993, с. 333—334.
51. Директива Оперативного отдела 387 пехотной дивизии Вермахта. 13 апреля 1942 г. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 96, л. 168—169.

52. ПУ Южного фронта. Сводка № 6 о хозяйничаньи и методах пропаганды немцев во временно занятых ими районах. 27 декабря 1941 г. ЦАМО, ф. 32, оп. 11 302, д. 61, л. 64.
53. ГРУ Красной Армии. Мероприятия германских властей на временно оккупированной территории СССР, л. 13.
54. Докладная записка разведотдела Штаба Западного фронта. 10 апреля 1943 г., л. 17—18, 31, 33.
55. Справка об антисоветских молодежных организациях на оккупированной территории Украины. 5 августа 1943 г. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 53, д. 279, л. 97—98.
56. Докладная записка «О книгах проф. Крипякевича и доц. Терлецкого, изданных при немецко-фашистской оккупации (1941—1943 гг.)». Там же, ф. 17, оп. 125, д. 310, л. 20—24.
57. Ostraum Artikeldienst. 1942. Nr. 30. Там же, д. 178, л. 135—137.
58. Anlage 1 zu Arbeitsplan v. 29. März 1942. Betrifft: Klagen unzufriedener Ukrainer. РГВА, ф. 1363, оп. 1, д. 155, л. 60—61.
59. Справка о политической работе немцев среди молодежи Украины в период оккупации. 3 мая 1944 г. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 53, д. 284, л. 22—23.
60. Höhere SS und Polizeiführer RK Ukraine. Richtlinien für die Ausrichtung der Gefolgschaft. 22. Juni 1942. (Перевод на рус. яз.). РГВА, ф. 1323, оп. 2, д. 288, л. 2—2об.
61. Беседа с работником ЦК КП(б)У тов. Касименко. 20 февраля 1944 г. НА ИРИ РАН, ф. 2. Раздел 6, оп. 9, д. 3, л. 3об.
62. Anlage 1 zu Arbeitsplan v. 29. März 1942. Betrifft: Klagen unzufriedener Ukrainer. РГВА, ф. 1363, оп. 1, д. 155, л. 61.
63. Беседа с К.И. Жур. 10 декабря 1944 г. НА ИРИ РАН, ф. 2. Раздел 6, оп. 18, д. 2, л. 2об.—3.
64. От лат. «Ruthenia» — «Русь».
65. Директива Оперативного отдела 387 пехотной дивизии Вермахта. 13 апреля 1942 г. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 167, л. 19—20.
66. Журнал «Беларуская школа». 1942, № 4-1. Там же, ф. М-1, оп. 53, д. 126, л. 46.
67. Там же, № 2-1-11, л. 5, 18—19.
68. Gauleiter Kube. Die Weissruthenen. 20. Juli 1942. РГВА, ф. 1363, оп. 5, д. 67, л. 5.
69. Директива Оперативного отдела 387 пехотной дивизии Вермахта. 13 апреля 1942 г. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 167, л. 19—20.
70. ГРУ Красной Армии. Мероприятия германских властей на временно оккупированной территории СССР, л. 9.
71. Докладная записка разведотдела Штаба Западного фронта. 10 апреля 1943 г., л. 20—21.
72. Докладная записка ЦК КП(б) Белоруссии, л. 119.
73. Докладная записка Военного совета 1-го Прибалтийского фронта. 12 июля 1944 г., РГАСПИ, оп. 122, д. 66, л. 8—9.
74. Телеграмма. Приказ № 2. 1 июля 1941 г. РГВА, ф. 550к, оп. 5, д. 3, л. 23в — 23г.
75. GŁOWIŃSKI T. O nowy porządek europejski: Ewolucja hitlerowskiej propagandy politycznej wobec Polaków w Generalnym Gubernatorstwie, 1939—1945. Wrocław. 2000, s. 394.
76. Низшее должностное лицо (руководитель села).
77. Höhere SS und Polizeiführer RK Ukraine. Richtlinien für die Ausrichtung der Gefolgschaft. 22. Juni 1942. (Перевод на рус. яз.). РГВА, ф. 1323, оп. 2, д. 288, л. 5—5об.
78. ПУ Ленинградского фронта. Сводка № 107. 4 октября 1944 г. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 253, л. 180—181.
79. Докладная записка разведотдела Штаба Западного фронта. 10 апреля 1943 г., л. 15.
80. Стенограмма беседы с Г.И. Наан. НА ИРИ РАН, ф. 2. Раздел 2, оп. 15, д. 2, л. 15об.
81. ГРУ Красной Армии. Мероприятия германских властей на временно оккупированной территории СССР, л. 9.
82. Стенограмма беседы с Г.И. Наан, л. 15—15об.
83. Grosse Gilde im Ostland. 1. Oktober 1942. РГВА, ф. 1363, оп. 5, д. 66, л. 36.
84. Докладная записка разведотдела Штаба Западного фронта. 10 апреля 1943 г., л. 15.

85. Докладная записка секретаря ЦК КП(б) Латвии по пропаганде А. Пельше. 2 марта 1943 г. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 136, л. 6.
86. Vertrauliche Ostinformation «Vineta». Nr. 18. 24. August 1942. РГВА, ф. 1370, оп. 1, д. 56, л. 204.
87. Vertrauliche Information «Vineta». 13. August 1942. Там же, л. 240, 242.
88. ГРУ Красной Армии. Мероприятия германских властей на временно оккупированной территории СССР, л. 8—9.
89. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги: Россия. СПб. 1999, с. 51.
90. Ориентировка НКВД Крымской АССР об организации и деятельности татарских националистов в Крыму в период оккупации 1941—1944 гг. ГАРФ, ф. 9478, оп. 1, д. 284, л. 16.
91. Там же, л. 16.
92. Ориентировка НКВД Крымской АССР об организации и деятельности татарских националистов в Крыму..., л. 16, 18.
93. Документ «Предательская роль татарского населения в период оккупации Крыма». НА ИРИ РАН, ф. 2. Раздел 6, оп. 13, д. 26, л. 7.
94. Материалы ЦШПД. РГАСПИ, ф. 69. оп. 1, д. 618, л. 19.
95. Vertrauliche Information «Vineta». Nr. 26. 18. Juli 1941. РГВА, ф. 500к, оп. 2, д. 229, л. 90.
96. Стенограмма беседы с проф. Е.М. Вишер. НА ИРИ РАН, ф. 2. Раздел 6, оп. 14, д. 2, л. 2.
97. GAUNT D. Swedes of Ukraine as «Volksdeutsche» — the Experience of World War II. Вопросы германской истории: Сб. научных трудов. Днепрпетровск. 2007, с. 239—250.
98. ИОНГ Л. де. Пятая колонна в Западной Европе. М. 2004, с. 270.
99. Там же.
100. DAWIDOWICZ L. The War Against the Jews, 1933—1945. Bantam. 1986, p. 403.
101. ДЕТЕТЕР Н., БЕССОНОВ Н., КУТЕНКОВ В. История цыган — новый взгляд. Воронеж. 2000, с. 217.
102. Телеграмма Р. Гейдриха. 29 июня 1941 г. РГВА, ф. 550к, оп. 5, д. 3, л. 23а—23б.
103. Warnung. 15. August 1942. (Объявление-плакат). ГЦМСИР. ГИК 40018/23.
104. Обзор газет и журналов, найденных у германских солдат. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 38, л. 104, 109.
105. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 95, л. 154; ГАРФ, ф. 5759, оп. 1, д. 85, л. 2—2об.
106. Статья «В немецком лагере военнопленных красноармейцев и командиров» (перевод на рус. яз.). РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 38. л. 36—37.
107. ОКW. Abschrift. 24. März 1942. РГВА, ф. 504, оп. 2, д. 5, л. 11.
108. Нота НКВД СССР. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), ф. 082, оп. 5, п. 8, д. 75. л. 9, 12.
109. РОДИОНОВ В. Расовые мифы нацизма. М. 2010, с. 60, 62.
110. Статья Й. Геббельса (перевод на рус. яз.). ГАРФ, ф. 5759, оп. 1, д. 85, л. 1, 2об.
111. ЛЕССЕР Й. Третий рейх: Символы злодейства: История нацизма в Германии: 1933—1945. М. 2010, с. 237.
112. Статья Л.С. Лада-Якушевича. 15 января 1942 г. ГАРФ, ф. 5759. оп. 1, д. 86. л. 1, 3.
113. ЯКУТИН А.В. Смоленское учительство в период немецкой оккупации 1941—1943. Школа на рубеже веков: Материалы докладов Всероссийской научной конференции. Смоленск. 2000, с. 293—294.
114. Справка НКВД СССР. 8 апреля 1943 г. АВП РФ, ф. 082, оп. 5, п. 8, д. 75, л. 92.
115. СЕНЯВСКАЯ Е.С. Противники России в войнах XX в. М. 2006, с. 86—87.
116. Документ «Директивы для ориентировки сотрудников Имперского Комиссариата Украина» от 22 июня 1942 г. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 251, л. 14.
117. Höhere SS und Polizeiführer RK Ukraine. Richtlinien für die Ausrichtung der Gefolgschaft. 22. Juni 1942. (Перевод на рус. яз.). РГВА, ф. 1323, оп. 2, д. 288. л. 4об. — 5об.
118. Оперативный приказ. 29 ноября 1941 г. Там же, ф. 550к, оп. 5, д. 3, л. 53.
119. БОГОЛЕПОВ И. Ук. соч., с. 116.
120. ДРОЖЖИН С.Н. Третий рейх и «русский вопрос». М. 2010, с. 190—191.
121. ПУ Ленинградского фронта. Сводка № 107. 4 октября 1944 г. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 253, л. 180—181.

122. Abschrift des Berichtes vom 16. März über die am 12. März d. Js. stattgefundene Abteilungsleiterbesprechung der Hauptabteilung II zur gefl. Kenntnisnahme. Riga, 31. März 1942. РГВА, ф. 1358, оп. 1, д. 13, л. 19.
123. Стенограмма беседы с К.А. Праулиныш. 10 декабря 1944 г. НА ИРИ РАН, ф. 2. Раздел 6, оп. 19, д. 6, л. 1.
124. Vertrauliche Information «Vineta». Nr. 24. 24. August 1942. РГВА, ф. 1370, оп. 1, д. 56, л. 205.
125. Положение дел в оккупированной Эстонии. 31 января 1943 г. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 53, д. 376, л. 28; ПУ Ленинградского фронта. Сводка № 107. 4 октября 1944 г. Там же, ф. 17, оп. 125, д. 253, л. 180—181.
126. Радиogramма РСХА. 16 июля 1941 г. Там же, ф. 550к, оп. 5, д. 3, л. 51.
127. В Прибалтике ждали фюрера... И фюрер пришел! — Военно-исторический журнал. 2001, № 6, с. 41.
128. Политика оккупационных властей в Латвии, 1939—1991: Сб. документов. Рига. 1999, с. 197.
129. Abschrift des Berichtes vom 16. März über die am 12. März d. Js. stattgefundene Abteilungsleiterbesprechung der Hauptabteilung II zur gefl. РГВА, ф. 1358, оп. 1, д. 13, л. 18—21.
130. Höhere SS und Polizeiführer RK Ukraine. Richtlinien für die Ausrichtung der Gefolgschaft. 22. Juni 1942. (Перевод на рус. яз.). Там же, ф. 1323, оп. 2, д. 288, л. 3об.—4.
131. Обзор газет и журналов, найденных у германских солдат, ф. 17, оп. 125, д. 38, л. 99—100.
132. Инструкция Генерального штаба Вермахта (трофейный документ). РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 95, л. 9.
133. Лубянка в дни битвы за Москву, с. 368—370.
134. MADAJCZYK C. General Plan East: Hitler's Master Plan for Expansion. — Polish Western Affairs. 1962, vol. III, № 2, p. 391—442.
135. РОДИОНОВ В. Ук. соч., с. 28.
136. Allgemeine Anordnung Nr. 20/VI/42 über die Gestaltung der Landschaft in den eingegliederten Ostgebieten. 21. Dezember 1942. РГВА, ф. 1372, оп. 5, д. 139, л. 56—60.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Как готовили революцию 1905 г.

С.А. Нефёдов

Считается, что русская революция 1905 г. началась с «Кровавого воскресенья» — расстрела направлявшейся к Зимнему дворцу демонстрации рабочих. Известно, что в начале всеобщей забастовки рабочие выдвигали лишь экономические требования, и власти стремились успокоить забастовщиков, побуждая предпринимателей идти на уступки¹. Однако в последний момент выяснилось, что «верноподданническая» петиция, которую собирались подать царю двести тысяч рабочих, содержала категорическое требование созыва учредительного собрания. Кроме того, поступили сведения, что за спинами рабочих, вышедших на «крестный ход» с женами и детьми, прячутся вооруженные боевики с красными флагами². Ответом правительства было решение о применении военной силы, что привело к расстрелу огромной манифестации. По официальным данным, погибло 130 чел.³, а по неофициальным — число убитых превышало 1200 человек⁴.

Департамент полиции пришел к выводу, что произошедшее стало результатом деятельности неких «подпольных политических агитаторов», побудивших вождя рабочих, священника Гапона, включить в петицию «противоправительственные» требования⁵. Однако кто были эти агитаторы, и к какой партии они принадлежали, в докладе полиции не указывалось.

Советские историки считали «Кровавое воскресенье» результатом полицейской провокации⁶. «И сегодня, спустя сто лет, можно слышать, что шествие 9 января было спровоцировано через Гапона самим правительством с целью отбить у народа всякую охоту жаловаться на свое тяжелое положение», — отмечает И.М. Пушкарёва. Сегодня далеко не все историки считают, что шествие было спровоцировано правительством. «Думается, что такого изошренного и совершенно аморального плана в правящих “верхах” не было, — про-

Нефёдов Сергей Александрович — доктор исторических наук, профессор Уральского федерального университета, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН.

должает тот же автор. — Знакомство с... документами той поры неопровержимо свидетельствует о крайней самоуверенности и обычном для России недомыслии власти, бюрократической неразберихе, неумении властных структур координировать свои действия...»⁷. Таким образом, современные ученые склонны рассматривать события 9 января как результат «недомыслия власти», оставляя в стороне вопрос о «подпольных политических агитаторах».

Между тем, вопрос о «делателях» революции 1905 г. является весьма актуальным ввиду того, что уже в то время существовали технологии провоцирования «цветных революций». Самым известным примером такой провокации является французская революция 1848 года. В начале года радикальная интеллигенция развернула так называемую «банкетную кампанию», в ходе которой устраивались якобы частные банкеты с сотнями и тысячами участников; на банкетах подписывались петиции с требованием расширения избирательных прав. Запрет назначенного на 22 февраля банкета привел к демонстрации, которая была остановлена солдатами. Внезапно из толпы послышались выстрелы в солдат, те ответили — было убито более 30 человек. Демонстранты погрузили тела убитых на телеги и двинулись по парижским бульварам, крича, что расстреливают народ. Так началась французская революция⁸.

Другим примером провоцирования революции могут послужить мартовские события того же года в Берлине. После получения известий из Парижа здесь начались многолюдные митинги, на которых радикалы призывали рабочих к составлению петиции с требованием политических свобод. 17 марта на собраниях горожан было принято решение на следующий день идти к дворцу и передать королю петицию с требованием свободы печати и созыва ландтага. Однако король пошел на уступки — и запланированное шествие превратилось в верноподданническую манифестацию. В разгар демонстрации несколько человек подняли черно-белое знамя революции (позднее оно стало красным), начались беспорядки, и охранявшие дворец солдаты открыли огонь по толпе. Народ отошел на соседние улицы и начал строить баррикады. Студенты бросились в предместья поднимать рабочих. Так началась революция в Германии⁹.

«Банкетные кампании», стрельба из толпы в полицейских, организация якобы мирного шествия к дворцу, в ходе которого выбрасывались красные флаги, заканчивавшиеся расстрелом — это были стандартные приемы революционеров того времени. Как известно, в конце 1904 г. российская интеллигенция тоже проводила «банкетную кампанию», и ее организаторы пытались привлечь народ к антиправительственным манифестациям. Это нетрудно было сделать, учитывая тяжелое положение народных масс. П.Б. Струве впоследствии признавал, что «в том, как легко и стремительно стала интеллигенция на эту стезю политической и социальной революционизации пострадавших народных масс, заключалась... политическая ошибка... Революцию делали плохо. В настоящее время с полной ясностью раскрывается, что в этом делании революции играла роль ловко инсценированная провокация... но не в этом суть дела. Она не в том, как делали революцию, а в том, что ее вообще *делали* (выделено Струве. — С.Н.). Делали революцию, в то время когда вся задача состояла в том, чтобы

все усилия сосредоточить на политическом воспитании и самовоспитании»¹⁰.

Для того, чтобы разобраться в том, как «делали» революцию 1905 г., необходимо, прежде всего, произвести краткий обзор сил и средств, которыми обладали политические партии.

В начале XX в. наиболее мощную оппозиционную силу в российском обществе представляло «освободительное движение», объединявшее земских конституционалистов и представителей либеральной интеллигенции. Земские конституционалисты уже длительное время боролись за то, чтобы «увенчать здание» местного самоуправления выборными законодательными органами. Однако в общей массе земских гласных конституционалисты составляли меньшинство. Как отмечала Н.М. Пирумова, «во многих случаях на губернское земское собрание, численность которого в среднем составляла около 40 человек, приходилась группа около 5—8 либерально настроенных гласных»¹¹. Существенно, однако, что эти земские либералы в большинстве случаев принадлежали к числу владельцев крупных поместий; среди них было много титулованных особ, князей, графов, баронов¹². Богатство и влияние этих людей позволяли им свысока смотреть на государевых чиновников, а иногда перечить и самому государю. Необходимость повиноваться самодержавному монарху противоречила их представлениям о собственном достоинстве; они желали, чтобы монарх советовался с выборными представителями их сословия. «Протест земства носил скорее характер дворянской фронды, чем либеральной оппозиции», — отмечает А.Н. Медушевский¹³.

Другое крыло «освободительного движения» составляла интеллигенция — социальная группа, заявившая о себе относительно недавно. Быстрый рост интеллигенции был связан с процессами модернизации и вестернизации; она являлась носителем новых знаний, которые приходили в Россию с Запада. Создатель «теории вестернизации» Теодор фон Лауэ отмечал, что интеллигенция была «типичным побочным продуктом излияния западноевропейской цивилизации в Россию... Ее миссия состояла в том, чтобы передать культурные стимулы с Запада и привязать их, по возможности, к местным условиям. В ее составе можно было найти всех образованных русских, независимо от их социального происхождения, потому что образование само по себе подразумевало вестернизацию»¹⁴.

Считалось само собой разумеющимся, что «интеллектуальные граждане», получившие западное образование, должны стоять у руля управления обществом и переделывать его в соответствии с европейскими либеральными стандартами. Такое «общественное мнение» выражало не только стремление подражать Западу, но и претензии интеллигенции на обладание властью¹⁵. Однако реальность была такова, что власти не прислушивались к интеллигенции. Овладев западными знаниями, интеллигенты чувствовали свое превосходство над окружающими, что вступало в противоречие с их реальным, не слишком высоким, положением и с отсутствием возможности влиять на власть. «Как обычно бывает с интеллектуалами в обществах, запоздавших с модернизацией, — писал С. Блэк, — они разрывались между европейскими стандартами, принятыми ими за образец, и действительностью, которую они видели вокруг себя»¹⁶.

В итоге, основная часть российской интеллигенции оказалась в оппозиции к самодержавию, взяв на вооружение либеральные конституционные идеи. Среди либералов были известные писатели, журналисты, ученые, юристы, предприниматели. «Союз взаимопомощи русских писателей» был одной из цитаделей либерализма. Его руководителями были известные деятели оппозиции: Н.К. Михайловский, В.Г. Короленко, К.К. Арсентьев. Его всемерно поддерживали Максим Горький и Антон Чехов. Писатели и журналисты группировались вокруг редакций либеральных газет и журналов, таких, как «Русское богатство». Эти издания щедро спонсировались крупными предпринимателями и большими тиражами распространялись в столицах и в провинции. «Дискредитировать действия администрации... — такова часть программы “Русского богатства”, — говорилось в докладе Департамента полиции. — Другая часть заключается в том, чтобы под видом заграничных писем, присылаемых из Лондона, Парижа, Берлина и Вены, в простой, общедоступной форме доказывать читателю, как счастливы наши западные соседи и как обездолены мы, русские»¹⁷.

Министр внутренних дел В.К. фон Плеве однажды вызвал Михайловского и заявил ему, что «литература — заводчица всей смуты», что «литераторы все время мутят», что для либералов «молодежь, рабочие, крестьяне — это только пушечное мясо», и что он «этого не потерпит»¹⁸.

В 1902 г. правительство взяло курс на подавление оппозиции. Союз писателей был распущен, деятельность других либеральных обществ подвергалась ограничениям, была усилена цензура прессы. Плеве реорганизовал полицию, усилил сыскную деятельность и стал засылать в оппозиционные кружки провокаторов. В ответ либеральная общественность объявила правительству открытую войну. «Освобожденческая тактика стала проникать во все сферы общественной жизни, — писал один из лидеров движения В.А. Маклаков. — Везде стали обострять недовольство, плодить конфликты и этим доказывать невозможность сотрудничества с самодержавием»¹⁹.

Вожди либералов выделили 75 тыс. руб. для издания в Штутгарте журнала «Освобождение», призывавшего к свержению самодержавия, редактором которого стал П.Б. Струве. Отпечатанный на дорогой, тонкой рисовой бумаге, он доставлялся в Россию в багаже возвращавшихся путешественников, рассылался по почте или переправлялся контрабандным путем. Финский оппозиционер Конни Циллиакус приобрел специальную яхту, которая перевозила тюки с газетами из Стокгольма в Свеаборг.

В борьбе с самодержавием либеральная интеллигенция заключила союз с земцами-конституционалистами: в январе 1904 г. в Петербурге состоялся учредительный съезд «Союза освобождения». В созданном на съезде «Совете Союза» земцев представляли князь П.Д. Долгоруков и Д.И. Шаховской, а также потомственные дворяне-помещики И.И. Петрункевич, Н.Н. Львов и Н.Н. Ковалевский. На съезде присутствовали писатель Н.Ф. Анненский, историк и публицист В.Я. Богучарский, экономисты А.В. Пешехонов и С.Н. Прокопович, философ С.Н. Булгаков. Среди лидеров «Союза» были люди левых взглядов: Анненский принадлежал к старшему поколению народников, Богучарский и Прокопович одно время числились соци-

ал-демократами, а Пешехонов поддерживал близкие связи с эсерами. Р. Пайпс отмечает, что эти политики были скорее радикалами, нежели либералами ²⁰. Интеллигенты-радикалы составляли так называемую «Большую петербургскую группу», в то время как Москва считалась оплотом земцев-конституционалистов.

Для того, чтобы не затрагивать материальные интересы дворянства, в программе «Союза освобождения» не предлагалось никаких мер для решения земельного вопроса или облегчения положения рабочих; она была посвящена исключительно задачам борьбы против самодержавия, за конституцию и политические свободы ²¹. Очевидно, что в начальный период своего существования «Союз» еще не собирався привлекать на свою сторону народные массы и ничего им не обещал. По сути, писал Маклаков, программа «Союза» умещалась в двух словах: долой самодержавие!

Оценивая силы либеральной оппозиции, Плеве говорил, что основная угроза самодержавию исходит не от бастующих рабочих, а от либералов. «Если у нас, не дай бог, будет революция, то не такая, как на Западе, где ее делали восставший народ или войско, — говорил он. — У нас, слава богу, еще крепок в народе престиж царской власти, и есть у государя верная армия. Революция у нас будет искусственная, необдуманно сделанная так называемыми образованными классами... У них цель одна: свергнуть правительство, чтобы самим сесть на его место...» ²². Плеве был уверен в том, что народ не пойдет за либералами, что, как и во времена народников, оппозиционерам не удастся с помощью пропаганды возбудить народное движение.

Однако помимо либералов существовали и другие оппозиционные группы, которые не скупались на обещания народу.

Раскол в европейской идеологии и появление марксистского Интернационала привели к противоречиям среди русских «западников», от основной массы которых отделилась группа социал-демократов. Российская социал-демократическая партия (РСДРП) организационно оформилась летом 1903 г. на съезде, проходившем сначала в Брюсселе, а затем в Лондоне. Программа-минимум социал-демократов в общих чертах совпадала с программой либералов (дополнительно выдвигалось требование 8-часового рабочего дня). В дальнейшем, после того, как слабый российский пролетариат численно возрастет, предполагалась борьба за ликвидацию частной собственности на средства производства. Эта программа в основном повторяла Эрфуртскую программу германской социал-демократии с добавлением некоторых требований, учитывающих многонациональный состав Российской империи и преобладание крестьянского населения ²³.

Первоначально в состав партии по большей части входила интеллигенция, находившаяся под идеологическим влиянием «Интернационала». В результате кружковой работы и привлечения рабочих, к началу 1905 г. численность партии увеличилась до 9 тыс. чел., из которых 62% составляли рабочие, 5% — крестьяне, 33% — интеллигенты ²⁴.

Марксистская идеология оказала влияние и на ту (тоже небольшую) часть интеллигенции, которая продолжала традиции «народников». В январе 1902 г. была создана партия социалистов-революционеров (эсеров). В программе этой партии (принятой в 1906 г.), также

сначала выдвигались минимальные требования и говорилось о грядущем в далекой перспективе социальном перевороте, который ликвидирует частную собственность на средства производства. Однако в силу народнической традиции эсеры уделяли крестьянам гораздо большее внимание, чем социал-демократы²⁵. Еще одной отличительной особенностью эсеров была их приверженность террористическим методам. С одной стороны, это была дань старой народнической традиции, но с другой, — террор был проявлением крайнего радикализма партии, вербовавшей в свои ряды людей, готовых пойти на смерть.

В борьбе с правительством либералы были готовы заключить союз с эсерами и социал-демократами. Однако эти планы были на время отложены из-за начала русско-японской войны. Министр финансов С.Ю. Витте и военный министр А.Н. Куропаткин считали войну с Японией опасной авантюрой, но для Плеве это был способ вызвать патриотический подъем и разгромить оппозицию. «Вы внутреннего положения России не знаете, — сказал он Куропаткину. — Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война»²⁶.

Начало войны сопровождалось бурными патриотическими манифестациями, и на время оппозиции пришлось замолчать. Но первые поражения русской армии вернули ей голос: «освобожденцы» стали воспринимать Японию как неожиданного союзника в борьбе с правительством. Они открыто радовались победам японцев. Немецкий журналист Гуго Ганц писал из Петербурга, что общей молитвой либералов было: «Боже, помоги нам быть разбитыми!»²⁷ Группа из 287 студентов Московского университета отправила в японское консульство в Берлине «приветствие и благопожелания Японии по случаю войны с Россией»²⁸. «Чем хуже, тем лучше» — было одним из нелепых изречений левой интеллигенции, — писала помощница Струве А.В. Тыркова. — Порт-Артур пал. Французы выражали нам соболезнования, а некоторые русские эмигранты поздравляли друг друга с победой Японии»²⁹. «Иностранцы, теперь попадающие в Россию, не понимают, как природные русские люди могут желать победы японцам и опасаться сколько-нибудь явных успехов Куропаткина, — писал один из либеральных лидеров А.А. Корнилов. — А между тем, это факт, что такое настроение существует и его существование признает даже наша легальная печать... Наши современники также хорошо понимают, как много обязано дело нашего начинающегося теперь внутреннего освобождения и возрождения успехам Того и Оямы»³⁰.

Вместе с русскими либералами победам Японии радовались давние враги русского царя — польские, финские, кавказские националисты. При известии о начале войны их представители стали осаждать японские посольства, предлагая свои услуги. Первым установил контакты с японцами финн Конни Циллиакус, потом пришли посланцы Польской социалистической партии и Польской народной лиги. Лидеры этих партий Юзеф Пилсудский и Роман Дмовский совершили — независимо друг от друга — путешествия в Токио и были приятно удивлены, встретившись на проспекте Гэндзи. В конечном счете, японский генштаб направил всех перебежчиков к полковнику Акаси Мотодзиро, бывшему военному атташе в России. Циллиакус предложил Акаси организовать конференцию всех оппозиционных партий и согласовать планы подрывной деятельности. Эсеры сразу же согла-

сились участвовать в конференции ³¹. «Циллиакус сказал мне, — вспоминал полковник Акаси. — “Вы, несомненно, считаете позорным, что патриоты, которые имеют собственные политические взгляды... планируют разрушить свой дом во время национального кризиса, но это — неверное понимание российских внутренних дел”» ³².

Националистические партии и эсеры пошли на непосредственный контакт с Акаси, а с «освобожденцами» и социал-демократами Акаси поручил договориться Циллиакусу ³³. Однако этот план едва не сорвался из-за утечки информации: еврейская партия Бунд отказалась участвовать в конференции, причем ее представитель раскрыл связь между Циллиакусом и Акаси социалистам, участвовавшим в августе 1904 г. в конгрессе Второго Интернационала. Социал-демократы взяли назад свое согласие, и даже поляки засомневались в том, что конференцию стоит проводить при таких щекотливых обстоятельствах ³⁴. Однако «освобожденцы» после некоторых колебаний согласились и послали на конференцию четырех своих лидеров: Милюкова, П.Б. Струве, П.Д. Долгорукова и В.Я. Богучарского. Милюков позднее заявил, будто он ничего не знал о полковнике Акаси, но «Струве, вероятно, знал больше, чем я» ³⁵. Изучавший переписку Акаси японский историк Инаба Чихару утверждал, что «освобожденцы» знали обо всем ³⁶.

Японский генштаб выделил на проведение конференции и субсидирование русских революционеров 100 тыс. иен ³⁷. 17 сентября 1904 г. в Париже собрались представители «Союза Освобождения», эсеров и шести националистических партий. По-видимому, «освобожденцы» чувствовали себя неуютно в такой компании, и председательствовавший в первый день Дмовский деликатно заметил, что «не нужно, чтобы результаты конференции компрометировали... русских либералов в союзе с террористами и врагами России» ³⁸. Акаси особо отмечал, что среди либералов был «князь Долгоруков, потомок древней правящей династии, представитель одного из самых знатных родов» ³⁹. Ему приходилось сидеть за одним столом с вождем эсеровских террористов Е. Азефом, боевики которого два месяца назад убили министра внутренних дел Плеве. Азеф был по совместительству агентом охраны, поэтому Департамент полиции знал о происходящем на конференции не меньше, чем знал Акаси.

Участники конференции постарались оправдаться перед лицом завуалированного обвинения социал-демократов в тайном сотрудничестве с японцами. Они заявили, что «отношение к войне политически неотделимо от требования ликвидации русского самодержавия» ⁴⁰, то есть противники самодержавия не могут желать его победы в войне. Таким образом, оппозиционеры косвенно признали, что намерены действовать в союзе с Токио. Разрешив этот важнейший вопрос, партийные лидеры приступили к урегулированию своих прежних разногласий. Основной проблемой были требования националистов об автономии или даже об отделении от России. Акаси писал, что участники конференции были очень удивлены позицией «освобожденцев»: они согласились на «национальное самоопределение» всех народов Империи. Кроме того, под нажимом со стороны эсеров либералы признали принцип всеобщего избирательного права. «На конференции было решено, что каждая партия могла действовать своими метода-

ми, — свидетельствует Акаси, — либералы сплотили бы земства и атаковали бы правительство через кампанию в прессе, социалисты-революционеры и другие партии специализировались на экстремистских методах... польские социалисты использовали бы свой опыт организации политических демонстраций»⁴¹.

«После конференции, — продолжает Акаси, — партии, использовавшие чрезвычайные методы, собрались без либералов, чтобы составить планы активной борьбы против российского правительства. Было решено затруднить мобилизацию армии. После принятия решений я обещал субсидии тем партиям, которые нуждались в финансовой поддержке...»⁴². «Таким образом, с октября 1904 г. российские революционеры окончательно перешли на содержание Токио и в своих последующих действиях стали отчитываться непосредственно перед Акаси», — отмечает Инаба Чихару⁴³. При этом субсидии предоставлялись только при условии проведения демонстраций в России⁴⁴. «Вскоре после этого польские социалисты организовали забастовку и вооруженные столкновения с жандармерией... — продолжает Акаси. — Одновременно российские социалисты-революционеры попытались провести демонстрации в Киеве, Одессе и Москве, а также спровоцировали волнения среди студентов. Либералы созвали съезд представителей земств, чтобы поднять голос против правительства, и попытались организовать кампанию в печати»⁴⁵.

Таким образом, полковник Акаси ставил себе в заслугу организацию совместных действий либеральной оппозиции и революционеров. Для их координации было решено создать два «посреднических бюро», одно — за границей, под руководством Циллиакуса, другое — в России. С предложением о создании «бюро» в России выступил Богучарский; соответствующее постановление конференции гласило: «I. Партии русских конституционалистов (то есть «Союз освобождения». — С.Н.) и русских социалистов революционеров назначают в Петербурге Бюро из трех членов независимо от их принадлежности к той или иной партии. II. Партии, не имеющие представительств в Бюро, делегируют по одному посреднику, проживающему в Петербурге, для передачи известий (допускаются исключения). III. Партии получают сейчас же адрес в Петербурге, на который посылают адреса своих посредников в течение месяца»⁴⁶. «Бюро» (или «Комитет») должно было координировать всю антиправительственную деятельность в России. Об этом говорят донесения следивших за ходом конференции русских агентов. «По совершенно секретным сведениям, — гласит докладная записка Департамента полиции, — в начале осени в Париже состоялся конгресс революционных деятелей, на котором между прочим было решено предпринять усиленную агитацию в России с целью возбуждения целого ряда политических волнений, которые могли бы окончательно дезорганизовать правительство, а затем к концу января создать грандиозные уличные беспорядки с участием рабочих масс. Для руководства этим движением должен был сформирован особый “комитет” из представителей либеральной, радикальной и революционной групп. По тем же негласным сведениям, упомянутый комитет действительно составил...» И далее докладная записка перечисляет членов этого «Комитета»: писатели Горький и Анненский, публицисты-народники А.В. Пешехонов и В.А. Мяко-

тин и либеральный адвокат Е.И. Кедрин (в другом варианте записки в этот список входил также историк В.И. Семевский)⁴⁷. Полиция, расследовавшая подоплеку событий 9 января, особо отмечала, что в состав «Комитета» входили как либералы, так и эсеры, причем следователи считали Кедрина либералом, а Пешехонова и Мякотина — эсерами, и это при том, что Пешехонов (как и Анненский) был членом «Совета Союза»⁴⁸. Что касается Горького, то он был известен своими связями с социал-демократами.

По свидетельству В.А. Маклакова, в Париже «представители освободительного движения заключили *формальный союз с революцией* (выделено Маклаковым. — С.Н.)⁴⁹. Эсеры, в свою очередь, рассматривали постановления Парижской конференции как «план всенародной революции»⁵⁰. Московское охранное отделение оценивало ситуацию следующим образом: «Настроение достигло такого напряжения, что даже партия так называемых “освобожденцев”, являвшихся доселе сравнительно умеренными конституционалистами, выделила из своей среды сильную и многочисленную группу крайнего направления, в состав которой вошло много представителей родовой аристократии, земства, науки и адвокатуры. Эта группа... решила немедленно объединиться с революционными организациями для интенсивной и упорной борьбы с общим врагом — самодержавием. Ближайшей по духу и приемам борьбы для этой группы оказалась партия социалистов-революционеров, с которой заключен уже тесный союз...». Полицейские аналитики полагали даже, что «освобожденцы» и эсеры были близки к объединению в некую новую партию, программу которой разработал Струве в Париже⁵¹. Действительно, в середине декабря 1904 г. в Москве было созвано совещание «освобожденцев», эсеров и социал-демократов с целью создания политического блока между либералами и революционерами. Этот план не был реализован из-за негативной позиции социал-демократов, однако взаимодействие между либералами и эсерами было довольно тесным, что в особенности проявилось во время последующей «банкетной кампании»⁵². Эсеровская газета «Революционная Россия» отмечала, что в результате Парижской конференции «получились несомненные и осязательные выгоды»⁵³.

Вернемся теперь на несколько месяцев назад и попытаемся оценить обстановку в российских правительственных кругах. Война с Японией началась неудачно: русская армия потерпела поражения при Ялунцзяне и Вафангоу. Со смертью Плеве Николай II лишился самого авторитетного советника и не знал, что предпринять. Земские деятели обратились к помощи матери царя, Марии Фёдоровне, которая посоветовала сыну назначить на пост министра внутренних дел князя П.Д. Святополк-Мирского. Мирский слыл либеральным бюрократом, выступавшим за «единение власти и общества». Как и Витте, он желал прекращения «открытой войны». «Положение вещей так обострилось, — говорил Мирский царю, — что можно считать правительство во вражде с Россией, необходимо примирение...»⁵⁴. Разумеется, под «Россией» имелись в виду «образованные классы». Мирский приказал ослабить цензуру и разрешил вернуться в Петербург высланным ранее из столицы видным либералам, в том числе И.И. Петрункевичу. По выражению генерала Д.М. Трепова, началась «эпоха

попустительства»: были прекращены десятки судебных дел в отношении участников революционных организаций⁵⁵. Принятый в июне 1904 г. новый закон требовал направлять все политические дела в суд, а судебные процессы обычно заканчивались ничем по причине недостаточности улик⁵⁶.

Токвиль утверждал, что «наиболее опасный момент для слабого правительства — это когда оно внезапно начинает уступать общественному мнению». В данном случае действия Мирского были равнозначны приглашению «Союзу Освобождения» усилить давление на правительство, чтобы добиться дальнейших уступок⁵⁷. Милюков, находившийся в то время в Париже вместе с Петрункевичем, Струве и другими лидерами «Союза», ответил Мирскому статьей в «Освобождении», в которой объявил, что целью либералов является, не более, не менее, как формальная ликвидация самодержавия⁵⁸.

После окончания Парижской конференции Милюков, Долгоруков и Богучарский поспешили вернуться в Россию. Здесь с сентября шла подготовка намеченного на 6 ноября земского съезда. Этой подготовкой занималось «организационное бюро» во главе с видным деятелем земского движения Д.Н. Шиповым. На съезде должны были присутствовать председатели губернских земских управ и некоторые гласные, которые были и на предыдущем съезде в 1902 г. — всего не более 70 человек⁵⁹. Первоначально в повестке дня не было политических вопросов, и земцы заверяли, что «на съезде ничего неприятного для правительства не будет»⁶⁰. Мирский, желая прийти к соглашению с земцами, выхлопотал у Николая II разрешение на проведение земского съезда. Однако после Парижской конференции «освобожденцы» решили использовать съезд для предъявления правительству политических требований. Хотя либералы составляли меньшинство в общей массе земских гласных, они смогли получить преобладание в организационном бюро. Несмотря на сопротивление Шипова, «освобожденцы» дополнили повестку дня вопросом об «общих условиях, неблагоприятных правильному развитию земско-государственной жизни»⁶¹. Одновременно либералы увеличили число депутатов до 95 человек с целью обеспечить за счет своих людей необходимое большинство на съезде⁶². Мирский узнал об этих изменениях. 25 октября он вызвал Шипова и указал, что делегаты по губерниям представлены крайне неравномерно, что постановка политических вопросов требует, чтобы делегаты были выборными — только в этом случае они будут представлять общественное мнение. Однако «освобожденцы» не согласились на выборы депутатов. Очевидно, они опасались, что не смогут получить большинство для принятия нужных решений⁶³. В итоге Мирский по указанию царя 2 ноября отозвал официальное разрешение на проведение съезда.

В этой ситуации Шипов просил дать возможность земцам провести съезд под видом «частного совещания». Министр внутренних дел еще раз просмотрел повестку дня и, не усмотрев в ней конституционных требований, разрешил провести «частное совещание». «Однако, ни он, ни Шипов не подозревали, что земские радикалы использовали их в качестве простых пешек в сложной игре, — писал американский историк Ш. Галай. — В то время как Шипов вел переговоры со Святополком-Мирским от имени делегации, радикалы из бюро

изменили предложенную повестку дня и ввели замаскированный конституционный пункт»⁶⁴. Этот пункт проекта резолюции гласил: «Для создания и сохранения всегда живого и тесного общения и единения государственной власти с обществом... необходимо правильное участие народного представительства, как особого выборного учреждения, в осуществлении законодательной власти, в установлении государственной росписи доходов и расходов и в контроле за законностью действий администрации»⁶⁵.

Параллельно с подготовкой земского съезда, 20—22 октября «освобожденцы» провели в Петербурге свой собственный съезд, утвердив план действий на ближайший месяц. Всем, кто мог это сделать, рекомендовалось принять самое активное участие в земском съезде, с тем, чтобы добиться одобрения указанного конституционного пункта. Было решено с 20 ноября начать «банкетную кампанию» с выдвиганием конституционных требований, а также предполагалось на ближайшей сессии уездных и губернских земских собраний добиваться принятия резолюций о введении в России конституции⁶⁶.

Вслед за съездом «освобожденцев» 2—3 ноября был созван съезд земцев-конституционалистов (в «Союз Освобождения» входили далеко не все либеральные земцы). Некоторые делегаты этого съезда должны были участвовать и в земском съезде, и речь шла о том, чтобы побудить их принять «освобожденческую» платформу и создать сплоченный либеральный блок. Резолюция этого съезда была использована организационным бюро как повод для внесения упомянутого выше «конституционного пункта». Кроме того, бюро воспользовалось случаем, чтобы включить в число депутатов земского съезда дополнительно 12 земцев-конституционалистов. «После того, как они присоединились к съезду, одобрение “конституционного пункта” стало предрешенным результатом», — констатировал Ш. Галай⁶⁷.

Земский Съезд состоялся 6—9 ноября 1904 г., на нем присутствовали 32 (из 34) председателя губернских управ, 7 предводителей дворянства, 7 князей, несколько графов и баронов, множество видных общественных деятелей. В целом это было весьма внушительное собрание, хотя отсутствие выборности позволяло правительству рассматривать его как «кружок частных лиц». Принятая либеральным большинством съезда тактика заключалась в том, чтобы, оставляя в стороне вопрос о самодержавии, обвинить во всех смертных грехах «бюрократию» (которая в действительности была лишь верной служанкой самодержавия). Резолюция съезда гласила: «Бюрократический строй, разобщая верховную власть с населением, создает почву для широкого проявления административного произвола и личного усмотрения. Такой порядок лишает общество необходимой всегда уверенности в строгой охране законных прав всех и каждого и подрывает доверие к правительству. Правильное течение и развитие государственной и общественной жизни возможно только при условии живого и тесного общения и единения государственной власти с обществом». И далее следовал «конституционный пункт»: «Для создания и сохранения... общения и единения государственной власти с обществом... необходимо правильное участие народного представительства...»⁶⁸.

Шипов и умеренные земцы предлагали ограничиться более расплывчатой формулировкой, допускавшей законосоветательный ха-

ракти «народного представительства», но при голосовании они оказались в меньшинстве. По окончании съезда, 12 ноября, Мирский принял Шипова и, к удивлению земцев, высказал сочувствие его позиции⁶⁹. Очевидно, резолюция столь внушительного собрания произвела впечатление на министра внутренних дел, который стал открыто говорить о желательности пойти навстречу «обществу». Речь шла о возможности включения выборных представителей в Государственный совет. 25 ноября на приеме у Николая II Мирский предупредил императора, что «если не сделать либеральные реформы и не удовлетворить вполне естественных пожеланий всех, то перемены будут уже в виде революции». Однако царь полагал, что «перемены хотят только интеллигенты, а народ не хочет»⁷⁰.

Либералы консолидировали свои усилия, чтобы оказать давление на Николая II. 23 губернских предводителя дворянства составили записку, в которой указывали на необходимость «привлечения выборных представителей сословных, земских и городских обществ к правильно организованному участию в разработке и составлении новых законопроектов и правительственных мероприятий»⁷¹. 30 ноября с аналогичным требованием выступила Московская городская дума⁷². Московский губернский предводитель дворянства князь П.Н. Трубецкой имел аудиенцию у царя и говорил ему примерно то же, что и Мирский. В письме к министру внутренних дел он передавал содержание разговора следующим образом: «Я старался объяснить ему, что то, что происходит, *n'est pas une emente, mais une revolution*, что вместе с тем народ толкают в революцию, которой он не хочет, и которую государь может предотвратить. Но путь для этого один, единственно один. Это путь царского доверия к общественным и сословным силам»⁷³. Со своей стороны, Мирский продолжал настаивать на своем проекте и предупреждал царя, что, если не будут сделаны уступки «общественности», то ему придется подать в отставку. Николай II не принял отставку, но упрекнул министра в том, что тот «распустил печать и ведет свою политику»⁷⁴.

Мирский действительно ослабил цензуру, и, пользуясь этим, либералы развернули масштабную пропагандистскую кампанию. Было решено организовать издание антиправительственных газет непосредственно в России. Один из видных «освобожденцев», профессор Л.В. Ходский, имел право на издание газеты «Наша Жизнь», которую предполагалось выпускать с середины декабря. Петербургская группа «освобожденцев» (ее называли «Большая группа») решила выпустить газету к началу земского съезда, но, поскольку у Ходского не хватало денег, то Богучарский получил займ у известного промышленника Саввы Морозова. Помимо Богучарского, в редколлегию «Нашей Жизни» вошли и другие члены «Большой группы»: В.В. Хижняков, В.В. Водовозов, а также супруги С.Н. Прокопович и Е.Д. Кускова⁷⁵. Первый номер газеты вышел 1 ноября; спешка была такой, что «освобожденцы» не стали даже ждать прибытия заказанной за границей ротационной машины⁷⁶.

Вскоре у оппозиционеров появилась еще одна газета — «Сын Отечества». Это издание было куплено малоизвестным среди «освобожденцев» молодым человеком, С.П. Юрицыным, который вложил в дело огромную сумму — 100 тыс. рублей. Юрицын сделал редакто-

ром известного своими радикальными взглядами московского «освобожденца» Г.И. Шрейдера, а в редколлегию вошли Анненский, Пешехонов, Мякотин и И.С. Труфанов ⁷⁷. Как мы знаем, Анненский, Пешехонов и Мякотин были членами созданного по постановлению Парижской конференции «Комитета», причем полиция считала Пешехонова и Мякотина не либералами, а эсерами. Действительно, в 1905 г. «Сын отечества» официально стал эсеровской газетой, а Пешехонов и Мякотин — ее редакторами.

Конечно, история с неожиданным появлением никому неизвестного молодого «лесовода», который вкладывает в покупку газеты огромные деньги, зная, что при такой редакционной политике газету быстро закроют, и он потеряет свои вложения — все это выглядит весьма странно. Присутствие членов «Комитета» в составе редакции и участие эсеров, которые получали деньги от полковника Акаси, наводит на мысль, что «Сын Отечества» был приобретен отчасти на японские средства и должен был стать прикрытием для деятельности «Комитета». Но о работе «Комитета» в России не сохранилось никаких документов, кроме ссылок на сведения секретных агентов о том, что он существовал и в какой-то момент «выступил в своей объединяющей и руководящей роли» ⁷⁸. Когда членов «Комитета» арестовали, материалы их допросов были кем-то изъяты из следственных дел — и в настоящий момент эти дела содержат лишь формальные сведения о пребывании под арестом ⁷⁹. Таким образом, мы не имеем документов о конкретной деятельности «Комитета», но зато в нашем распоряжении имеются свидетельства деятельности редакции «Сына Отечества», связанной определенным образом с «Комитетом».

Видный «освобожденец» А.А. Корнилов упоминает о том, что между оппозиционерами произошел «некоторый разлад», что «публика разделилась»: одни группировались вокруг «Нашей жизни», а другие — вокруг «Сына Отечества» ⁸⁰. «Наша жизнь» была газетой «Большой группы», а «Сын отечества» — связан с «Комитетом» (мы будем условно называть эту группировку «Комитетской группой»). Разница в позициях этих групп видна при сравнении публикаций двух газет: материалы «Сына Отечества» были значительно более радикальными, чем «Нашей Жизни». Это объясняется тем обстоятельством, что в редакцию «Сына Отечества» входили не только либералы, но и эсеры.

В ноябре 1904 г. обе газеты начали активную пропагандистскую кампанию. Как выразился князь М. Шаховский, «началась вакханалия печати, занявшаяся обливанием грязью нашего государственного строя» ⁸¹. Масштабы пропагандистской кампании были впечатляющими: тираж двух газет достиг огромной по тем временам цифры — примерно 150 тыс. экземпляров. Первый номер «Сына Отечества» вышел 18 ноября, накануне начала «банкетной кампании». Газета сразу же взяла такой резкий тон, что за неделю получила от цензоров три предупреждения, и уже 29 ноября ее выход был приостановлен на три месяца ⁸². Однако это не приостановило деятельность «Комитетской группы»: Юрицын за 9 тыс. рублей купил еще одну газету — «Наши Дни». Причем полицейский агент доносил, что покупка была произведена «в обстановке глубокой тайны» ⁸³. С 18 декабря выпуск «Сына Отечества» возобновился под названием «Наши Дни»; состав редакции остался прежним.

Пропагандистская кампания должна была мобилизовать силы «общественности» на проведение начавшейся 20 ноября «банкетной кампании». Поскольку митинги были запрещены, они проходили под видом банкетов, на которых произносились речи и принимались резолюции. Подготовкой «банкетной кампании» занимался так называемый «Кулинарный комитет», в состав которого входили члены «Комитетской группы» Анненский и Пешехонов⁸⁴. Резолюции, принимаемые на банкетах, были гораздо более радикальными, чем резолюция Земского съезда: они выдвигали требование созыва учредительного собрания. Докладная записка Департамента полиции подробно сообщает о первом банкете в Петербурге: «На рауте, на котором приняли участие до 800 человек, преимущественно литераторы и адвокаты, было произнесено очень много речей, причем большинство из них отличало крайнее направление. Много говорили о конституции в России, причем некоторые ораторы высказывали мнение, что необходимо будет отказаться от конституции, которая, вероятно, вскоре будет дарована государем, так как от нее “будет пахнуть мертвечиной” и что необходимо добиться свободы ценой крови...». Принятая на банкете резолюция гласила: «Считаем необходимым, чтобы весь социальный строй России был реорганизован на конституционных началах... Считаем необходимым, чтобы для осуществления указанных неотложных преобразований было немедленно созвано учредительное собрание из свободно выбранных представителей от всего населения...»⁸⁵.

Банкеты-митинги следовали один за другим. «5 декабря в зале Контана состоялся банкет инженеров всех специальностей, — сообщало “Освобождение”. — Резолюция была подписана 485 лицами... Интересно, что среди собравшихся было 15 генералов, много владельцев промышленных предприятий и директоров крупных заводов... Необычно было видеть крупнейших представителей русской индустрии, встававших в честь героев-борцов за свободу, Сазонова и Сикорского (эсеровские боевики. — С.Н.), странно было слышать крики “долгой самодержавие!” и “да здравствует свобода!” в нарядном зале аристократического ресторана»⁸⁶. Смущаясь видом генеральских звезд, полиция не решалась производить аресты участников банкетов. Директор Департамента полиции А.А. Лопухин признавал, что это было вызвано «привычкой принимать решительные меры только по указанию начальства и крайне развитой боязливостью перед ответственностью»⁸⁷.

«Союз освобождения» рекомендовал всем участникам митингов-банкетов принимать одни и те же резолюции с требованием созыва учредительного собрания. В конце ноября — начале декабря 1904 г. в 34 городах состоялось 120 собраний, в которых участвовало свыше 50 тыс. представителей интеллигенции и дворянства⁸⁸. Характерно, что в «банкетной компании» принимали участие и социал-демократы. Они копировали тактику либералов, «пристраивались» к их банкетам, посылали на них своих ораторов. «Поднявши шумный поход против Парижской конференции... они однако за кулисами выработали свой план координации действий с либералами», — писала «Революционная Россия»⁸⁹.

Организаторы банкетов с порога отторгали ту компромиссную «конституцию», которую пытался провести Мирский. Как отмечал

Шипов, «влиятельные в придворных сферах лица были склонны оценивать и выставлять проявившееся на банкетах настроение, как действительное настроение всей земской среды, лишь на время прикрывшейся заявлением земского совещания. На этой почве укрепилась сильная реакционная оппозиция министру внутренних дел, который предлагал Государю сделать необходимые первые шаги...»⁹⁰. Оппозиция сплотилась вокруг московского генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича, который угрожал царю отставкой всей московской администрации⁹¹.

Между тем, оппозиция не ограничивалась агитацией и банкетами. Полковник Акаси субсидировал революционеров лишь при условии организации демонстраций. «Около 5 ноября я получил письма от некоторых партий, — телеграфировал Акаси в Генштаб. — Их содержание таково: несколько партий выпустили короткие декларации и распространили во многих местах обращения. Выступления... были инициированы социалистами-революционерами или польскими социалистами... Под влиянием призывов либералов начались студенческие волнения»⁹².

В соответствии с планами, намеченными в Париже, первыми перешли к активным действиям поляки. 31 октября боевики Пилсудского спровоцировали кровопролитное столкновение в Варшаве: при выходе народа после службы в костеле на Грибной площади «революционеры» стали стрелять в полицию, убили одного и ранили трех полицейских, а потом укрылись в толпе. В результате завязавшейся перестрелки было убито десять и ранено 43 человека. Эти провокационные методы организации столкновений были типичны, как для ППС, так и для эсеров. Уже 1 ноября полиция получила информацию о сходке студентов Петербургского университета, на которой обсуждались планы грандиозной «вооруженной демонстрации». Ее готовили эсеры и социал-демократы, в ней должны были принять участие 3 тыс. студентов и 30 тыс. рабочих. Помимо требования созыва Учредительного собрания, демонстранты намеревались требовать прекращения войны с Японией⁹³. На упомянутом банкете 20 ноября Максим Горький (член «Комитета») напутствовал студентов: «Если 28 ноября будет демонстрация на улице, то не давайте себя бить нагайками и топтать. Пускайте в ход револьверы, кинжалы и собственные зубы, лишь бы произвести большой переполох среди полиции... — иначе уличная демонстрация не имеет смысла». Однако в последний момент социал-демократы отказались от участия в демонстрации, рабочие не пришли, и в выступлении 28 ноября участвовали, в основном, студенты. При выходе народа после службы в Казанском соборе девять подготовленных групп с криками «долой самодержавие!» выбросили красные знамена. Хотя среди задержанных полицией оказался один боевик с заряженным револьвером, стрельбы на этот раз не последовало; действуя шашками плашмя, полиция быстро разогнала демонстрантов⁹⁴.

«Комитетская группа» сразу же использовала это избиение демонстрантов в пропагандистских целях. 30 ноября в Тенишевском училище состоялось собрание литераторов-активистов под председательством Анненского. Пешехонов и Мякотин предложили подробно изложить события 28 ноября и все это опубликовать нелегальным

путем, напечатать прокламации, отправить экземпляры в «Освобождение», «Искру», «Революционную Россию». Собрания в Тенишевском училище стали регулярными, а само училище превратилось еще в один центр деятельности «Комитетской группы». В отличие от банкета 20 ноября, собрание в Тенишевском училище было относительно немногочисленным — на него пришло около 40 человек. Список присутствовавших сохранился, и это дает возможность установить лиц, так или иначе связанных с «Комитетской группой». Среди них были известный народник В.Г. Тан-Богораз, журналисты А.И. Матюшенский и К.Э. Диксон ⁹⁵.

Эсеры использовали негодование, вызванное действиями полиции, для организации следующей студенческой демонстрации — на этот раз в Москве. В листовке, изданной при подготовке к демонстрации, эсеры грозили, что в случае повторения полицейской расправы они сделают великого князя Сергея Александровича и обер-полицеймейстера Д.Ф. Трепова мишенями для террористических актов ⁹⁶. На демонстрацию 5 декабря, по данным полиции, собралось около 500 студентов, которые подняли четыре красных флага с надписями: «Долой самодержавие!», «Долой войну!». Когда полиция преградила путь демонстрантам, они пустили в ход палки, кистени, железные прутья, несколько раз стреляли в полицейских и, напирая массой, опрокинули первый ряд городских. Однако, получив подкрепление, полицейским удалось разогнать толпу ⁹⁷.

Провокации эсеров, такие, как стрельба из толпы в полицию, превращали демонстрации в ожесточенные столкновения, которые кончались избиением демонстрантов. Это в свою очередь, вызывало то «крайнее озлобление против полиции», о котором сообщалось в донесениях ⁹⁸. «В городе ходят невероятные рассказы об “избиениях”, — писала княгиня О. Трубецкая. — 60 профессоров послали князю Мирскому телеграммы с просьбой прекратить кровопролитие на улицах Москвы. К брату Сереже прибегали за подписью, он в ней отказал, говоря, что не может, зная дело, подписаться под такой телеграммой и находит, что полиции ничего не оставалось делать, как драться, когда в нее стреляли» ⁹⁹. В Москве ожидали покушений на Сергея Александровича и Трепова (первое из них произошло 2 января 1905 года) ¹⁰⁰. «Комитет» был в курсе организации этих покушений: Кедрин договаривался с зарубежным ЦК эсеров относительно времени осуществления террористических актов, а Пешехонов регулярно встречался с главой эсеровской Боевой организации Б.В. Савинковым и будущим убийцей великого князя И.П. Каляевым ¹⁰¹. Более того, группа эсеровских боевиков во главе с М.И. Швецером готовила покушение на Николая II, которое должно было состояться на балу в двадцатых числах декабря ¹⁰².

В обстановке всеобщего возбуждения, вызванного студенческими демонстрациями и «банкетной кампанией», Мирский решился еще раз ходатайствовать перед царем о реформах. 2 декабря он вручил Николаю II свою записку, в которой предлагал ввести в состав Государственного совета выборных представителей от «общественных учреждений». На вопрос царя, зачем это нужно и что из этого выйдет, Мирский ответил: «Для успокоения общественного мнения, но что из этого выйдет, не знаю, может быть, через 20 лет конституция».

Мария Фёдоровна заявила сыну, что, если он не пойдет на уступки, то она уедет в Данию, «и пусть Вам без меня сворачивают голову»¹⁰³. Все были напуганы угрозами эсеров; Мирский в своем кругу выражал уверенность, что если не провести реформы, то царя убьют¹⁰⁴. Молодая царица Александра Фёдоровна «без конца хныкала и приговаривала: “Je perdrai mon mari” (“Я потеряю моего мужа”»)¹⁰⁵.

4 декабря под председательством царя состоялось первое совещание по обсуждению предложений Мирского. «Мне пришлось говорить первому, — вспоминал Витте. — Я высказал свое решительное мнение, что вести прежнюю политику реакции совершенно невозможно, что это приведет нас к гибели»¹⁰⁶. Предложение Мирского поддержали почти все участники совещания — за исключением К.П. Победоносцева. Мирский рассказывал жене, что «он ужасно горячился, но, что в общем было полное торжество бюрократии, а государь, видимо, только исполнял скучную обязанность и говорил, что власть должна быть тверда и во всех разговорах земцев от только видит эгоистическое желание приобрести права и пренебрежение к нуждам народа»¹⁰⁷. Тем не менее, Николай II не возражал против мнения большинства, и казалось, что реформа состоится. «Престарелый граф Сольский... обратился к Его Величеству... с прочувствованными словами о той благодарности, которую питают все присутствующие и которую несомненно разделяет и вся Россия... Вся эта сцена была столь трогательна, что некоторые... расплакались»¹⁰⁸.

Однако на следующем заседании, 7 декабря, состав присутствующих изменился: из Москвы срочно приехал великий князь Сергей Александрович, и вместе с ним в зале заседаний появились другие великие князья: Владимир, Алексей, Александр Михайлович и Михаил Александрович. Сергей Александрович резко выступал против предложений Мирского и (в личном разговоре с царем) снова угрожал своей отставкой. Хотя большинство и на этот раз высказалось за реформу, Николай II склонялся к иной точке зрения. На вопрос князя П.Н. Трубецкого об отношении царя к реформе, «государь ответил, что вопрос о конституции он ставил себе не раз, *душой переболел над ним* (курсив О. Трубецкой. — С.Н.), и пришел к такому заключению: “Не для меня, конечно, не для меня — для России, я признал, что конституция привела бы сейчас страну в такое положение, как Австрию. При малой культурности народа, наших окраинах, еврейском вопросе и так далее — одно самодержавие может спасти Россию. Притом мужик конституции не поймет, а поймет только одно, что Царю связали руки, а тогда — я вас поздравляю, господа!”»¹⁰⁹.

В итоге, когда 11 декабря дело дошло до подписания указа о реформе, пункт о введении выборных был вычеркнут из первоначального текста, и Мирский был вынужден снова просить об отставке. «Дай бог, чтобы я ошибался, — сказал министр царю, — но я убежден, что через шесть месяцев вы будете раскаиваться, что уничтожили пункт о выборных»¹¹⁰.

Необходимо отметить, однако, что указ все-таки реализовал некоторые пункты из постановлений Земского съезда — он обещал соблюдать в стране законность, обеспечить судам необходимую самостоятельность, ограничить применение чрезвычайного законодательства, устранить большую часть ограничений в правах для «ино-

родцев», уравнивать крестьян в правах с другими сословиями. Кроме того — в пику Земскому съезду — царь продемонстрировал свою заботу о простом народе и пообещал ввести государственное страхование для рабочих (надо сказать, что государственное страхование тогда существовало лишь в немногих странах Европы) ¹¹¹.

Хотя интеллигенция на банкетах готовилась отвергнуть «конституцию, дарованную государем», она в своей массе была разочарована тем, что государь так ее и не даровал. Давление, оказанное «общественностью» на царя, не достигло своей цели, и либералы не знали, что делать дальше. «Средства мирного заявления своих требований в сущности уже исчерпаны, — писал Богучарский Струве 11 декабря, — страна, можно сказать, высказалась. Перед освобожденческим движением встает теперь мучительный — и для меня по крайней мере — совершенно неразрешенный вопрос: что делать дальше?» ¹¹². Струве резюмировал, что народ не поддерживает «освободительное движение»: «Перед нами революционные земцы и интеллигенция, и, к сожалению, лояльный народ» ¹¹³. Таким образом, «лояльный народ» необходимо было как-то расшевелить.

Примечания

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-01-00114 «Волны вестернизации в России (XVII — начало XX в.)».

1. ВАЛК С. Петербургское градоначальство и 9 января. — Красная летопись. 1925, № 1, с. 39.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 102. ДП.ОО. 1905, оп. 233, д. 4, ч. 1, л. 31.
3. Доклад директора департамента полиции Лопухина министру внутренних дел о событиях 9-го января. — Красная летопись. 1922, № 1, с. 336.
4. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 279, оп. 2, д. 230, л. 85об.
5. Доклад директора департамента полиции Лопухина..., с. 334.
6. История СССР. Т. VI. М. 1968, с. 121.
7. КОРЕЛИН А.П., ПУШКАРЁВА И.М., КОРОЛЁВА Н.Г., ТЮТЮКИН С.В., ХРИСТОФОРОВ И.А. Первая революция в России: взгляд через столетие. М. 2002, с. 173.
8. История XIX века. Т. 5. М. 1938, с. 5—12.
9. БЛОС В. История германской революции 1848 года. СПб. 1908, с. 93—104; КАН С.Б. Революция 1848 года в Австрии и Германии. М. 1948.
10. СТРУВЕ П.Б. Интеллигенция и революция. В кн.: Вехи. Сб. статей о русской интеллигенции. М. 1990, с. 145.
11. ПИРУМОВА Н.М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М. 1977, с. 92.
12. Там же, с. 88.
13. МЕДУШЕВСКИЙ А.Н. Русский конституционализм второй половины XIX — начала XX в. В кн.: Первая российская революция 1905—1907 гг. Обзор советской и зарубежной литературы. М. 1991, с. 123.
14. LAUE TH. von. Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of Russian Revolution. 1900—1930. Philadelphia-N.Y. 1964, p. 70.
15. CHIROUSKY N. An Introduction to Russian History. N.Y. 1967, p. 150; TREADGOLD D. Lenin and His Rivals. The Struggle for Russia's future. 1898—1906. N.Y. 1965, p. 5.
16. BLACK C.E. The Modernization of Russian Society. In: The Transformation of Russian Society. Aspects of Social Change Since 1861. Cambridge (Mass.). 1960, p. 673.
17. Цит. по: ШАЦИЛЛО К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг. М. 1985, с. 44.
18. Там же, с. 55.

19. МАКЛАКОВ В.А. Власть и общественность на закате Старой России (Воспоминания). Т. 1. Париж. 1936, с. 174.
20. ПАЙПС Р. Струве: левый либерал. 1870—1905. М. 2001, с. 483; СТЕПАНСКИЙ А.Д. Либеральная интеллигенция в общественном движении. — Исторические записки. 1983, т. 109, с. 86.
21. ШАЦИЛЛО К.Ф. Ук. соч., с. 75.
22. Отрывки из воспоминаний Д.И. Любимова (1902—1904). — Исторический архив. 1962, № 6, с. 82—83.
23. Второй съезд РСДРП. Протоколы. М. 1959, с. 418—424; КЕЕР J.L. The Rise of Social Democracy in Russia. Oxford. 1963, p. 270.
24. УТКИН А.И. К вопросу о численности и составе РСДРП в 1905—1907 гг. В кн.: Политические партии России в период революции 1905—1907 гг. Количественный анализ. М. 1987, с. 12, 17, 22.
25. Программа партии Социалистов-Революционеров. — Международный исторический журнал. 1999, № 3 - [http: - history.machaon.ru/all/number_03/projects/social/index.html](http://history.machaon.ru/all/number_03/projects/social/index.html)
26. ВИТТЕ С.Ю. Воспоминания. Т. 2. М. 1960, с. 261.
27. Цит. по: КАВТОРИН В.В. Первый шаг к катастрофе. 9 января 1905 года. Л. 1992, с. 282.
28. ГА РФ, ф. 102. ДП.ОО. 1904, оп. 232, д. 2389а, л. 29об.
29. ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС А.В. На путях к свободе. Н.-Й. 1952, с. 193.
30. К.С. Наши внутренние дела. — Освобождение. 1904, № 61, с. 186.
31. ИНАБА ЧИХАРУ. Японский резидент против Российской империи. Полковник Акаси Могодзиро и его миссия в 1904—1905 гг. М. 2013, с. 79; ПАВЛОВ Д.Б. Японские деньги и первая русская революция. М. 2011, с. 71.
32. AKASHI M. Rakka ryusui. Colonel Akashi's Report on His Secret Cooperation with the Russian Revolutionary Parties during the Russo-Japanese War. Helsinki. 1988, p. 36.
33. ИНАБА ЧИХАРУ. Ук. соч., с. 48—51, 65—68.
34. AKASHI M. Op. cit., p. 40.
35. МИЛЮКОВ П.Н. Воспоминания. Т. 1. Н.-Й. 1955, с. 243.
36. ИНАБА ЧИХАРУ. Ук. соч., с. 76.
37. Там же, с. 85.
38. РГАСПИ, ф. 279, оп. 2, д. 215, л. 47об.
39. AKASHI M. Op. cit., p. 40.
40. Цит. по: ШАЦИЛЛО К.Ф. Ук. соч., с. 239.
41. AKASHI M. Op. cit., p. 40.
42. Ibid., p. 41.
43. ИНАБА ЧИХАРУ. Ук. соч., с. 93; ПАВЛОВ Б.Д. Ук. соч., с. 96.
44. ИНАБА ЧИХАРУ. Ук. соч., с. 85—86
45. AKASHI M. Op. cit., p. 41.
46. РГАСПИ, ф. 279, оп. 2, д. 215, л. 58.
47. ГА РФ, ф. 124, оп. 43, д. 1738, л. 5; ф. 102. ДП.ОО. 1905, д. 4, ч. 1, т. 2, л. 9.
48. Там же, ф. 124, оп. 43, д. 1738, л. 1.
49. МАКЛАКОВ В.А. Ук. соч., т. 2, с. 332.
50. ЧЕРНОВ В.М. Перед бурей: Воспоминания. Мемуары. Минск. 2004, с. 207.
51. ГА РФ, ф. 102. ДП.ОО. 1904, оп. 232, д. 1195, л. 45об.—46.
52. МИЦКЕВИЧ С.И. Революционная Москва. М. 1946, с. 321; GALAI SH. The Liberation Movement in Russia 1900—1905. Cambridge. 1973, p. 218.
53. Некоторые итоги Парижской конференции. — Революционная Россия. 1905, № 61, с. 5.
54. Дневник кн. Екатерины Алексеевны Святополк-Мирской за 1904—1905 гг. — Исторический архив. Т. 77. 1965, с. 241.
55. КАЛМЫКОВ С.В. Выступление при обсуждении доклада И.М. Пушкарёвой. — Труды Института российской истории РАН. 2008, № 7, с. 96.
56. ГА РФ, ф. 102. ДП.ОО. 1904, оп. 232, д. 1195, л. 48.
57. Цит. по: GALAI SH. Op. cit., p. 208.
58. Освобождение. 1904, № 57.
59. GALAI SH. Op. cit., p. 226.
60. Дневник кн. Екатерины Алексеевны Святополк-Мирской..., с. 249.
61. Цит. по: ШАЦИЛЛО К.Ф. Ук. соч., с. 281.
62. GALAI SH. Op. cit., p. 226.
63. ШИПОВ Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М. 1918, с. 248, 254.
64. GALAI SH. Op. cit., p. 227.

65. ШИПОВ Д.Н. Ук. соч., с. 265.
66. ШАЦИЛЛО К.Ф. Ук. соч., с. 264.
67. GALAI SH. Op. cit., p. 229.
68. ШИПОВ Д.Н. Ук. соч., с. 257.
69. Там же, с. 265, 280.
70. Дневник кн. Екатерины Алексеевны Святополк-Мирской..., с. 258—259.
71. Предводители дворянства о современном положении в России. — Освобождение. 1905, № 63, с. 223.
72. ГА РФ, ф. 102. ДП.ОО. 1904, оп. 232, д. 1250, ч. 1, л. 102.
73. ШАХОВСКИЙ Д.И. «Союз освобождения». В кн.: Либеральное движение в России. М. 2001, с. 578.
74. Дневник кн. Екатерины Алексеевны Святополк-Мирской..., с. 258—259.
75. ШАЦИЛЛО К.Ф. Ук. соч., с. 292.
76. От редакции. — Новая жизнь. 1904, № 1, с. 1.
77. ГЕССЕН И.В. В двух веках. Жизненный отчет. Архив русской революции. Т. 22. Берлин. 1937, с. 188; ШАЦИЛЛО К.Ф. Ук. соч., с. 292.
78. Из еженедельной записки директора Департамента полиции А.А. Лопухина начальникам охранных отделений о революционном движении в России. В кн.: Начало первой русской революции. Январь-март 1905 года. М. 1955, с. 676.
79. ГА РФ, ф. 102. ДП. д-7. 1904, оп. 202, т. 1, д. 96, ч. 1—7.
80. КОРНИЛОВ А.А. Воспоминания. — Вопросы истории. 1994, № 5, с. 109.
81. ШАХОВСКИЙ М. Гапон и гапоновщина. Харьков. 1906, с. 19.
82. Распоряжение Министерства внутренних дел от 29 ноября 1904 г. — Наша жизнь. 1904, № 26, с. 1.
83. ГА РФ, ф. 102. ДП.ОО. 1904, оп. 316, д. 1, ч. 1. т. 3, л. 471об.
84. ШАЦИЛЛО К.Ф. Ук. соч., с. 295.
85. ГА РФ, ф. 102. ДП.ОО. 1904, оп. 232, д. 1250, ч. 1, л. 51, 69—70.
86. Нам пишут из Петербурга. — Освобождение. 1904, № 62, с. 214.
87. Докладная записка директора департамента полиции Лопухина, рассмотренная в Комитете министров, января 1905 г. Женева. 1905, с. 7.
88. СОЛОВЬЁВ Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1902—1907 гг. Л. 1981, с. 138.
89. Некоторые итоги Парижской конференции, с. 5.
90. ШИПОВ Д.Н. Ук. соч., с. 285.
91. ГАНЕЛИН Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция. СПб. 1991, с. 30.
92. Цит. по: ИНАБА ЧИХАРУ. Ук. соч., с. 94.
93. ГА РФ, ф. 102. ДП.ОО. 1904, оп. 232, д. 5, ч. 35, литер «б», л. 11—11об.; д. 3, ч. 10. т. 2, л. 56; СПИРИДОВИЧ А.Н. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1886—1916. Пг. 1918, с. 155.
94. ГА РФ, ф. 102. ДП. ОО. 1904, оп. 232, д. 1250, ч. 1, л. 63об.; ДП. 3 делопр. 1904, оп. 102, д. 5. т. 3, л. 143а.; РГАСПИ, ф. 279, оп. 2, д. 230, л. 52.
95. ГА РФ, ф. 102. ДП.ОО. 1904, оп. 232, д. 1250, ч. 1, л. 263—263б.об.
96. Там же, д. 3, ч. 10, т. 2, литер «а», л. 45; СПИРИДОВИЧ А.Н. Ук. соч., с. 155.
97. ГА РФ, ф. 102. ДП.ОО. 1904, оп. 232, д. 3, ч. 10, т. 2, литер «а», л. 5—5об.
98. Там же, л. 25об.
99. ТРУБЕЦКАЯ О. Из пережитого. В кн.: Современные записки. Т. 64. Париж. 1937, с. 290.
100. ГА РФ, ф. 102. ДП.ОО. 1904, оп. 232, д. 3, ч. 10, т. 2, литер «а», л. 45.
101. ОР РГБ, ф. 255, к. 1, д. 65, л. 24; ГА РФ, ф. 124, оп. 43, д. 1738, л. 7.
102. САВИНКОВ Б. Избранное. М. 1990, с. 86.
103. Цит. по: ШАЦИЛЛО К.Ф. Ук. соч., с. 306.
104. Дневник кн. Екатерины Алексеевны Святополк-Мирской..., с. 261.
105. Цит. по: ШАЦИЛЛО К.Ф. Ук. соч., с. 306.
106. ВИТТЕ С.Ю. Ук. соч., т. II, с. 297.
107. Дневник кн. Екатерины Алексеевны Святополк-Мирской..., с. 260.
108. ВИТТЕ С.Ю. Ук. соч., т. II, с. 299.
109. ТРУБЕЦКАЯ О. Из пережитого, с. 293.
110. Дневник кн. Екатерины Алексеевны Святополк-Мирской..., с. 265.
111. ШАЦИЛЛО К.Ф. Ук. соч., с. 309.
112. РГАСПИ, ф. 279, оп. 1, д. 66, л. 24.
113. Цит. по: ШАЦИЛЛО К.Ф. Ук. соч., с. 312.

Трансформация кустарных промыслов России во второй половине XIX в.

В.Г. Егоров, О.А. Зозуля

Понятие модернизации многосложное в силу емкости определяемых его содержанием процессов и имеет, даже в узком смысле в значении трансформации традиционного общества в современное, множество транскрипций, связанных с выбором акцента преобразуемой отрасли, стратегии общественного бытия или конкретных реалий, претерпевающих переход в новое качество ¹.

В задачи настоящей работы не входит детальный анализ имеющихся в научном обороте интерпретаций содержания модернизации, нюансов, связанных со смысловыми приоритетами его наполнения. Нас интересуют лишь те аспекты теории модернизации (понимаемые как процесс трансформации традиционного общества в современное), которые позволяют показать изменения, происходившие в кустарной промышленности России в ходе модернизационных преобразований общественного хозяйства страны второй половины XIX столетия.

Заслуга определения научных подходов в изучении докапиталистической промышленности принадлежит немецкой школе политэкономии. Промышленность традиционной эпохи идентифицировалась представителями немецкой экономической мысли как «домашнее хозяйство/производство». Характерным признаком «домашнего производства» К. Маркс, М. Вебер, В. Зомбарт считали его направленность на «удовлетворение собственных потребностей, будут ли то потребности государства, личности или союза потребителей» ².

Труд, направленный на удовлетворение потребностей производителя, а не на получение дохода отличает качества хозяйственной деятельности мелкого докапиталистического промышленника от товаропроизводителя, идущего ему «на смену» в социальной иерархии общества, основанного на рыночных отношениях.

Егоров Владимир Георгиевич — доктор исторических наук, заведующий кафедрой Московского государственного областного университета; *Зозуля Ольга Александровна* — кандидат исторических наук, доцент Московского государственного машиностроительного университета.

Одухотворенный труд «настоящего крестьянина, так же как и настоящего ремесленника, есть одинокое творчество: в тихой погруженности он отдается своему занятию. Он живет в своем творении, как художник живет в своем, он, скорее всего, совсем бы не отдал его на рынок. С горькими слезами на глазах крестьянки выводят из стойла любимую пегашку и уводят ее на бойню; старик-кустарь воюет за свою трубку, которую у него хочет купить торговец. Если же дело доходит до продажи..., то произведенное благо должно быть достойно своего творца. Крестьянин, так же как и ремесленник, стоит за своим произведением, он ручается за него честью художника. Этим объясняется, например, глубокое отвращение всякого ремесленника не только к фальсификатам или хотя бы суррогатам, но даже и к массовой выделке»³.

Творческая составляющая содержания труда мелкого промышленного производителя докапиталистической эпохи, являющаяся его первозданным природным качеством, обусловила высокий адаптивный потенциал средневековой формы хозяйственной организации в современной реальности. Универсальные навыки рукоделия оказались востребованы в развитых экономиках. Например, труд костромского портного, работавшего непосредственно на потребителя, в 1880-х гг. приносил доход в 2,5 раза больше, чем мелкому товаропроизводителю, «работающего деревянную посуду»; в 2,3 раза больше производителей валенок, работающих на рынок, в 2,5 раза больше мастеров, изготавливающих для продажи телеги, колеса, сани и т.д.⁴

В.И. Ленин, воспроизводивший идеи немецкой политэкономии для характеристики процессов, происходивших на отечественной почве, учитывая особые качества творческого труда промышленников, не участвовавших в рыночных отношениях, счел необходимым выделить в традиционном промышленном производстве две, существенно отличающиеся организационные формы: собственно домашнее производство, имеющее исключительно натуральный характер, и ремесло — как тип промышленной деятельности, ориентированный на стороннего потребителя (работа на заказ)⁵.

В смысле отношения к рынку обе формы традиционной промышленности соответствовали товарно-денежным отношениям. Однако в смысле социального потенциала и трансформации в рыночную организацию, ремесленное производство обладало значительно большими возможностями. Так, 61 из 88 товарных отраслей кустарной промышленности Нижегородской губернии, функционировавших в 1870—1880-е гг., уходили корнями в традиционное ремесло⁶.

В теоретических конструкциях немецкой политэкономии конца XIX — начала XX столетия дифференциация однородной морфологии традиционных кустарных промыслов фундируется не столько социальной мобильностью (в этом смысле вектор развития вполне определен: к капитализму) сколько «расчленением профессий» и специализацией направлений деятельности. «Такая дифференциация, — пишет М.Вебер, — может ... осуществляться по виду *конечного результата*, как “*обособленное занятие*” (например, в средневековом ремесле) или как *специализация на дополнительных функциях*, т.е. раздробление единой профессии на взаимно поддерживающие друг друга операции, как, например, на современной фабрике (“разложение (разделение) тру-

да”)... *Соединение различных функций* в одно целое осуществляется или через *накопление функций*, или через *связывание* их соответственно тому, соединяются ли однородные или качественно разнородные функции для достижения одного и того же результата» ⁷.

Положения, высказанные теоретиком немецкой экономической школы, хорошо иллюстрируются данными, характеризующими развитие кустарных промыслов Московской губернии второй половины XIX века. С начала 1880-х гг. до конца столетия в 32 из 58 отраслей мелкой кустарной промышленности наблюдался рост численности занятых и расширение специализации ⁸, в 43,5% отраслей в 1880-х гг. проявлялась тенденция к концентрации производства ⁹.

Разделение труда, сопровождавшее модернизацию мелкой промышленности, создавало условия для внедрения машин. Несмотря на то, что Вебер целиком разделял точку зрения, согласно которой концентрация и индустриализация составляли детерминанту модернизации кустарной промышленности, его проницательный взор не обошел важнейший акцент ограниченности механизации. Он писал: «Употребление механизированных аппаратов связанного с предпосылкой экономически действенной, т.е. покупательно сильной *потребности масс*: только там, где таковая имеется, могут выгодно применяться аппараты» ¹⁰.

В противоположность сторонникам «общинного социализма» марксисты полагали единственно возможным направлением социального прогресса страны капиталистический путь развития, проецируемый на все стороны хозяйственной жизни. «Нам остается еще в заключение подвести итоги, — писал Ленин, — по тому вопросу, который получил в литературе название вопроса о “миссии” капитализма, то есть о его исторической роли в хозяйственном развитии России. Признание прогрессивности этой роли вполне совместимо... с полным признанием отрицательных и мрачных сторон капитализма, с полным признанием неизбежно свойственных капитализму глубоких и всесторонних общественных противоречий, вскрывающих исторически переходящий характер этого экономического режима. Именно народники, которые тшятся из всех сил представить дела так, будто признавать историческую прогрессивность капитализма значит быть апологетом его, именно народники грешат недостаточной оценкой (а подчас и замалчиванием) наиболее глубоких противоречий русского капитализма, затушевывая разложение крестьянства, капиталистический характер эволюции нашего земледелия, образование классов сельских и промысловых работников с наделом, затушевывая полное преобладание низших и худших форм капитализма в пресловутой “кустарной” промышленности» ¹¹.

Такое упрощение реальности не допускает возможность, например, сохранения сколько-нибудь устойчивого мелкотоварного уклада и, тем более, в качестве результата трансформации — образование сегмента кустарной промышленности с качествами, позволяющими характеризовать его как вполне современную сущность.

Полемизируя с народниками, представитель «легального марксизма» С.Н. Булгаков критиковал их за попытку представить кустарную промышленность «каким-то отрицанием, фрондой против капитализма и даже победой над ним, между тем как на самом деле здесь

мы имеем лишь частичный случай капитализма, именно мелкую форму капиталистического производства, и только всего». Даже домашнее производство — наиболее консервативную и социально инертную форму мелкой промышленности — Булгаков рассматривал в качестве структуры капиталистической фабрики, а его «фиктивную связь с земледелием» лишь следствием того, что «капиталу еще не выгодно преобразовывать производство прямо в фабричное и он предпочитает поэтому домашнюю форму крупной промышленности»¹².

В отличие от теоретических конструкций интеллектуалов реальность была значительно многообразнее и сложнее и требовала поиска адекватных методологических обобщений.

«Мебельный промысел встречается в Ярославской губернии в двух различных по существу формах, — говорилось в материалах исследования Ярославского губернского земства, — в виде мелкого полуремесленного производства, работающего на заказ, и в виде производства на широкий рынок. Первая форма встречается повсеместно: нет, кажется, волости, где не существовало бы 3—4 одиночек-столяров, “умеющих сделать и стол и стул, и раму в окно” и удовлетворяющих своим производством ограниченный местный спрос. Производство же мебели на широкий рынок встречается только местами, чаще всего вблизи городов, которые и являются главными рынками сбыта изделий. Самый крупный район мебельного производства находится в Ярославском уезде на границе трех волостей: Курбской, Шопинской и Еремеевской (прежняя Козьмодемьянская волость)»¹³.

Ремесленники, работавшие на заказ потребителя, испытывали влияние новых условий только в части необходимости адаптировать свое предприятие к влияниям «моды» и запросам сельских обывателей. При этом докапиталистический «рудимент» традиционного хозяйства не подавал явных признаков деградации и не воспроизводил, согласно теоретической схеме Булгакова, домашнюю организацию крупной промышленности. Товарный сегмент промысла в свою очередь структурировался на две группы, объединявших кустарные хозяйства, отличающиеся направлением социальной перспективы.

Учитывая возрастающую потребность растущих ярославских городов в конце 1870-х — начале 1880-х гг. часть кустарей (обладавших эксклюзивными умениями) переориентировалась на выпуск сложной фанерованной мебели для горожан. Суботрасль, удовлетворявшая потребность городских жителей, развивалась, наращивая тенденцию к концентрации, в то время как промышленники, работавшие на массовый рынок, проигрывая в конкуренции, попали в зависимость от скупщика и фактически превратились в наемных работников рассеянной мануфактуры, функционировавшей в соответствии с коммерческими предпочтениями предпринимателей.

Имея в виду утверждение российских марксистов о формировании на основе кустарных промыслов рынка труда для нарождающейся крупной промышленности, следует заметить, что развитие процесса социальной мобильности кустарей в наемных рабочих в данном конкретном случае не позволяет считать этот сценарий трансформации единственным или даже преобладающим. Например, в среде ярославских мебельщиков удельный вес безлошадных дворов составлял всего 14,8% («однолошадных — 55,6%, двухлошадных — 26,6%»);

бескоровных — 13,0% («однокоровных — 48,1%, двухкоровных — 33,3%») ¹⁴. Традицию классической политэкономии в изучении модернизации мелкого промышленного производства, в том числе российского, не удалось преодолеть современной немецкой историографии. Господствовавшая до недавнего времени концепция А.Н. Баргона, согласно которой «кустарям и ремесленникам, не выдержавшим конкуренции, приходилось, по большей части, менять место работы и жительства и находить заработок на крупных предприятиях» лишь вследствие очевидного несоответствия содержанию значительно более сложного исторического процесса, претерпела некоторую модернизацию. Под влиянием введенных в научный оборот фактов современные исследователи были вынуждены констатировать, что в результате модернизации кустарные промыслы России второй половины XIX — начала XX в. «не исчезли повсеместно» под влиянием форсированной индустриализации и капитализации. Устойчивость докапиталистических форм промышленного производства немецкие историки относят на счет результатов государственной политики, направленной на их поддержку, но не считают, что она позволяла адаптироваться к условиям современности ¹⁵.

Приемлемый формат развития концепции модернизации содержит идеи социолога П.А. Сорокина. Критикуя позицию мыслителей, представляющих исторический процесс как совокупность «вечных линейных тенденций изменения социокультурных явлений», которые «одни изображали ... в виде прямой линии, другие — в виде «спирали», третьи — в виде волнообразной линии разветвления с небольшими временными возвращениями в исходное положение», Сорокин предложил для характеристики эволюции социальных явлений спенсеровский принцип «нестабильности однородного», представляющий общественное развитие как «чередование фаз эволюции и разложения, интеграции и дезинтеграции, дифференциации и дедифференциации» ¹⁶.

Другой характерной чертой актуализированной в середине XX в. теоретической модели модернизации являлась ее направленность в сторону капиталистической перспективы, при этом национальный контекст капитализации оставался на периферии научной проблематики.

В отечественной общественной мысли капиталистическая перспектива развития России оценивалась далеко не однозначно. Представители интеллектуальной элиты из числа знатоков крестьянской жизни второй половины XIX в., в том числе детально исследовавших кустарную промышленность ¹⁷, видели «в народной среде наличие таких форм быта и таких воззрений, которые лучше других, доселе осуществлявшихся в жизни, соответствовали требованиям, какие можно предъявить обществу с точки зрения идеальных представлений о правде и справедливости». Понимая невозможность абсолютного копирования буржуазных форм хозяйства на российской почве, В.П. Воронцов предупреждал, «что желая так или иначе повлиять на ход общественных дел, мы не должны смущаться тем обстоятельством, что пример других обществ говорит против наших стремлений, что эмпирический “закон истории” предрекает им поражение» ¹⁸.

Помимо концентрации мелкого производства частнокапиталистической инициативой, российские мыслители народнического на-

правления обосновали, подкрепив фактами, возможность генезиса крупных предприятий на основе кооперирования трудовых и материальных ресурсов мелких собственников. Кооперация, в отличие от утопий Т. Мора и Р. Оуэна, в трудах либеральных народников рассматривалась не в качестве альтернативы капитализму, а в качестве самостоятельного направления модернизации общественного хозяйства¹⁹. Недостаток представлений народников заключался в попытке доказать природную склонность русского народа к кооперации, имея в виду при этом, проявления «артельных начинаний», под которыми подразумевались все виды коллективизма и общинности²⁰. В их видении кооперация, продуцированная рыночными условиями и стремлением товаропроизводителей за счет обобществления одной или нескольких сторон производственной деятельности (сбыта, снабжения, кредита или пользования оборудованием) увеличить эффективность индивидуального предприятия, крестьянская община и народные «помочи» — явления однопорядковые. Народническая мысль не поднялась до понимания принципиальной разницы между коллективизмом, основанным на подчинении индивидуального обществу, и солидарностью, обусловленной индивидуальной выгодой. Акцентируя отличие природных качеств общины и кооперации В.В. Кабанов писал: «Община держала человека в рамках старых представлений. Кооперация решительно рвала с ними. Она была заинтересована в новом человеке: инициативном, грамотном, рисковом, смело преодолевающим рутину и консерватизм»²¹.

Вопреки чаяниям народников кооперация в мелком промышленном производстве России зарождалась с большими трудностями, детерминированными двумя причинами. Во-первых, форсированной индустриализацией и капитализацией экономики страны в последней четверти XIX в., революционизировавшими естественный ход развития целых отраслей крестьянской промышленности, активно замещая кооперацию капиталистическими формами организации хозяйства. Во-вторых, общим низким уровнем материальной состоятельности промысловиков, препятствующим формированию кооперативной собственности.

И тем не менее, кооперация в кустарной промышленности России второй половины XIX в. приобрела вполне зримые очертания. В конце 1870-х гг. в с. Коржемок и д. Быков Майдан Арзамаского уезда Нижегородской губернии изготовлением саней для сбыта на местных базарах занимались 35 дворов. Имеющиеся три парильни для изготовления полозьев принадлежали как единоличному владельцу, так и коллективам собственников из 4—5 мастеров. Кустари, не участвовавшие во владении парильнями, рассчитывались с хозяевами «за напаривание» 30—40 парами готовых полозьев. В Сергачском уезде той же губернии санники с. Толбы использовали 9 парилен, находящихся как в единоличной, так и коллективной собственности 2—3 хозяев²², в деревнях Козловой и Чернецкой Александровского уезда Владимирской губернии из 13 стирен валяльщиков 6 являлись собственностью отдельных кустарей, 5 — во владении двух хозяев каждая, одна стирня — во владении пяти и одна — во владении шести хозяев. В селе Ивановском и деревнях Рушиковой, Погосте и Лихарево Переяславского уезда из 11 мелких валяльных предприятий 4

кустаря работали в жилой избе, 4 — имели по одной стирне и 3 работали в стирне, являвшейся общей собственностью²³. В различные формы кооперации в 1870—1880-е гг. в модернизирующихся отраслях Нижегородской губернии было вовлечено 90,4% кустарей.

Справедливость народнических взглядов на кооперативный путь модернизации показала общественная практика. В настоящее время кооперация успешно развивается более чем в 100 странах мира, объединяя каждого седьмого жителя планеты²⁴.

Наиболее яркой иллюстрацией места традиции в модернизационном процессе служит японский опыт реформ, направленных на построение современного общества. Каждая последующая ступень поступательного хода преобразований выстраивалась на прочном фундаменте традиционных японских ценностей. Авторы коллективной монографии, посвященной японской модернизации, презентуя выводы этнолога Янагиво Кунио, пишут: «Если на Западе новая ступень развития создается при отрицании предыдущей, то есть путем ломки, то в Японии — путем преемственности, обновления традиций... Для Японии характерен эволюционный процесс трансформации традиций. Новые элементы лишь добавлялись к старой структуре, никогда не разрушая ее, часто сосуществуя с ней, иногда сливаясь, образуя единый сплав, где уже трудно различить, что взято извне, а что традиционно японское»²⁵.

С точки зрения задач настоящего исследования важно отметить, что эволюционный характер японской модернизации определил особое место мелкого промышленного производства в социально-экономическом строе страны восходящего солнца. Мелкие предприятия не только составляют, как в Европе, существенный сегмент общественного хозяйства, но являются «материалом» построения крупных промышленных структур «кэйрецу»²⁶.

Форсированная капитализация и индустриализация российской экономики в последней четверти XIX в., революционизировавшая всю систему социально-экономических отношений, в то же время структурировала региональное экономическое пространство по степени влияния новых условий на традиционный хозяйственный уклад. В губерниях, где последствия преобразований были не столь ощутимы, как в экономических центрах страны, эволюционный характер хозяйственного развития определял экономический климат, влиявший на темпы, направление и содержание модернизационных трансформации, сохраняя традиции, и, напротив, в регионах, где революционный натиск капитала и фабрики нарушал естественную преемственность экономического ландшафта, традиция неизбежно оказывалась на периферии модернизационного тренда.

Революционный характер перемен в кустарной промышленности Московской губернии хорошо иллюстрируют данные о формах организации ряда промыслов в 1877—1900 гг.: в ряде производств сформировалась тенденция перехода к новой социальной организации производства: от домашнего и мелкотоварного — к централизованной промышленности, организованной капиталом (в бумаготкацком производстве до 43 036, в размотке ниток до 27 448 кустарей к 1900 г. были вовлечены в пространство централизованной промышленности), в производстве гильз и папирос, прядении льна и шерсти

8843 и 12 000 кустарей соответственно к концу столетия окончательно перешли на фабрику.

В столичном регионе практически отсутствовали отрасли кустарного производства с эволюционным характером трансформаций. Такое направление модернизационных перемен в кустарной промышленности исключало безболезненную интеграцию традиционных институтов в экономику.

Совершенно иную картину представляли в начале XX столетия (1901 г.) мелкие кустарные промыслы Тверской губернии: «... большинство этих промыслов, — говорилось в материалах губернского статистического отдела, — имеют традиционный характер и никаких существенных изменений ни в размерах, ни в технике их производства не произошло...»²⁷.

Отсутствие разрушительных для традиционных форм промышленного производства последствий революционной капитализации хозяйства Тверской губернии обусловило эволюционное развитие кооперативной формы организации тверских кустарей. Мелкие промышленники кооперировались в плотницком, корзиночном, пеньковом, камнетесном производствах²⁸.

28 апреля 1884 г. Комиссия по исследованию кустарной промышленности в России, возглавляемая Е.Н. Андреевым, обсуждала доклад устроителя Всероссийской выставки народного узорного шитья Долматова. Ссылаясь на безусловную ценность этого вида художественного рукоделия народа для национальной культуры, «существенную пользу» для женских «простонародных занятий» и обстоятельства, связанные с тем, «что наилучшие характерные образцы сего шитья теперь у нас усиленно вывозятся иностранными нарочными агентами за границу», Долматов высказал настоятельное пожелание поддерживать (через сеть инструкторских школ, создание каталога образцов, организацию выставок и т.д.) этот народный промысел.

«Если шитье это со времени освобождения крестьян от крепостного права, по трудности его изготовления, производством и упало, — говорил он, — то из этого еще не значит, что должно его у нас совсем забыть и не поддерживать также энергично и немедленно, как кружевное дело, как вязание из шерсти и прочие отрасли женского производства»²⁹.

Учитывая особенно широкое развитие узорного шитья в Центрально-черноземном районе, Долматов предлагал провести летом 1885 г. экспедиционное исследование состояния этого промысла в Московской, Тверской и Нижегородской губерниях. Значительная часть членов комиссии, в том числе профессор Е.Н. Андреев, не поддержали проект Долматова на том основании, «что введение железных дорог изменило так экономические условия населения, что ему некогда заниматься производством ремесел роскоши, а введение машин в производство кружев изменило значение промысла вышивания. В деревнях уже не носят народных костюмов». Спустя месяц, Комиссия в том же составе единогласно одобрила материальную поддержку промысла плетения из ивовых прутьев корзин и мебели. В отношении металлообрабатывающей отрасли кустарной промышленности было решено поддержать ювелирное производство с. Красное Костромской губернии, ножевое в Павлово и Ворсме Нижегородской губернии, тем самым

акцентируя внимание на необходимости оказания помощи лишь тем промыслам, в которых машинная промышленность не являлась альтернативой ручному творчеству мастера. И, напротив, было отмечено нецелесообразным «в условиях роста фабричной промышленности опекать отрасли кустарного производства, продукция которого проигрывала в качестве фабричной»³⁰. Полное одобрение Комиссией получило предложение Давыдовой о создании благоприятных условий для функционирования кружевного промысла в Тверской и Ярославской губерниях³¹.

Результаты развития кустарной промышленности к началу XX в. показали в основном правильность выбранных направлений государственной политики содействия неземледельческим занятиям крестьян. Ошибочной, что следует из приведенных выше примеров, оказалась только оценка перспектив функционирования крестьянского промысла узорного шитья в индустриальную эпоху. Возрождаемое сегодня, спустя более чем столетие, художественное шитье (например, суздальское) более, чем наглядно демонстрирует сохранение его общественной востребованности. Уровень подготовки специалистов кустарной промышленности, далеко не всегда соответствующий принятию важных решений рационального распределения скудных средств, выделяемых для этой отрасли хозяйства, не позволял повсеместно оптимизировать земскую деятельность по поддержке кустарных промыслов селян. Вместе с тем, случаи, когда земства, хорошо ориентирующиеся в нуждах крестьянского хозяйства, верно определяли свою стратегию в развитии крестьянской промышленности, были далеко не редкими.

Анализ модернизационных процессов в кустарной промышленности России второй половины XIX — начала XX в. убеждает, что традиционное содержание составляло неотъемлемое основание их обновления.

Объединения кустарей несли в себе облик патриархальной семьи, заботившейся не только о материальном благополучии, но и моральном состоянии своих членов. Не мог не заметить этой особенности посетивший в 70-е гг. XIX в. артель грабарей-землекопов А.Н. Энгельгардт. Коллективы грабарей (автор знаменитых писем из пореформенной деревни употреблял термин «граборы») в силу особого мастерства кустарей и большого рыночного спроса на их труд, приобрели в пореформенное время особую популярность. «Человек может быть мошенник, пьяница, злодей, кулак, подлец, как человек сам по себе, — отмечал в своем письме, опубликованном в 1879 г. в «Отечественных записках» Энгельгардт, — но как артельный грабор он честен, трезв, добросовестен, когда находится в артели». «В артели граборы всегда ответственно ведут себя, ни пьянства, ни буйства, ни воровства, ни мошенничества. Артель не только бдит за своими членами, но оберегает от всяких подозрений свою добрую славу»³².

По свидетельству профессора А. Исаева, «ссоры и брань, игра в карты категорически запрещалась в биржевых артелях». Непременным правилом «не пить, не бражничать, друг друга не покинуть» были скреплены артели кузнецов. Кооперативные коллективы, как правило, складывались на основе уже существовавших общностей односельчан так, что «каждый приблизительно был знаком с нравствен-

ными качествами своих соседей; каждый был уверен, что в общем деле можно скорее положиться на односельчан, чем на чужих людей»³³. В случае с кооперацией традиция интегрировалась в нарождавшиеся в кустарном производстве предпринимательские структуры.

Намеченные Т. Парсонсом и Э. Шилзом « типовые переменные » для дифференциации « традиционности » и « современности » в контексте конкретно-исторического анализа модернизации кустарных промыслов России, требуют уточнения. Например, авторы концепта « типовых переменных » утверждают, что в традиционных обществах « социальные отношения имеют тенденцию включать аффективный компонент: это отношения личностные, эмоциональные, лицом к лицу. Даже отношения работодателя-работника в традиционном обществе являются аффективными. Работодатель обращается с работниками как с членами домохозяйства и не увольняет их даже в том случае, если его предприятие терпит убытки. В современных обществах социальные отношения, скорее, строятся на эффективно-нейтральной основе — как неличностные, отчужденные, косвенные »³⁴.

Согласно другому тезису Парсонса-Шилза: « В традиционных обществах преобладают функционально диффузные роли. Например, роль работодателя не сводится только к приему на работу; зачастую он также должен обучать работников; являясь их опекуном, попечителем; обеспечивать им условия для проживания и т.д. Такая функционально диффузная роль, конечно менее эффективна по сравнению с узкоспециализированной ролью. Работникам требуются годы, чтобы приобрести технические навыки, само обучение носит индивидуальный и несистемный характер. В современных обществах, напротив, преобладает функциональная специализация. Например, роль работодателя определяется достаточно узко. Его обязанности по отношению к работнику ограничены и редко выходят за сферу производства. Поскольку работодатель и работник могут избежать других обязательства по отношению друг к другу, они могут больше времени уделять росту эффективности и производительности труда »³⁵.

В реальности становление « современных » предпринимательских структур в кустарной промышленности представляло более сложное явление, включая, по крайней мере на первых, достаточно протяженных этапах развития, черты традиционной организации. Согласно описанию подносного промысла Московской губернии, составленного А. Исаевым, хозяин, « являвшийся мелким предпринимателем, принимал непосредственное участие в производстве. На хозяине та же грубая рубаха и дырявый полушубок, — писал А. Исаев, — как и на работнике; хозяин работает больше, нежели мастер, и обыкновенно, лучше. В их частных, внеделовых отношениях оба они, являясь людьми маленькими, добывающими средства к жизни своеручным трудом, стоят на равной ноге, оба спят на полу, едят за одним столом »³⁶. Было бы неверным представлять появление крупного промышленного производства « снизу » абсолютно « стерильным » от проникновения капитала со стороны.

Учитывая рост промышленного промысла, многие предприниматели, обладавшие значительным капиталом, но не имевшие лично никакого касательства к этому мастерству, создавали крупные подносные предприятия, нанимая рабочих и управляющих. По поводу

таких хозяев мастерских Исаев писал: «Среди более крупных хозяев есть лица не только никогда не работавших собственноручно, но и не умеющих работать. Мне известны два подносных заведения, коих хозяева совершенно незнакомы с промыслом. В этих хозяевах нетрудно распознать не мелких ремесленников, медленно и постепенно расширяющих заведения по совершенно незнакомой им специальности. Эти два знакомые мне случая именно таковы: один из хозяев много лет был приказчиком в мануфактурном магазине, а другой торговал дровами. Нажив деньги, они решились употребить их на заведение промысла, составляющего главное занятие в округе. Не будучи раньше знакомы с рабочими приемами, они вовсе не изучили их, обеспечив свой успех подбором искусных рабочих и тщательным надзором за исполнением ими обязанностей. Эти крупные хозяева приближаются по своему общему облику к купцам, стремясь уподобиться им и по сюртуку более тонкого сукна, и по приемам, и речью»³⁷.

Не представляется возможным описывать односложными теоретическими построениями даже процессы освоения кустарных промыслов торговым капиталом, которое в советской историографии было принято оценивать только в качестве показателя «варварской эксплуатации кустарей». Позиции народников и марксистов в оценке прогрессивной роли капитализма отличались поразительным единодушием. Например, В.К. Пругавин и С.А. Харизаменов дополняли ленинскую метафору «мироеда-кулака» не менее ярким определением этого персонажа как «заглофы».

Однако в хозяйственной практике личность «скупщика» не выглядела однозначно отрицательной, особенно, когда «комиссионером» становился бывший промысловик, прошедший длительный путь кустарной мастерской. Такой «скупщик», как правило, строил свои взаимоотношения с кустарями на основе традиции, обычного права, «частного ряда» и в случае затруднений «входил в положение», предоставляя долговременные кредиты.

В равной степени в сотрудничестве были заинтересованы и «скупщики», и сами кустари, которые обычно не имели возможности самостоятельно организовать сбыт своей продукции. Причем в случаях, когда отсутствовали машинные аналоги продукции кустарей, оплата посреднических услуг скупщика была невысока. Например, скупщик, работавший в производстве варег, имел свой доход не с разницы рыночной и закупочной цен, а с процента на кредит промысловиков шерстью³⁸.

Следует отметить, что интеграция некоторых отдельных традиционных отраслей кустарных промыслов в современный хозяйственный строй и превращение их в структуры модерна совсем не означало, что этот «транзит» обеспечивал перенесение прежней идентичности в «современность».

Во-первых, «современные» отрасли отличались от промысловых занятий традиционной эпохи товарным характером. Во-вторых, их функциональное пространство формировалось границами общественной целесообразности сохранения ручного и высокохудожественного мастерства, то есть производствами, не приемлющими индустриальное качество. Для иллюстрации сказанного приведем две выдержки из исследований С.А. Харизоменова и В.К. Пругавина сапожного и

игрушечного промыслов Владимирской губернии, которые на конкретных примерах показали формирование функционального пространства кустарного производства в современной экономике.

«Испокон веков занимаемся игрушками, — говорили крестьяне этого уезда. — Старики стариков хоронили, и те помнили, когда началось дело»³⁹. При сохранении традиционных черт игрушечного производства его стабильность в новых условиях обеспечивалась возрастанием художественной ценности изделий, достигаемой индивидуальными способностями мастеров.

«Рассматриваемый нами промысел принадлежит к числу тех производств, где личный талант, личные свойства рабочего имеют громадное влияние на качество продукта, — писал Пругавин. — Здесь дан полный простор развитию и совершенствованию индивидуальных способностей кустаря, и если только они есть у него, если кустарь имеет “развязность” в голове, то непременно и форма какой-нибудь изготавливаемой им куклы, и выражение ее, и внешняя отделка, — словом, в игрушке носит особый отпечаток и дает возможность кустарю продать ее за более дорогую цену, чем обыкновенно. В этом отношении верно богородские крестьяне заявляют, что их мастерство такое, что они до смерти ему учатся — выдумывают из головы игрушки всю жизнь, до гробовой доски. Постоянно выдумывая из головы все новые и новые игрушки, кустари стараются о том, чтобы хранить в секрете друг от друга способы их производства. Величина заработка игрушечников чрезвычайно различна, смотря по роду и качеству вырабатываемых товаров. Только что изобретенные игрушки, производство которых доступно лишь немногим кустарям, дает наибольшее вознаграждение»⁴⁰.

Другой яркий пример органического встраивания традиционного кустарного промысла в модернизационный процесс дает описание С.А. Харизоменовым сапожного промысла. «Будущность башмачного и сапожного промыслов можно считать обеспеченной. Машинное производство не вторглось в эту область промышленности и можно полагать, что пройдут десятилетия, прежде чем башмачное и сапожное производства выйдут из стадии ремесла. Промысел, сравнительно с другими (особенно ткацким), доставляет значительные заработки. Хотя он и подвержен рыночным колебаниям, но колебаниям не столь резким, как промыслы ткацкие. Быстрое развитие в среде низших классов населения культурных привычек, вкуса к изящной обуви (штиблетам, смазным сапогам и пр.), сменившей лапти, коты и грубые башмаки, обеспечивает промышленникам прогрессивное расширение внутреннего рынка. Насколько быстро пойдет такое расширение, это, в значительной мере, обусловливается общим возвышением экономического уровня населения»⁴¹.

Отрасли кустарного производства, образовавшие собственную «нишу» в модернизирующейся реальности, составляли значительный удельный вес в кустарной промышленности последней четверти XIX века. В пределах такой «экономической ниши» к концу 1880 г. функционировало производство 18,3% нижегородских кустарей, ставших, благодаря новым профессиональным специализациям и уникальным навыкам ручного труда, полноправными субъектами рыночной экономики.

Содержание изменений, происходивших в процессе перехода «традиции» в «современность» описывают в рамках «модернизационной перспективы» концепции протоиндустриализации и структурно-функциональной дифференциации. Первая призвана концептуализировать тенденции эволюции традиционного общества, предшествовавшие непосредственно модернизации и во всех отношениях являвшихся ее «предтечей». Вторая — создать теоретическое обоснование структурирования обновленных социально-экономических явлений и сущностей в процессе модернизации.

Конкретно-историческое исследование процессов, предшествующих модернизации кустарных промыслов убеждает в важности учета иных предпосылок, подготавливающих их обновление.

Качественные изменения кануна модернизационных трансформаций в сфере мелкого сельского промышленного производства включали: изменение соотношения натуральной сельскохозяйственной и товарной промышленной отрасли крестьянского хозяйства в пользу последней, профессиональную специализацию кустарных промыслов, замещение неквалифицированного труда семейных работников наемной рабочей силой, дифференциацию крестьянского сельского хозяйства и промышленности. Именно такой ход процессов, предшествовавших модернизации, можно определить понятием протомодернизации, значительно более корректно описывающим предпосылки обновления.

Для иллюстрации существа понятия обратимся к примеру по Нижегородской губернии 1860-х — 1870-х годов. Комплиментарные условия развития кустарной промышленности края и повышение рентабельности сельской промышленности в сравнении с земледелием побуждали крестьян направлять основные усилия в промышленную деятельность. Даже в относительно благополучной в плане сельского хозяйства волости Павловского района, где среднедушевой надел составлял почти 4 десятины, только 54% крестьянских промысловиков обрабатывали землю самостоятельно. «Крайне не выгодными естественными условиями (то сыпучий песок, то Ока затопляет) объясняли крестьяне Тумботинской волости свое крайне прохладное отношение к земледелию. Только 25,7% крестьян возделывали пашню самостоятельно»⁴².

Не удивительно, что характеризуя развитие кустарной промышленности в России, М.И. Туган-Барановский отмечал: «В России кустарная промышленность имеет широкое развитие в деревне, особенно в центральном районе, преимущественно там, где земледелие по тем или иным причинам не удовлетворяет потребностям населения, малоземелье является одним из важных условий возникновения кустарной промышленности... Но не нужно преувеличивать значение этой связи: совершенно неправильно мнение тех, кто видит в кустарной промышленности промысел только подсобный при земледелии, ибо сплошь и рядом, наоборот, земледелие является подсобным занятием для кустаря»⁴³.

Появление самодостаточных, с точки зрения социального содержания структур и субструктур, очевидно, наблюдалось уже спустя два пореформенных десятилетия. В структуре кустарной промышленности, например, Московского региона, сформировались сегменты, от-

личающиеся социальной перспективой: 60,6% кустарей было организовано капиталом работой на дому; 6,9% были объединены на «крупных» предприятиях, генерированных из кустарной среды; 19,0% — занимались производством, составившим в новых условиях функциональное пространство мелкого ручного труда; 1,7% — оставались в пределах не адаптированных к рынку, деградирующих отраслей и 11,8% — работали в модернизированных производствах подававших признаки роста и концентрации.

Таким образом, комплексное рассмотрение возможностей теоретического осмысления конкретно-исторического аспекта истории, а именно преобразования кустарной промышленности России второй половина XIX в. убеждает в адекватности модернизационной концепции развитию исследовательского потенциала. Вместе с тем, очевидна потребность дальнейшего расширения познавательного аспекта теории модернизации за счет наполнения конкретно-историческим содержанием, что позволит избежать появления оторванных от общественной практики умозрительных построений. И наконец, следует продвигать теоретический анализ, отказываясь от упрощенного схематизма и ориентации на достижение абсолютных истин.

Примечания

1. АЛЕКСЕЕВ В.В., АЛЕКСЕЕВА Е.В., АРТЕМОВ Е.Т. Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII—XX вв.: пространственно-временной аспект. Екатеринбург. 2011, с. 10.
2. ВЕБЕР М. История хозяйства. Город. М. 2001, с. 12.
3. ЗОМБАРТ В. Буржуа. Этюды по развитию экономического человека. М. 2009, с. 20—21, 25.
4. Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып. XIII. СПб. 1885, с. 1—432; Вып. XIV. СПб. 1885, с. 4367—4598; Вып. XV. СПб. 1886, с. 4759—4875.
5. ЛЕНИН В.И. Кустарная перепись 1894—1895 годов Пермской губернии. Полн. собр. соч. Т. 2. М. 1967, с. 320—332.
6. Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып. VI. СПб. 1880, с. 1—432; Нижегородский сборник Т. VII. Н. Новгород. 1890; Т. X. Н. Новгород. 1890.
7. ВЕБЕР М. Ук. соч., с. 15.
8. Московская губерния по местному обследованию. 1898—1900 гг. Т. III. М. 1907 (расчеты выполнены авторами).
9. Подсчитано на основании: Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. VII. Вып. III. Ч. I. М. 1882; Ч. III. М. 1883; Вып. II. М. 1882; ИСАЕВ А. Промыслы Московской губернии. Т. 2. М. 1876; Промыслы Московской губернии. М. 1882; ОРЛОВ В., БОГОЛЕПОВ И. Промыслы Московской губернии. М. 1879; БОГОЛЕПОВ И. Промыслы Московской губернии. М. 1882.
10. ВЕБЕР М. Ук. соч., с. 16.
11. ЛЕНИН В.И. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч., т. 3, с. 597.
12. БУЛГАКОВ С.Н. О рынках при капиталистическом производстве. М. 2006, с. 215—216, 223.
13. Кустарные промыслы Ярославской губернии. Столярные промыслы: 3) мебельный, 4) рамочный, 5) ящичный. Ярославль. 1902, с. 3.
14. Кустарные промыслы Ярославской губернии, с. 8—9.
15. ДОРОШКИН А.Г. Промышленное и аграрное развитие дореволюционной России: взгляд германоязычных историков XX в. М. 2004, с. 131, 135—140.

16. СОРОКИН П.А. Социокультурная динамика и эволюционизм. В кн.: Американская социологическая мысль. М. 1996, с. 372—392.
17. См., например: ВОРОНЦОВ В.П. Очерки кустарной промышленности в России. СПб. 1886.
18. ЕГО ЖЕ. Народничество Юзова и В. Пругавина. В кн.: Интеллигенция и культура: Избранные сочинения. М. 2008, с. 343, 345.
19. ЕГО ЖЕ. Артель в кустарном промысле. СПб. 1885.
20. ЕГО ЖЕ. Артельные начинания в русском обществе. СПб. 1895.
21. КАБАНОВ В.В. Крестьянская община и кооперация России XX века. М. 1997, с. 52.
22. Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып. IV (Нижегородская и Ярославская губернии). СПб. 1880, с. 837—840.
23. Промыслы Владимирской губернии. Вып. II. Александровский уезд. Исследование С.А. Харизаменова. М. 1882, с. 278—283; Промыслы Владимирской губернии. Вып. V. Переяславский и Александровский уезды. Исследование С.А. Харизаменова. М. 1884, с. 210—213.
24. Вестник кооперации. 2006, № 5—6, с. 19.
25. Япония: опыт модернизации. М. 2011, с. 58.
26. Япония — 2000: консерватизм и традиционализм. М. 2000, с. 129—130.
27. Статистический ежегодник Тверской губернии за 1901 год. Ч. II. 2-ой отдел. Тверь. 1902, с. 3.
28. Там же, с. 5—7.
29. Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып. XIII. СПб. 1885, с. 370.
30. Там же, с. 371—372, 380.
31. Там же, с. 379.
32. ЭНГЕЛЬГАРДТ А.Н. Письма из деревни. 12 писем. 1872—1887. СПб. 1999, с. 247, 254.
33. ИСАЕВ А. Артели в России. Ярославль. 1881, с. 46, 48, 114.
34. ПОБЕРЕЖНИКОВ И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М. 2006, с. 75.
35. Там же, с. 77.
36. ИСАЕВ А. Промыслы Московской губернии. Т. II. М. 1876, с. 47.
37. Там же, с. 47.
38. Вестник Владимирского губернского земства. 1901, № 8, с. 57.
39. ПРУГАВИН В.К. Промыслы Владимирской губернии. М. 1882, с. 132.
40. Там же, с. 138—139.
41. ХАРИЗОМЕНОВ С.А. Промыслы Владимирской губернии. Вып. II. М. 1882, с. 24.
42. РАГОЗИН В.И. Материалы для изучения кустарной промышленности Волжского бассейна. М. 1881, с. 43—45.
43. ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ М.И. Основы политической экономии. М. 1998, с. 178.

Государственная жилищная политика в России и Германии между мировыми войнами

М.Г. Меерович, К.А. Холодилин

Жилищная политика, как правило, весьма специфична и зависит от типа государства, которое ее осуществляет. При одинаковых стартовых условиях она может эволюционировать в совершенно разных направлениях. В данной работе проводится сопоставление жилищной политики в России и Германии в период между первой и второй мировыми войнами.

Государственная жилищная политика и в России, и в Германии стартовала с одинаковых позиций. Быстрый рост городского населения в ходе промышленной революции сталкивался с недостатком в предложении жилья, особенно, в крупных промышленных центрах, притягивавших к себе новые трудовые ресурсы. Особенно острым дефицит жилья был в нижнем сегменте жилищного рынка — малых и дешевых квартир.

Доля съёмного жилья в немецких и российских городах достигала 80—95% ¹. Как следствие, рабочие почти поголовно проживали в арендуемом жилище. В этот период жилищное законодательство почти не регулировало взаимоотношения между жильцами и домовладельцами. Оно исходило из принципа «свободы договора», что позволяло недобросовестным домовладельцам использовать к своей выгоде бедственное положение квартирантов — в любой момент произвольно повышать квартирную плату или расторгать договор найма. В обеих странах отмечалась практика «посменного использования коек» ², когда одинокие малоимущие люди, не имевшие собственного жилья, арендовали даже не угол или койко-место, а промежуток времени, в течение которого койка оставалась незанятой.

Первая мировая война, а также революции и гражданская война в России лишь усугубили дефицит жилья. Причин было несколько: а) исходный дефицит жилого фонда, образовавшийся уже в пери-

Меерович Марк Григорьевич — доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного технического университета; *Холодилин Константин Аркадьевич* — доктор экономических наук. Немецкий институт экономических исследований. Берлин.

од перед первой мировой войной, б) прекращение жилищного строительства во время войны, в) утрата части жилищного фонда в ходе боевых действий (особенно в России), г) ускоренный рост числа и размера семей в результате стремления «наверстать упущенное» — в трудные военные годы бракосочетание и рождение детей приходилось откладывать до лучших времен.

Можно утверждать, что жилищная политика в Германии, в ее современном понимании, как целенаправленные усилия государства по принятию на себя роли «заказчика» жилищного строительства, по законодательному обеспечению регулирования отношений между квартировладельцами и квартиронанимателями, по активизации процесса возведения жилищ всеми категориями застройщиков и т. п., возникла лишь с началом первой мировой войны. До той поры государство избегало вмешательства в жилищную сферу, ограничиваясь лишь внешней регламентацией качественных параметров жилья (освещенности, сухости, размера) ³. Гражданский кодекс, вступивший в силу в 1900 г., узаконил полную свободу договорных отношений на рынке жилья. Фактически, это означало приоритет интересов собственников жилья, которые составляли выгодные им договоры ⁴.

Эта ситуация коренным образом изменилась в ходе первой мировой войны. Причем, «волнообразно» — сначала произошло смягчение дефицита жилого фонда вследствие ухода на фронт сотен тысяч мужчин и вынужденного возвращения части их жен в семьи своих родителей с целью сократить расходы на жилье. А затем — резкое усиление из-за притока в города (особенно в центры военной промышленности) новой рабочей силы и почти полного прекращения нового жилищного строительства. Дефицит жилья еще более усугубился после того, как домой стали возвращаться фронтовики.

Стремясь избежать социальных потрясений, немецкие власти были вынуждены начать активное вмешательство в рынок жилья.

Было ограничено выселение квартирантов — в 1914 г. вводился мораторий на судебные разбирательства против членов семей фронтовиков, сделавший практически невозможным их выселение из съемного жилья ⁵. Принятые в конце войны постановления распространили эти меры и на другие категории квартиронанимателей ⁶. Выселение жильцов стало возможным только по решению суда и только в случаях, когда жилец попирает все мыслимые нормы поведения или содержания жилья: регулярно нарушал покой домовладельца или других жильцов, самовольно пускал на подселение третьих лиц, разрушал жилье, ставя под угрозу целостность помещения или даже всего здания, хронически не платил за квартиру и т. п.

Квартирная плата замораживалась. Эта мера каснулась, прежде всего, так называемого «старого жилья» (нем. *Altbauwohnungen*), то есть жилищ, построенных до 1918 года. Квартирная плата в них была зафиксирована по состоянию на 1 июля 1914 года. Она получила наименование «квартплата по закону» (*gesetzliche Miete*) или «квартплата мирного времени» (*Friedensmiete*) и могла изменяться только по решению местных властей ⁷. Для этого были созданы специальные «примирительные» комиссии.

Было введено так называемое «рационирование» жилья: перераспределение жилого фонда — уплотнение, подселения и т. п. ⁸.

Усиливались меры учета и контроля. В 1918 г. было принято постановление о необходимости перепрофилирования нежилых помещений в жилые с целью получения дополнительных объемов жилого фонда ⁹. Самым важным в этом постановлении было то, что рыночное (самодеятельное, стихийное) перераспределение жилья заменялось государственным (плановым). Муниципальные власти получали возможность: запрещать снос жилых зданий, находившихся в частной собственности, и перепрофилирование жилых помещений в нежилые; подселать жильцов в неиспользуемые жилые помещения, о наличии которых домовладельцы обязаны были сообщать в муниципалитеты (при отказе домовладельца принять навязываемого ему жильца местные власти могли заставить его заключить принудительный договор аренды); применять, в случае особой нехватки жилья, любые меры, которые они сочтут необходимыми.

Законодательно допускалось вмешательство муниципальных органов власти в функционирование рынка недвижимости, в частности, в аренду жилья. Например, баварское правительство полностью взяло процесс сдачи жилья в аренду в свои руки. В других землях муниципальные власти стали проводить конфискацию пустующей жилой площади с последующим вселением в нее очередников (*Einquartierung, Wohnungsrationierung*). При этом точного законодательного определения «лишнего жилья» на общегосударственном уровне не было. Оно имелось только в Бадене, где каждому домохозяйству разрешалось иметь количество комнат, соответствующее количеству членов семьи плюс одна общая комната. Все, что свыше этого, рассматривалось как «излишек». В Баварии использовалась более сложная схема определения «излишков», в которой учитывался возраст, пол и состояние здоровья членов домохозяйства ¹⁰.

В Германии возник доселе неизвестный институт «жилищного обмена между арендаторами» (*Wohnungstausch*), когда два или более нанимателей разных квартир получили возможность обмениваться ими между собой без согласия квартировладельцев, лишь на основе разрешения от местных властей ¹¹.

Активное вмешательство государства в процессы жилищной сферы выражалось в направленности жилищной политики в пользу квартирнанимателей. Дискриминационной стороной она была обращена к собственникам жилья, серьезно ограничивая существовавшую до первой мировой войны свободу распоряжаться своей недвижимостью. Более того, урезалась даже свобода тех владельцев, которые проживали в собственном жилье. Они подвергались «уплотнению» — при обнаружении у них излишков жилой площади к ним на подселение направляли совершенно чужих людей. Это делало политику «рационализации жилья» чрезвычайно непопулярной в обществе, тем более, что и квартирнаниматели лишались свободы выбора жилья — они вынуждены были занимать ту жилплощадь, на которую их вселяла жилищная служба муниципалитета.

Однако подобное государственное регулирование рынка жилой недвижимости и масштабное муниципальное финансирование жилищного строительства вовсе не означало вытеснения частного сектора — в Германии важное значение сохраняли все формы жилья: государственное, ведомственное, кооперативное и частное.

Органом, регулировавшим на федеральном уровне жилищную политику, являлось Министерство труда. При этом региональные власти и в особенности муниципальные образования обладали значительной самостоятельностью в сфере нормотворчества и контроля за ситуацией в жилищной сфере. Непосредственно жилищным обеспечением занимались «жилищные службы» (Wohnungsämter) муниципальных органов власти. Они контролировали санитарное состояние жилищ и плотность их заселения с целью предотвращения перенаселенности. С началом первой мировой войны к их функциям прибавились: учет наличного жилья, составление списков нуждающихся в нем и рacionamento жилого фонда ¹². Значительную роль также играла «общественность». Так, во время первой мировой войны на местном уровне для внесудебного урегулирования отношений между домовладельцами и квартирантами создавались, как было отмечено выше, «примирительные» комиссии, состоявшие из представителей домовладельцев и квартирантов. С середины 1917 г. полномочия этих комиссий сильно расширились ¹³. Они получили право принимать окончательные, не допускавшие апелляции ¹⁴, решения о неправомерности выселения жильца или о том, что, например, квартплата, установленная домовладельцем, является завышенной и должна быть снижена.

В Германии жилье являлось мощным инструментом общегосударственной социальной политики — государство удерживало стихийный рост квартирной платы за счет ее «замораживания», а в ряде случаев даже осуществляло ее законодательное снижение ¹⁵, потому что доля расходов населения на аренду жилья в общей сумме расходов семьи оказывалась довольно высокой ¹⁶, а обеспечение устойчиво низкой квартплаты позволяло избегать необходимости повышения на общегосударственном уровне зарплаты трудящимся.

Приход к власти нацистов не принес каких-либо существенных структурных сдвигов в характере и направленности немецкой жилищной политики. Правда, нацисты старались избегать «рационирования» жилья, оставившего у всего общества крайне неприятные воспоминания. Они не хотели рисковать своей популярностью, идя на подобные принудительные меры. Поэтому их политика по улучшению жилищной ситуации ограничилась законодательным возвращением в 1936 г.: защитой жильцов от выселения, замораживанием квартирной платы на уровне «квартплаты мирного времени» ¹⁷ и запретом на перепрофилирование жилых помещений в нежилые ¹⁸. Единственной категорией населения, на которую меры по защите от выселения не распространялись, оказались евреи. В 1939 г. был принят специальный дискриминационный закон, который поставил их в абсолютно бесправное положение на рынке жилья — домовладельцы получили право выселения евреев-квартирантов по любому поводу, а еврей-домовладелец обязывался по требованию местных властей вселять к себе в качестве дополнительных жильцов других евреев, у которых отбирали их собственное жилище или принудительно выселяли из арендуемого ¹⁹.

В 1939 г. правительство предписало домовладельцам сдавать часть освобождавшегося жилья многодетным семьям ²⁰. А катастрофические разрушения жилого фонда в ходе бомбардировок территории Герма-

нии войсками стран антигитлеровской коалиции вынудили в 1943 г. принять решения о возвращении жилой функции помещениям, перепрофилированным прежде в нежилые; первоочередном вселении в освобождавшееся жилье лиц, относящихся ко «льготным и поощряемым категориям населения» (bevorrechtigte und begünstigte Volkskreise); ограничении въезда в населенные места с особо острым дефицитом жилья (Brennpunkten des Wohnungsbedarfs) и, напротив, облегчении выезда оттуда²¹. Фактически, это было возвращение к «рационированию» жилья, правда, все же, в более мягкой форме, чем в начале 1930-х годов.

В дореволюционной России государственная жилищная политика находилась примерно в таком же состоянии, что и в Германии. Отношения найма жилья регулировались законом «О найме и отдаче в содержание частных имуществ»²², который накладывал очень мягкие ограничения на домовладельцев, запрещая лишь перепрофилирование жилых помещений в нежилые. Какие-либо внешние регуляторы по выселению квартирантов или размеров квартирной платы отсутствовали. Лишь во время первой мировой войны под влиянием тех же процессов, с которыми столкнулась Германия, российские власти вынуждены были ввести меры сдерживания в отношении выселения жильцов и ограничения на рост квартирной платы.

Совершенно иная ситуация сложилась в послереволюционный период в Советской России. По названию виды собственности на жилые домовладения в СССР были схожи с теми, которые существовали в Германии (и дореволюционной России): государственный жилой фонд, ведомственный, кооперативный, частный. Однако задача огосударствления городского жилищного сектора стояла на первом месте. И была реализована. Причем, в первые же дни прихода к власти большевиков основной массив городской недвижимости был принудительно отобран у бывших владельцев и переведен в государственную собственность. Эта процедура именовалась «муниципализацией». Ей подверглись все капитальные (каменные) и деревянные дома площадью свыше 115 кв. метров²³. Экспроприированный жилой фонд был передан в распоряжение и хозяйственное ведение народных комиссариатов, которые выступали «субъектами» хозяйственной деятельности в отдельных отраслях государственной экономики. Фактически, после революции именно они стали «владеть» (руководить) всеми трудовыми ресурсами, сосредоточенными в городах и в условиях «огосударствления жизнедеятельности» вынуждены были решать все вопросы, связанные с их расселением.

В период военного коммунизма и начальный период нэпа главной целью ведомств было удержание старых квалифицированных рабочих кадров, которые из-за экономической разрухи и наступившего голода массово мигрировали из города в деревню. Жилище, отобранное у частных собственников и переданное наркоматам, использовалось руководством ведомств для приманивания на работу тех, кто жил в скученных условиях, на окраине городов, в неблагоустроенном деревянном жилище или в рабочих казармах. Правительство обеспечивало стратегию использования жилища в качестве средства привлечения и удержания трудовых ресурсов за счет принятия соответствующих законов, предписывавших безжалостно изгонять из

ведомственного жилища тех, кто «утратил связь с предприятием», из рук администрации которого они получили жилище. В частности, подобные меры обеспечивались введением статуса так называемых «закрепленных» домов, то есть жилищ, переданных государством в распоряжение наркоматов. Подобное «государственно-ведомственное» жилище было основано не на «частно-договорных отношениях» (как в Германии или дореволюционной России), а на «служебно-должностных». Это означало, что «смерть, перевод или увольнение служащего, получившего жилье, незамедлительно влекли замену его другим служащим с предоставлением ему помещения, занимавшегося предшественником»²⁴.

В СССР жилищная политика осуществлялась на государственном уровне (как и в Германии) отдельным министерством. Эту функцию выполнял Народный комиссариат внутренних дел (НКВД), основывавший свою деятельность на тех постановлениях (декретах), которые издавались высшим партийным руководством и правительством. Муниципальные образования не обладали никакой автономией в сфере нормотворчества и, фактически, являлись лишь сугубо исполнительными органами в проведении партийно-правительственных решений и распоряжений НКВД.

В результате политики массовой муниципализации частного жилого фонда и, несмотря на процесс демуниципализации, начавшийся с введением новой жилищной политики и нэпа, в крупных городах осталось лишь незначительное количество частных собственников жилья. Величина арендной платы, которую они устанавливали для квартирантов, абсолютно не интересовала ни муниципальные власти, ни государство. Главное внимание руководства страны в начале 1930-х гг. оказалось сосредоточенным на формировании исключительно ведомственного жилого фонда и, соответственно, на разработке системы законодательных мер по использованию его как средства принуждения к труду на предприятиях государственной промышленности и в советских учреждениях. Причин у населения для отказа работать в государственном секторе народного хозяйства было много: нежелание сотрудничать с новой властью из принципиальных соображений, работать не по специальности, работать на тех условиях, которые предлагались; несогласие с некомпетентным партийно-административным руководством и т. п. При отсутствии иных стимулов, именно распределение жилья из общегосударственного жилого фонда (только тем, кто поступал на работу в государственный сектор экономики) превращалось в, пожалуй, единственное по-настоящему эффективное средство руководства трудовыми ресурсами.

Обострение жилищной проблемы правительство СССР стремилось компенсировать не строительством дополнительных объемов нового жилья, а мерами, направленными, в первую очередь, на уплотнение существовавшего жилого фонда. При этом, если в Германии серьезные усилия сосредоточивались на защите квартирантов от выселения, то в СССР, напротив, законодательные меры направлялись на ужесточение системы мероприятий по выселению граждан из занимаемых ими ведомственных жилых помещений.

«Ведомственное» жилье использовалось также как средство устрашения для нерадивых работников — всех тех, кто отличался недо-

бросовестным отношением к труду, прогулами, опозданиями, бесцельным хождением по предприятию в рабочее время, нарушениями правил внутреннего трудового распорядка и т.п. Власть боролась с лодырями, прогульщиками, «летунами», используя: материальные средства, выговоры, а также крайнюю меру — увольнение. Рабочий или служащий, допустивший в течение одного месяца три таких нарушения как опоздание на работу без уважительных причин, преждевременный уход на обед, опоздание с обеда, уход с предприятия или учреждения до окончания работы, бездельничание в рабочее время, или четыре подобных нарушения в течение двух месяцев подряд, подлежал увольнению, как прогульщик и нарушитель закона о труде и трудовой дисциплине. Но даже будучи «уволненными за нарушение трудовой дисциплины или самовольно бросившими работу на предприятии», эти люди продолжали обитать «в домах, построенных заводами и фабриками для своих рабочих»²⁵. Этим они «размывали» целостность и моральный климат коллективов. И с этим правительство боролось самым решительным образом — принимаемые им постановления предписывали незамедлительно выселять уволенных из ведомственного жилища, предоставленного им в момент поступления на работу²⁶.

Следует заметить, что жилище использовалось не только для комплектования стабильных трудовых коллективов и усиления трудовой дисциплины, но и в качестве средства борьбы с инакомыслием и любым иным противодействием власти. Для этого вполне конкретное определение «плохо-трудящийся», было дополнено нечетким и неконкретным определением — «дезорганизатор производства» и еще более грозным — «злостный дезорганизатор производства»²⁷. Тем самым, под увольнение подводились не только те, кто плохо трудился, но и те, кто, возможно, старательно работал, но был чем-то недоволен, открыто это недовольство высказывал и в итоге своими действиями или словами, по мнению администрации, противостоял ей. Эти лица могли быть названы «дезорганизаторами» производственной деятельности, а при повторяющихся действиях с их стороны — «злостными дезорганизаторами», и тут же на вполне законном основании уволены. Причем, выселение «злостных дезорганизаторов производства» из ведомственных помещений производилось администрацией на предельно жестких условиях — «немедленно по их увольнении»²⁸.

Самодетельная и добровольная жилищная кооперация возникла в России задолго до 1917 года. После революции она активизировалась, благодаря исторической памяти о ее эффективности в разрешении жилищных проблем. Однако советскому руководству в условиях устремленности к тотальному огосударствлению всех сторон жизни и деятельности, не нужна была никакая посторонняя самоорганизующаяся сила, действующая независимо от осуществляемой государством жилищной политики. Более того, самодетельная кооперация мешала власти, так как размывала ее исключительное право использовать дефицит жилья как средство управления человеческими массами. Начиная с 1924 г., целой серией законодательных и организационных мероприятий советская жилищная кооперация все в большей степени вводилась в такое правовое поле, которое лишало ее какой бы то ни было самостоятельности в принятии решений. Фак-

тически во второй половине 1930-х гг. советская жилищная кооперация оказалась поставлена в полную зависимость от государства, глобально подчинена ему.

Частное жилище в рамках осуществлявшейся государством жилищной политики, также оказалось лишенным какой-либо свободы. В СССР оно таковым по сути не являлось, вследствие того, что государство почти полностью лишило собственника всяческих прав на недвижимость, оставив лишь обязанность заботиться о поддержании домостроений в нормальном техническом состоянии. При этом оно присвоило себе право свободно распоряжаться «частным жилищем», фактически приравняв его к «ведомственному». Например, когда в середине 1940-х гг. резко обострился жилищный кризис из-за снижения объемов «государственно-ведомственного» строительства в тех городах, которые в ходе реализации программы индустриализации получали статус краевых и областных центров (Киров, Красноярск, Пятигорск, Ессентуки, Минеральные Воды, Оренбург, Орск, Омск, Куйбышев и др.), что вызвало стремительное увеличение числа привлеченных госслужащих и чиновников партийного и советского аппаратов и силовых ведомств, власть целой серией постановлений разрешила городским советам «производить изъятие 20% жилой площади в тех частновладельческих домах, где это изъятие могло дать отдельное помещение не ниже минимальной нормы»²⁹. А чтобы вселить на изымаемую жилплощадь как можно большее количество людей, государство отдельными постановлениями сократило минимальную норму распределения жилой площади, законодательно снизив ее с 8 до 5 кв. м на человека.

Своими постановлениями государство принуждало муниципальные власти, владевшие частью городского жилого фонда, осуществлять постоянные уплотнения, переселения, выселения, перемещения для обеспечения жилищем расширявшегося состава муниципальных служащих и работников предприятий городского хозяйства.

Все перечисленные мероприятия трактовались как временные меры, которые (так же как и «рационирование» жилища в Германии) должны были быть отменены после того, как улучшится ситуация. Однако дефицит жилья был выгоден советской власти, поскольку она целенаправленно использовала его как мощный фактор, подталкивавший людей к трудоустройству. Основные формы собственности на жилище были неразрывно связаны с этим условием. Человек мог обрести жилплощадь фактически лишь из рук администрации предприятий и учреждений и исключительно в случае его устройства на работу. От местной власти он мог получить несколько квадратных метров в коммунальной квартире тоже только в случае поступления на работу в госсектор. Вступить в члены жилищного кооператива можно было лишь по месту работы, где и формировались жилищно-строительные кооперативные товарищества.

Таким образом, в отношении СССР скорее следует говорить не о ведомственном, кооперативном и частном жилище, а «государственно-ведомственном», «государственно-кооперативном» и (несмотря на всю парадоксальность данного словосочетания) «государственно-частном». Власть вкладывала основные средства в возведение лишь одного типа жилого фонда — «государственно-ведомственного». «Госу-

дарственно-кооперативный» сектор тоже полностью находился в распоряжении администрации промышленных предприятий и советских учреждений. Вложения эти были совершенно недостаточными. Прежде всего, потому, что основная часть государственного бюджета направлялась не на строительство жилья, а на возведение объектов военно-промышленного комплекса.

Внешние стороны жилищной политики в Германии и России почти не отличались. В обеих странах жилье использовалось государством, как мощное средство социальной политики. В обеих странах государство активно вмешивалось в частный рынок жилья. И в СССР, и в Германии жилищная политика дискриминационной стороной была повернута к собственникам жилья — ограничивала их в правах, принуждала исполнять распоряжения правительственных, федеральных/губернских, краевых, областных, муниципальных органов власти. В обеих странах в целях обеспечения основной массы населения жилищем государство вынуждено было принять на себя учет состояния жилого фонда и заняться его перераспределением, заменяя стихийную самовольную аренду на плановое государственное распределение.

И там, и там, льготами наделялись военнослужащие: в Германии — невыселение гарантировалось семьям фронтовиков, в Советской России — семьи красноармейцев еще и освобождались от оплаты за жилье. Схожими по своей структуре и иерархии были и органы осуществления жилищной политики: министерства, «жилищные службы» (в Германии) и коммунальные отделы исполкомов (в Советской России); «жилищные комиссии», состоявшие из представителей домовладельцев и квартирантов (в Германии) и местной власти и «сознательных» жильцов (в СССР) и т.п. Квартплата выводилась из-под влияния стихии рынка и фиксировалась. Ее рост «замораживался» в Германии и специальными распоряжениями «устанавливался» в СССР.

Близким было даже определение «излишков» жилья: в Германии им считалось все, что превышало формулу: $N+1$ (где N — количество членов семьи); в Советской России «излишком» было все, что относилось в понятие «богатой квартиры», формулу которой ввел В.И. Ленин в марте 1918 г.: «Богатой квартирой считается также всякая квартира, в которой число комнат равняется или превышает число душ населения, постоянно живущего в этой квартире»³⁰. То есть, согласно формуле $N-1$, жильцов в «нормальной» квартире должно было быть на одного больше, чем комнат.

В производственной политике СССР материальные стимулы к труду заменялись администрированием, в котором жилищу, с первых дней существования советской власти, была придана ключевая роль. Предоставление жилья, его перераспределение, изъятие, силовое вселение и принудительное выселение из него — все это были средства воздействия власти на людей. Угроза увольнения и автоматического лишения места жительства, альтернативу которому было найти практически невозможно, эффективно исполняла свою принудительную функцию.

Потребность советской власти в социально однородном, контролируемом, управляемом, прикрепленном к месту труда и месту жительства коллективе, находила свое воплощение в создании «государ-

ственно-ведомственного» жилища коммунального типа (рабочие общежития, дома-коммуны, квартиры покомнатно-посемейного заселения и т.п.), в котором совместно проживали те, кто вместе трудился. Именно на его возведение направлялись основные государственные финансы и материальные ресурсы.

Дискриминационная составляющая советской жилищной политики, действовавшей на протяжении всего рассматриваемого периода, направлялась на другую категорию и по иному, нежели в Германии, принципу — не по национальному, как при нацистах по отношению к евреям, а по социальному. Дискриминационная составляющая советской жилищной политики была обращена к «социально-чуждым элементам»: дворянам, адвокатам, бывшим офицерам царской армии, банкирам, заводовладельцам, фабрикантам, а также нэпманам, то есть к тем категориям граждан, которые со стороны советской власти подвергались преследованиям и репрессиям. Однако уже в конце 1930-х гг. и особенно в период первых пятилеток дискриминационная составляющая все в большей мере начала переноситься и на «социально-близкие» сословия: крестьян (самовольных мигрантов в города, не желавших поступать на работу в государственный сектор); рабочих и служащих — «плохо-трудящихся» и «возмутителей спокойствия» — тех, кто отлынивал от работы или открыто выражал свое несогласие с решениями администрации, демонстрировал инакомыслие или критиковал власть.

Примечания

1. BRANDER S. Wohnungspolitik als Sozialpolitik. Theoretische Konzepte und praktische Ansätze in Deutschland bis zum Ersten Weltkrieg. Berlin. 1984, S. 81.
2. ЯКОВЛЕВА Ю.А. Регулирование рынка жилья в России в конце XIX — начале XX века. Дисс. канд. эк. наук. СПб. 1993.
3. В отдельных городах Германии существовали минимальные нормы жилой площади на человека, которые составляли 3—4 кв. метра. Но даже эти, с современной точки зрения, недостаточные нормы, во многих случаях нарушались. См.: BRANDER S. Op. cit., S. 102—103.
4. Или использовали типовые тексты договоров, выработанных ассоциациями квартировладельцев, также выражавших, прежде всего, их собственные интересы. См.: HÄUBLEIN M., LEHMANN-RICHTER A. Mieterschutz in der Bundesrepublik Deutschland, 2009. — Wohnrechtliche Blätter. 2009, № 22, S. 363.
5. Gesetz, betreffend den Schutz der infolge des Krieges an Wahrnehmung ihrer Rechte behinderten Personen vom 4. August 1914, RGBl, S. 325—328.
6. Bekanntmachung zum Schutze der Mieter vom 26. Juli 1917, RGBl, S. 659—660; Bekanntmachung zum Schutze der Mieter vom 23. September 1918, RGBl, S. 1140—1143.
7. Reichsmietengesetz. Vom 24. März 1922, RGBl, S. 273—279.
8. Более того, были введены ограничения перемещений граждан между населенными пунктами и в ряде случаев даже запрет на заключение браков.
9. Bekanntmachung über Massnahmen gegen Wohnungsmangel vom 23. September 1918, RGBl, S. 1143—1146.
10. FÜHRER K.C. Mieter, Hausbesitzer, Staat und Wohnungsmarkt. Wohnungsmangel und Wohnungszwangswirtschaft in Deutschland 1914—1960. Stuttgart. 1995, S. 306, 319—320.
11. Wohnungsmangelgesetz. Vom 26. Juli 1923, RGBl, S. 754—757.
12. Amt für Wohnen und Migration München «100 Jahre Wohnungsamt. 1911 bis 2011», 2011. München, S. 9—13.
13. Bekanntmachung zum Schutze der Mieter vom 26. Juli 1917, RGBl, S. 659—660.

14. Эти решения, принимавшиеся по так называемому «справедливому усмотрению» («nach billigem Ermessen»), часто основывались на значительной свободе интерпретации существовавших законов.
15. Например, понижение квартплаты в рамках общего директивного снижения цен правительством Г. Брюнинга в 1931 г. в ответ на экономические потрясения, обусловленные Великой депрессией.
16. Накануне первой мировой войны, в 1910—1913 гг., этот показатель составлял в Германии 15,7%. К 1925—1929 гг., во многом благодаря замораживанию квартплаты, он снизился до 11,3%. См.: Wohnungspolitik im Sozialstaat. Wohnungspolitik im Sozialstaat. Deutsche und europäische Lösungen 1918—1960. Düsseldorf. 1993.
17. Verordnung über das Verbot von Preiserhöhungen. Vom 26. November 1936, RGBl, S. 955—956.
18. Gesetz zur Änderung des Reichsmietengesetzes und des Mieterschutzgesetzes. Vom 18. April 1936, RGBl, s. 371.
19. Gesetz über Mietverhältnisse mit Juden. Vom 30. April 1939, RGBl, S. 864—865.
20. Verordnung zur Erleichterung der Wohnungsbeschaffung für kinderreiche Familien. Vom 20. April 1939, RGBl, S. 816—817.
21. Verordnung zur Wohnraumlenkung. Vom 27. Februar 1943, RGBl, S. 127—130.
22. Свод законов Российской империи. Законы гражданские. Т. X. СПб. 1900, ч. 1, кн. 4, разд. 3, гл. 2, отд. 1.
23. Об условиях демуниципализации домов. Декрет СНК от 28 декабря 1921 г. В кн.: Систематическое собрание законов РСФСР, действующих на 1 января 1928. Т. 2. М. 1929, с. 861.
24. О разъяснении порядка освобождения жилищ в железнодорожных зданиях в полосе отчуждения от лиц, утративших право на их занятие. Разъяснение НКПС и НКЮ № 562 от 29 июля 1922 г. Жилищное право. Комментарная сводка узаконений. М. 1923, с. 74.
25. О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины и улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле см.: Постановление СНК СССР, ЦК ВКП (б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 г. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. М. 1967, с. 665—666.
26. Постановление ЦИК и СНК СССР от 17.10.1937 «О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах». Там же, с. 617—627); Постановление СНК СССР, ЦК ВКП (б) и ВЦСПС от 28.12.1938 «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины и улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле». Там же, с. 665—672.
27. Собрание законов СССР (СЗ СССР). 1933, № 47, ст. 278.
28. Там же. 1935, № 59, ст. 483.
29. СУ РСФСР. 1934, № 10, ст. 69; № 30, ст. 183; 1935, № 3, ст. 15; № 4, ст. 31; № 6, ст. 6; № 11, ст. 116; № 13, ст. 138.
30. ЛЕНИН В.И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 380.

В. Станевич и земельная реформа в Западной Беларуси в 1921—1939 гг.

В.П. Гарматный

По данным сельскохозяйственной переписи, проведенной польскими властями 30 сентября 1921 г., количество крестьянских хозяйств с 6—10 разбросанными земельными наделами составляло по Второй Речи Посполитой в среднем 23,5% ¹. Наиболее высокая чересполосица наблюдалась в южных (77% хозяйств) и восточных (60%) ² областях, а в западных (земли, которые ранее находились в составе Прусской и Австро-Венгерской империй) она фактически отсутствовала ³.

Около 40% крестьянских хозяйств восточных воеводств Второй Речи Посполитой имели земельные наделы шириной менее 1—2 метров, а 14% — менее 1 метра в ширину. Так, например, в деревне Матуйзы-Блондишки Лидского повета Новогрудского воеводства многие наделы составляли в длину около 600 метров и в ширину — всего 3 метра ⁴. По состоянию на 1923 г. у крестьян упомянутой деревни Юзефа Матуза и Антония Матуза насчитывалось более чем по 20 небольших наделов пахотной земли ⁵. За 1865—1923 гг. средний надел крестьян этой деревни уменьшился с 25,5 га до 9,5 га (на 62,7%): из хозяйств, которые получили первоначальные наделы, только 7 осталось в прежних границах, 1 увеличилось до 30 га, а остальные существенно уменьшились ⁶.

Наличие чересполосицы можно объяснить быстрым дроблением крестьянских хозяйств из-за высокого натурального прироста, невозможности приобрести землю в одном месте из-за ее дефицита и высокой стоимости. Чересполосица затрудняла жизнь крестьян, оказывала отрицательное влияние на качество обработки земли и способствовала снижению показателей урожайности земли, поэтому проведение комасации (объединения разбросанных крестьянских земельных наделов с перенесением избы и созданием таким образом

Гарматный Виталий Петрович — старший преподаватель Барановичского государственного университета. Беларусь.

хутора) на землях Западной Беларуси и Западной Украины было жизненно необходимым и чрезвычайно актуальным для дальнейшего успешного развития личных крестьянских хозяйств. На землях коренной Польши осуществление комасации началось еще в 1919 г., а на территории восточных воеводств оно стало возможным только после завершения советско-польской войны (1919—1921 гг.) и подписания Рижского мира (18 марта 1921 г.)⁷.

Сами польские ученые и государственные деятели отмечали, что подобная ситуация в землевладении наблюдалась ранее и в Западной Европе, но там объединение крестьянских земельных наделов произошло намного раньше: в Пруссии — в 1823, в Австрии — в 1848 году⁸. Как отмечал известный польский теоретик аграрной науки Франтишек Буяк: «... не менее важное значение будет иметь комасация или объединение земель. Молодой крестьянин имеет более высокие жизненные потребности и не будет хотеть удовлетворить их работой на вдвое или втрое меньшем наделе, чем у его отца и с удовольствием согласится на выплату своего наследства от брата, остающегося на хозяйстве. Через комасацию, совмещенную с расселением деревни будут созданы органические целостности, почти что живые, хозяйственные единицы, которые будет жаль делить их владельцам; благодаря этому остановится обычай делить землю между всеми детьми в равных частях. Имело бы то положительное влияние, если бы наподобие швейцарского гражданского кодекса было бы проведено изменение наследственного законодательства в том направлении, если бы в случае беззавещательного наследства получить землю мог тот из наследников, кто выплатит остальным наибольшую выплату.

Проведение комасации (во Второй Речи Посполитой) является неизбежным условием роста производительности сельского хозяйства и в целом аграрного прогресса. Комасация должна идти одновременно с расселением деревни на хутора» (выделено в тексте)⁹.

По мнению представителей значительной части польской элиты, комасация должна была стать главной составной частью аграрной реформы: так, например, 14 июня 1923 г. в Сейме Второй Речи Посполитой отмечалось, что «закон о комасации на пути к рациональному сельскому хозяйству надо трактовать прежде всего как опору, как фундамент»¹⁰. По оценкам исследователей, в межвоенной Польше необходимо было объединить от 9 млн до 14 млн га земли.

31 июля 1923 г. Сейм принял закон об осуществлении комасации¹¹, который не единожды уточнялся, но имел обязательную силу вплоть до января 1968 года. Согласно принятому закону, наделы одного хозяина, длина которых по отношению к ширине составляла менее 15 раз, отделенные от себя наделами другого владельца, считались раздробленными и чересполосными и подлежали объединению в соответствии с основами справедливого хозяйствования (статья 1). Инициаторами осуществления объединения земель могли быть владельцы не менее 25 га, а если общая площадь таких земель не превышала 200 га — то владельцы не менее 1/10 земли (статья 14). Просьбы об осуществлении объединения земель подавались в поветовое земельное управление, которое должно было на месте определить настоящее положение дел и в случае требований других органов власти установить, исходя из хозяйственных и топографических подходов, пло-

шадь земель, подпадающих под объединение (статья 15). После этого просьбу крестьян рассматривало поветовое земельное управление, которое на своем заседании, согласно кадастровым книгам, утверждало границы объединяемых земель, либо отвергало проект (статья 16). Полномочное решение окружной земельной комиссии должно было быть доведено до сведения всех сторон и широкой общественности ¹².

28 декабря 1925 г. Сенат Второй Речи Посполитой утвердил принятый Сеймом закон об осуществлении аграрной реформы, который стал результатом большого политического компромисса: в его текст было внесено 903 поправки ¹³. Аграрная реформа, которая предусматривала, прежде всего, осуществление комасации, ликвидации сервитутов (права совместного пользования крестьян и помещиков земельными угодьями) и парцелляции (продажи крестьянам части помещичьих земель), в целом была рациональной попыткой эволюционного изменения основ и структуры тогдашней деревни в рамках сложившихся экономических возможностей сельского хозяйства и финансов страны ¹⁴. В соответствии с рассматриваемым законом, министр сельского хозяйства и сельскохозяйственных реформ получил право приказать передать малоземельным крестьянам распарцеллированную землю в размере, необходимом для их наделения. Приказ министра мог быть исполнен через продажу Государственным Сельскохозяйственным банком земли крестьянам в срок, определенный в каждом случае отдельно, в зависимости от сложившихся обстоятельств, но в целом не менее 3 месяцев и не более 1 года (статья 15) ¹⁵.

Среди польских государственных деятелей межвоенного периода проведение комасации на западнобелорусских землях наиболее активно поддерживал министр сельскохозяйственных реформ Второй Речи Посполитой (20 июня 1926 г. — 4 декабря 1930 г.) ¹⁶ в кабинете премьер-министра Казимира Бартеля, крупный землевладелец Западной Беларуси, профессор Витольд Станевич (16.09.1887, Вильно — 14.06.1966, Познань) ¹⁷, предки которого были родом из окрестностей Лиды. Одну из своих книг Станевич посвятил исследованию истории деревни Матуйзы-Блондишки Лидского повета ¹⁸.

Автор отмечал, что без подъема сельского хозяйства нельзя рассчитывать на возрождение разрушенной во время первой мировой войны экономики Второй Речи Посполитой и считал необходимым поддержку со стороны государства независимых самостоятельных индивидуальных хуторских хозяйств фермерского типа ¹⁹. Еще 6 августа 1925 г. в своей речи в Гродно политик отметил: «... на мой взгляд, крупнейшие земельные владельцы, согласно своим хорошо понимаемым интересам, должны помочь правительству в его деятельности при проведении в жизнь закона от 28.XII.1925 г., который предусматривает между прочим и принудительную парцелляцию, так как имения, окруженные удовлетворенным народом, находящимся на соответственном культурном и сельскохозяйственном уровне, могут намного легче вести свое хозяйство и находятся в гораздо лучшем положении и социальном отношении, чем имения, вокруг которых находится темный элемент, который имеет враждебные настроения относительно польского государства и крупного земельного владения».

В отличие от многих своих коллег по правительству, новый министр сельскохозяйственных реформ был не слишком политически

активным и концентрировался на науке и работе в сфере реформирования сельского хозяйства страны. Как полагал Станевич, комасация вырвет крестьян из «той системы психологического принуждения, которая ограничивает (в сельском хозяйстве) каждую самостоятельную единицу, делает невозможным ее творческий потенциал и бесцельно тратит те бесценные сокровища, что спрятаны в крестьянине»²⁰. Доводы Витольда Станевича оказали решающее влияние на разработку польскими политическими партиями проектов решения аграрного вопроса и, прежде всего, осуществления комасации²¹. Главную цель своей политики новый министр видел в переориентации крестьянских хозяйств, которые в своем подавляющем большинстве носили наполовину натуральный характер, на товарно-денежные отношения. Как мелкие, так и крупные собственники, должны были вести интенсивное хозяйство, требовавшее значительных капиталовложений (прежде всего за счет дешевых банковских кредитов), но с которого можно было получить большую прибыль.

Вступая на пост министра сельскохозяйственных реформ, Станевич получил от своих предшественников хорошо подготовленную программу аграрных преобразований. В первых своих публичных выступлениях новый министр отметил, что считает необходимым провести аграрную реформу с наименьшими для страны потерями²². Витольд Станевич подчеркивал, что «не размер большого земельного владения становится причиной польской аграрной болезни, и не в парцелляции следует искать источников санации (оздоровления) всего строя»²³.

В качестве главной проблемы сельского хозяйства Второй Речи Посполитой политик отмечал бедность большинства населения, вызванную перенаселением деревни и безработицей в городе. Решение этой проблемы Станевич видел в укреплении внутреннего рынка, прежде всего в деревне, и поэтому на посту министра сельскохозяйственных реформ принимал активное участие в работе многочисленных совещаний, съездов и встреч, пропагандируя собственную программу аграрных преобразований²⁴.

Наилучшим выходом в сфере сельского хозяйства Витольд Станевич считал не парцелляцию, которая ставила своей целью утолить земельный голод, что было невозможным в условиях быстрого прироста населения в деревне, а по возможности наделение землей карликовых хозяйств, которые самостоятельно не могли прокормить семью владельца, и перевод их на рыночные отношения. По мнению профессора, проблема аграрной реформы по своей сущности являлась чисто экономической, но ее решение правительством могло дать большое положительное значение — соединить крестьянские массы с польским государством. В связи с этим Витольд Станевич предлагал следующую программу осуществления аграрных преобразований: 1) комасация; 2) наделение землей мелких хозяйств; 3) кредитование крестьян через государство; 4) создание новых хозяйств на месте парцеллируемых имений; 5) насаждение осадничества на землях Западной Беларуси и Западной Украины; 6) осуществление мелиорации; 7) ликвидация сервитутов и 8) заработная эмиграция²⁵. По мнению Станевича, даже парцелляция должна была стать средством на пути осуществления комасации.

На заседании Совета Министров 18 августа 1926 г. проведение аграрной реформы на территории Западной Беларуси и Западной Украины было признано главной задачей, с помощью которой должна была одновременно решиться и национальная проблема. На первом этапе аграрная реформа была призвана перенести центр тяжести на две неразрывно связанные друг с другом проблемы: перестройку мелких сельских хозяйств с натуральных на товарно-денежные и сотрудничество государственных учреждений и общественных организаций на низовом уровне при проведении парцелляции и комасации²⁶. Аграрная реформа должна была содействовать переходу деревни на капиталистическую основу. Положительным героем был признан помещик или богатый крестьянин, который вел интенсивное хозяйство и в результате получал высокие урожаи. Образцы для подражания обычно находились в странах Западной Европы, а в Польше — в западных воеводствах.

По мнению польских государственных деятелей, комасация могла содействовать возрождению сельского хозяйства страны, облегчить жизнь крестьян, обеспечить продуктовую безопасность страны и создать из числа зажиточных крестьян надежную опору и противовес влиянию местных леворадикальных сил и, прежде всего, коммунистов. Так, 24 января 1927 г. на совещании во Львове руководящих работников администрации Западной Беларуси и Западной Украины Станевич отметил, что «зажиточное крестьянство на востоке (государства) будет наилучшим оборонительным валом, который защитит Польшу, а вместе с ней и всю Западную Европу, от угрозы, которая идет из Кремля» и даст гарантию того, что «агитация врагов государства не найдет среди крестьян отклика»²⁷.

В своей речи в Сейме 9 февраля 1927 г. Станевич отметил, что без проведения комасации невозможно существование мелких крестьянских хозяйств, которые могут поставлять государству продукты. Без осуществления объединения земель невозможно формирование единого внутреннего рынка и развитие городов, вместе с тем, «при комасации каждый владелец хозяйства получает значительную выгоду, переносит многие трудности и терпит убытки. Баланс приобретений и потерь для него должен быть положительным, тогда он станет приверженцем комасации. Если же этот баланс будет отрицательным, то крестьянин становится ее ярким противником. Необходимо подчеркнуть, что для мелких хозяйств трудности и различные убытки, связанные с комасацией, превосходят вытекающие из нее преимущества. Если же они, однако, получают возможность увеличения своих хозяйств, то сразу же польза комасации становится для них очевидной и соответственно наступает перемена настроения»²⁸. Вместе с тем, финансовые возможности польского государства и крестьянства Западной Беларуси были сильно ограничены, что не способствовало наделению земель требующих того крестьян²⁹.

Необходимо отметить, что в польском аграрном законодательстве действовали нормы права бывших Российской, Прусской и Австро-Венгерской империй, что значительно осложняло ситуацию. С целью кодификации аграрного законодательства, действовавшего во Второй Речи Посполитой, и подготовки аграрного кодекса 1 апреля 1927 г. по приказу Витольда Станевича была создана Комиссия упо-

рядочивания аграрного законодательства во главе с профессором права Ягеллонского университета Владиславом Леопольдом Яворским³⁰.

Одной из инициатив Станевича стала разработка законопроекта, который был призван остановить дальнейшее дробление крестьянских хозяйств. Необходимо отметить, что первым с таким предложением еще в 1924 г. выступил тогдашний министр сельскохозяйственных реформ Здислав Людкевич, который создал специальную комиссию, но после его отставки дело было надолго отложено. В начале 1928 г. Станевич вынес на заседание Совета Министров проект закона, ограничивающего возможность раздела крестьянских хозяйств менее определенных государством норм. В городских окрестностях этот запрет касался так называемых семейных усадеб (площадью до 2 га), на которых стояла изба вместе с огородом. Проект определения специальной категории неделимых хозяйств был логическим продолжением принятой программы аграрных преобразований, которая предусматривала возникновение в деревне привелегированной части элиты — владельцев зажиточных хозяйств. Противостояние дроблению крестьянских хозяйств было безусловно необходимо как с экономической, так и с общественной точки зрения. В польских условиях, когда в городах наблюдалась массовая безработица и крестьянам не было возможности найти себе работу вне деревни, государственные власти вынуждены были поддерживать ускорение имущественной дифференциации тогдашнего крестьянства, что вызывало большие изменения в общественной и экономической структуре Второй Речи Посполитой.

Первые работы по реализации комасации на западнорусских землях начались еще в 1921 г., а планомерно и целенаправленно она стала проводиться с 1926 г., но первоначально шла довольно медленно из-за недостатка у местных крестьян строительных материалов и финансовых средств для переселения³¹. С целью ускорения комасации, по инициативе Станевича, 14 января 1927 г. было издано совместное распоряжение Министерства сельскохозяйственных реформ и Министерства финансов Второй Речи Посполитой³² о предоставлении помощи выходящим на хутор крестьянам. Государственная помощь направлялась в форме кредитов на перенос старых или возведение новых построек на предоставленных наделах; проведение установленной через земельные управления сельскохозяйственной мелиорации; приобретение земельных наделов у других участников объединения земель; оплату технических работ по проведению комасации, установление права владения и урегулирование ипотеки объединяемых земель (статья 1). Государственной кредитной помощью могли воспользоваться граждане Второй Речи Посполитой, неограниченные судебным приговором, которые переходили на новые наделы и не имели для этого достаточно средств. Кроме того, такая помощь могла быть оказана тем лицам, которые объединили свои наделы до 21 сентября 1920 г. на основании постановлений, действовавших до принятия закона от 31 июля 1923 г. (статья 2).

Государственная кредитная помощь хуторянам выделялась из специально определенных на эти цели фондов Министерства сельскохозяйственных реформ в форме дополнительных займов, обычно под 4% годовых (статья 3). Владельцам новообразованных хуторских

хозяйств выделялся банковский кредит: 1 200 (в исключительных случаях до 2 500) злотых на перенесение построек и 600 (800) злотых на мелиорацию (статья 4), а также малоземельным хозяевам на покупку дополнительной пахотной земли³³. В случае, если владелец надела не мог оплатить необходимые работы и это подтверждали местные власти, ему мог быть выделен кредит на 5 лет на частичную или полную оплату работ по комасации, кроме того, власти могли вообще снять с него оплату за осуществление землемерных работ или освободить его от выплаты земельного налога сроком на 2 года.

Величина кредита на 1 га полученной земли не могла превышать ее среднерыночной стоимости в данной местности (статья 5). Кредиты в основном выдавались тем крестьянам, которые переносили на новое место собственные хозяйства. Необходимо отметить, что по оценкам современников, стоимость переноса построек в среднем составляла по 50—150 злотых с 1 га (для малоземельных обычно стоимость была в 2—2,5 раза выше).

Значительной преградой на пути комасации стало существование сервитутов, так как земли, на которые распространялось сервитутное право, не могли быть объединены без его ликвидации³⁴. Ликвидация сервитутов началась еще в 1920 г., но с 1926 г. под контролем Станевича стала проводиться более быстрыми темпами³⁵.

Для успешного осуществления комасации необходимо было дополнительное наделение крестьян пахотной землей, так, например, тогдашние исследователи подчеркивали, что «объединение наделов без наделения землей карликовых хозяйств (до 5 га) становится причиной еще большей их бедности и утраты производительных сил»³⁶, поэтому, по возможности, при комасации владельцы местных карликовых хозяйств (к ним относились хозяйства, которые не могли обеспечить семью из 5 человек), согласно циркуляра Министерства сельскохозяйственных реформ от 17 февраля 1926 г., наделялись польскими властями дополнительной землей на платной основе, исходя из определенной нормы в зависимости от региона: I экономический округ — обычно 4,0 га, II — 4,5, III — 5,0, IV — 6,0, V — 7,0 га. Западная Беларусь относилась к IV экономическому округу, и в этом случае норма составляла в основном до 5,5 га III класса урожайности в эквиваленте, цена 1 га III класса обычно приравнивалась к стоимости 20 центнеров ржи. Министерство сельскохозяйственных реформ под руководством Станевича пробовало проводить комасацию взаимосвязано и одновременно с мелиорацией и эмиграцией крестьян. До конца 1929 г. на наделение землей крестьян шло 35% общей площади распарцеллированных земель. Всего до 1939 г., по данным статистики, в восточных воеводствах (вместе с Вольной) прирост общего земельного владения хозяйств с наделами в 5—20 га, которые были основными покупателями земли, составил 94 200 га, из них новообразованные хозяйства приобрели 46 700 га (49,6%).

Вместе с тем, проведение комасации и наделение землей малоземельных крестьян критиковались с различных сторон как хаотические, слишком дорогие и затянутые мероприятия. Резко негативно к комасации относилась Коммунистическая партия Польши, которая пропагандировала проведение аграрных преобразований по советскому образцу с коллективизацией крестьянских хозяйств, что было прямо

противоположно политике комасации. Посол (депутат) Сейма от КПП Тадеуш Жарский в своем выступлении с парламентской трибуны отмечал, что «для основной массы крестьянства, для бедноты, для малоземельных и большей части середняков ... комасация и мелиорация становятся только новой трудностью. Беда или в нескольких кусках или в одном остается такой же самой бедой, а комасация и мелиорация несут еще большие трудности, оплату за исполнение работ... Ваши (правых послов. — В.Г.) крики не изменяют факта, что против комасационной и мелиорационной политики выступает основная масса крестьянства... Крестьянские массы чувствуют эту политику как помещичью политику, политику для богатых крестьян... тем более, что при проведении комасации проводится широко распространенная покупка земли бедных крестьян богатыми и изгнание этой бедноты с земли»³⁷.

Неудовлетворение крестьян вызывала также тяжелая ситуация в сфере сельского хозяйства. Под влиянием агитации коммунистов малоземельные крестьяне считали, что комасация идет на пользу исключительно богатому крестьянству³⁸, что приводило к многочисленным протестам и даже к столкновениям с полицией. Размер оплаты за осуществление работ по комасации был умеренным, но для большинства западнобелорусских крестьян и он был слишком затратным³⁹.

Таким образом, комасация стала осуществляться в Западной Беларуси планомерно с 1926 г. и более массово с 1928 г.⁴⁰, благодаря помощи хуторянам в форме льготных банковских кредитов, которая началась по инициативе Станевича⁴¹. Вследствие активной и продуманной деятельности нового министра сельскохозяйственных реформ за один только 1926 г. на хутора перешло около 12% западнобелорусских крестьян, что в 3 раза больше, чем было переселено до этого в целом⁴². Всего за 1921—1939 гг. польскими властями в Западной Беларуси было создано около 259 300 хуторских хозяйств общей площадью 1 900 000 га: с 1923 г. по 1929 г. объединились около 37 тыс. крестьянских хозяйств с 390 300 га, а за 1930—1939 гг. — 222 300 хозяйств с 1 538 300 га⁴³.

В результате объединения разбросанных наделов возрастала концентрация пахотной земли, а стоимость объединенной земли была примерно на 30% выше⁴⁴. Благодаря комасации, за счет сокращения межевых полосок примерно на 5% увеличивалась площадь крестьянского землевладения, а собственники новых наделов получили возможность рационально вести личное хозяйство и применять передовые методы хозяйствования — сельскохозяйственные машины, трехпольный севооборот и искусственные удобрения⁴⁵. Вместе с тем, значительная часть местных крестьян из-за отсутствия достаточных средств и необходимых агрономических и экономических знаний не смогла приспособиться к новым условиям труда и постепенно разорялась.

Таким образом, профессор Витольд Станевич был активным и последовательным сторонником осуществления во Второй Речи Посполитой (в том числе и в Западной Беларуси) планомерной и постепенной аграрной реформы, основной составной частью которой должна была стать комасация. Благодаря целенаправленной деятельнос-

ти Станевича были разработаны многие законодательные положения, в соответствии с которыми шло объединение земель. Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на непродолжительный период нахождения на посту министра сельскохозяйственных реформ, политик внес значительный вклад в осуществление аграрных преобразований в Западной Беларуси.

Основной целью осуществления комасации было создание в стране экономически сильных, рыночно ориентированных крестьянских хозяйств фермерского типа. Комасация должна была идти одновременно с наделением земель местных крестьян и выдачей им льготных банковских кредитов, но финансовые возможности польского правительства в 1921—1939 гг. были довольно значительно ограничены, что в большой степени затормозило осуществление объединения земель.

Проведение комасации было прервано в сентябре 1939 г. второй мировой войной, и в итоге реформа не была доведена до конца, но в целом оказала значительное положительное влияние на развитие сельского хозяйства Западной Беларуси, улучшив благосостояние местного населения, повысив уровень обработки земли и соответственно урожайность. В целом, в 1921—1939 гг. комасация способствовала снятию социальной напряженности в деревне, складыванию в стране единого внутреннего рынка и становлению в аграрной сфере Западной Беларуси капиталистических отношений.

Примечания

1. ГОЛЬДШТЕЙН И.И. Аграрные отношения в бывшей Польше, Западной Украине и Западной Белоруссии. М. 1940, с. 196.
2. KAMELA CZ. Komasaacja i jej vplyw na rozwoj ekonomiczny vsi. Matzingen. 1944, s. 1.
3. Przestrzenne, ekonomiczne i społeczne problemy scalania i wymiany gruntów. Kompendium wiedzy — poradnik dla liderów wspólnot samorządowych pod redakcją Macieja W. Wierzchowskiego. Kraków. 2007, s. 18.
4. ГОЛЬДШТЕЙН И.И. Ук. соч., с. 196.
5. STANIEWICZ W. Matujzy Bołondziszki: wieś powiaty Lidzkiego. Wilno. 1923, s. 56.
6. MIESZCZANKOWSKI M. Struktura agrarna Polski międzywojennej. Warszawa. 1960, s. 191.
7. LANDAU Z. Gospodarka Polski międzywojennej. T. II. Warszawa. 1971.
8. Dziedzictwo: ziemianie polscy i udział ich w życiu narodu. Kraków. 1996, s. 100; KONOPKA K. Mechanizm reform agrarnych w Drugiej Rzeczypospolitej Polskiej (1918—1939). Białystok. 2010, s. 120.
9. BUJAK FR. O naprawie ustroju rolnego w Polsce. Warszawa-Lublin-Łódź-Kraków. [1918], s. 151—152.
10. MICH W. W obliczu wywłaszczenia. Kwestia reformy rolnej w publicystyce ziemiańskiej 1918—1939. Lublin. 2001, s. 26.
11. Ustawa z dnia 31 lipca 1923 r. o scalaniu gruntów. — Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej (DURP). 1923, № 92, poz. 718, s. 1050—1056.
12. Przestrzenne, ekonomiczne i społeczne problemy scalania i wymiany gruntów, s. 10—12.
13. Reformy rolne w Polsce międzywojennej i powojennej. Prawo-realizacja-skutki-problemy repywatyzacyjne. Poznań. 2008, s. 37; ROSZKOWSKI W. Land reforms in East Central Europe after World War One. Warsaw. 1995, p. 102.
14. Dziedzictwo, s. 92.
15. Ustawa z dnia 28 grudnia 1925 r. o wykonaniu reformy rolnej. — DURP. 1926, № 1, poz. 1, s. 2—19.
16. ŁAPA M. Modernizacja państwa. Polska polityka gospodarcza 1926—1929. Łódź. 2002, s. 227.

17. Kto był kim w Drugiej Rzeczypospolitej. Kraków. 1994, s. 68—69.
18. STANIEWICZ W. Matujzy Bołondziszki: wieś powiaty Lidzkiego. Wilno. 1923.
19. KONOPKA K. Op. cit., s. 121; WOJTAS A. Problematyka agrarna w polskiej myśli politycznej 1918—1948. Warszawa. 1983, s. 186—187.
20. NONIEWICZ CZ. Rozwój gospodarki chłopskiej. Białystok. 1996, s. 57.
21. Экономическая мысль в Западной Беларуси в 1921—1939 гг. Минск. 2004, с. 96; MADAJCZYK CZ. Burżuazyjno-obszarnicza reforma rolna w Polsce (1918—1939). Warszawa. 1956, s. 14.
22. Historia chłopów polskich. T. 3. Warszawa. 1980, s. 133.
23. LANDAU Z. Op. cit., s. 129.
24. ŁAPA M. Op. cit., s. 257—258.
25. EJUSD. Problemy przebydowy structuralnej rolnictwa polskiego w latach 1926—1930. Program agrarny Witolda Staniewicza. Acta Universitatis Łódziensis. Folia Historica 66. Historia Polski XIX—XX wieku. Łódź. 1999, s. 124—125.
26. ДЗМІТРУК А.П. Праект Беспартыйнага Блоку Супрацоўніцтва з Урадам па арганізацыі сельскагаспадарчай працы ўрада ў Палескім ваяводстве. — Бiałoruskie Zeszyty Historyczne (Беларускі гістарычны зборнік). Беласток. 2011, № 34, s. 153.
27. СЛИВКА Ю.Ю. Західна Україна в реакційній політиці польскої та української буржуазії (1920—1939 рр.). Київ. 1985, с. 163.
28. СОРОКИН А.А. Аграрная политика буржуазно-помещичьей Польши и обезземливание крестьянства Западной Белоруссии (1920—1939 гг.). В кн.: В единой семье советских народов. Материалы Республиканской межвузовской научной конференции, посвященной 30-летию воссоединения белорусского народа в единое Советское социалистическое государство. Минск. 1970, с. 96; Mowa p. Witolda Staniewicza, ministra reform rolnych, wygłoszona na 321-em posiedzeniu Sejmu (dn. 9 lutego 1927 r.). — Dziennik urzędowy Ministerstwa Rolnictwa i Rolnych Reform. 1927, № 5, s. 146—161.
29. Przestrzenne, ekonomiczne i społeczne problemy scalania i wymiany gruntów, s. 13—14.
30. ŁAPA M. Modernizacja państwa, s. 259.
31. ODLANICKI-POCZOBUTT ST. Województwo Nowogródzkie. Wilno. 1936, s. 449—450.
32. Rozporządzenie Ministra Reform Rolnych z dnia 14 stycznia 1927 r. wydane w porozumieniu z Ministrem Skarbu o państwowej pomocy kredytowej przy scalaniu gruntów. — DURP. 1927, № 6, poz. 36, s. 45—47.
33. Przestrzenne, ekonomiczne i społeczne problemy scalania i wymiany gruntów, s. 14.
34. ŁAPA M. Modernizacja państwa, s. 268.
35. MADAJCZYK CZ. Op. cit., s. 275.
36. Ibidem.
37. Przestrzenne, ekonomiczne i społeczne problemy scalania i wymiany gruntów, s. 20—21.
38. MIESZCZANKOWSKI M. Op. cit., s. 110.
39. LANDAU Z. Zarys historii gospodarczej Polski 1918—1939. Warszawa. 1981, s. 176; ŁAPA M. Modernizacja państwa, s. 267—268.
40. СОРОКИН А.А. Аграрный вопрос в Западной Белоруссии (1920—1939 гг.). Минск. 1968, с. 94.
41. ODLANICKI-POCZOBUTT ST. Op. cit., s. 449—450.
42. СОРОКИН А.А. Аграрный вопрос..., с. 100.
43. Mały rocznik statystyczny. Warszawa. 1939, s. 70.
44. Rolnictwo w Polsce: jaki jest stan rolnictwa i co rząd robi dla jego podniesienia. Warszawa. s. 11—12.
45. Dziedzictwo, s. 99.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

А. Тьер и становление парламентаризма в годы Июльской монархии во Франции

И.В. Игнатченко

Адольф Тьер — одна из наиболее ярких фигур в истории Франции XIX века. Крупный политик своего времени, либерал по убеждениям, он был также историком, журналистом, ценителем искусства и предприимчивым буржуа. Он являлся видным деятелем либерального движения во Франции, которое сыграло колоссальную роль в становлении общественного самосознания.

Приняв самое активное участие в Июльской революции 1830 г. во Франции, Тьер очень быстро превратился в вездущего политика. Дважды (в 1836 и 1840 гг.) он становился председателем кабинета министров, на протяжении 30-х гг. XIX в. не раз возглавлял различные министерства Июльской монархии. Однако главную роль он сыграл гораздо позднее — в начале 70-х годов XIX в., когда во время немецкой оккупации Франции возглавил страну и поднял ее из руин. В 1871 г. Адольф Тьер стал одним из основоположников и первым президентом Третьей республики.

Однако вместе с тем, палач Парижской коммуны, «кровавый карлик» Тьер оказался персоной «нон грата» в советской историографии. Мнение советских историков всецело основывалось на уничижительных оценках, данных Тьеру Карлом Марксом в его знаменитой работе «Гражданская война во Франции», которая являлась своеобразным политическим памфлетом, направленным против Адольфа Тьера¹. В результате советские историки выносили ему только негативные оценки. Так, крупный советский исследователь Н.Е. Застенкер назвал Тьера «изворотливым политиканом, человеком ненасытного честолюбия, злым врагом народа..., который был в первые годы Июльской монархии верным слугой Луи-Филиппа...»². Другой советский исследо-

Игнатченко Игорь Владиславович — кандидат исторических наук, зав. кафедрой Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

ватель, Ф.В. Потёмкин, охарактеризовал Тьера как «беспринципного и продажного администратора»³.

Однако определенные принципы у Тьера все же были, и некоторые из них он отстаивал на протяжении всей своей жизни. Одним из таких основополагающих принципов была приверженность идее парламентского правления во Франции. Впервые интерес Тьера к идее представительного правления проявился в его многотомном труде «История Французской революции», вышедшем в свет в 20-х гг. XIX века. Изучение Тьером Французской революции 1789 г. подвело его к мысли о том, что конституционная монархия — лучшая форма правления. В своих симпатиях в отношении представительной монархии Тьер не был одинок — все французские либералы первой половины XIX в. считали ее идеальной формой правления. Во второй половине 1820-х гг. проблема представительного правления особенно взволновала Тьера в связи с тем, что взошедший на престол в 1824 г. новый король Франции Карл X стал проводить реакционный курс, подавляя политические свободы и не прислушиваясь к мнению своего парламента. Озабоченность Тьера будущим своей страны нашла отражение в его газетных статьях — как раз в это время Тьер стал одним из ведущих авторов либеральной газеты «Конститусьонель».

События августа 1829 г., когда премьер-министром Франции по указу Карла X был назначен Жюль Полиньяк, отказавшийся присягать конституционной Хартии 1814 г., подтолкнули Тьера к еще большим размышлениям на тему развития принципов парламентаризма во Франции. Тьер в своих политических «фантазиях» отводил нижней палате парламента значительную роль в жизни страны. Парламент «представляет страну и провозглашает волю нации» — писал он на страницах другой французской либеральной газеты «Насьональ»⁴. Палата депутатов не могла самостоятельно назначать министров, но она могла настоятельно предлагать королю свои кандидатуры. Такие министры обладали бы «доверием» парламента. Тьер хотел, чтобы были созданы прочные механизмы власти, позволявшие государственной системе не зависеть от прихотей одного правителя. Для Тьера было совершенно очевидно, что в годы правления Карла X во Франции не сложилось представительного правления⁵. По мнению Тьера, основными чертами представительной монархии являлись: наследственный и обладающий неприкосновенностью король; ответственные перед парламентом министры; наличие двухпалатного парламента; ежегодные голосования по налогам и свобода прессы⁶.

18 января 1830 г. в газете «Насьональ» появилась знаменитая максима Тьера: «король правит, но не управляет»⁷. Эта короткая фраза, ставшая его девизом, на протяжении всей жизни, должна была определить роль королевской власти в политической системе Франции. Адольф Тьер выступал за конституционную представительную монархию по английскому образцу с парламентской формой правления.

После издания королевских ордонансов, которые фактически нарушали положения Хартии 1814 г. — основного документа стра-

ны — журналист Тьер сыграл активную роль в осуществлении Июльской революции 1830 г. и смене королевской династии. Он был глубоко убежден, что смена династии Бурбонов на Орлеанов была необходима для утверждения конституционной монархии, при которой палата депутатов должна была существенно ограничить власть монарха. Поэтому цель Июльской революции 1830 г. Тьер определял коротко: «подавить волю короля и сохранить монархию»⁸. Неслучайно он написал, что «ради принципа парламентского большинства стоило сделать революцию, сбросить с трона одного и посадить другого»⁹.

Особое место во взглядах Тьера на представительную монархию занимал принцип парламентского большинства в палатах, который Тьер определял как «выражение принципа народного суверенитета»¹⁰. Этот принцип, по его мнению, должен был являться основополагающим для развития системы парламентаризма при Июльской монархии. Вместе с тем, Тьер негативно относился к идее народного суверенитета. Он утверждал, что «при Реставрации монархия находилась под влиянием злых намерений, под игом одной партии, партии прошлого. Эта партия, которую называют ультрароялистской, говорила, что над Хартией существует суверенитет, который мог аннулировать саму Хартию... Сегодня у нас есть партия, которая нам говорит, что наряду с суверенитетом Хартии существует другой суверенитет... партия, которая хотела бы, как ультрароялисты, каждый день изменять избирательный закон; партия, которая также требует тайных обществ, которая требует от вас развязывания войны... партия, которая говорит нам, что революция была совершена исключительно ею и для нее; партия, которая требует от вас пролития крови (имеются в виду республиканцы. — *И.И.*)».

Адольф Тьер называл народный суверенитет «народным абсолютизмом», сравнивая его с королевским абсолютизмом: «мы отвергаем принцип народного абсолютизма, такого же опасного и необоснованного, как королевский абсолютизм...»¹¹. Тьер также отрицал правомерность теократического суверенитета — то есть, суверенитета, основанного на божественном происхождении власти монарха: «представительная монархия, основанная на принципе божественного права, с правительством, которое опиралось на ультрамонтанство¹², за границу, была невозможна...»¹³ — считал он.

Тьер признавал только принцип национального суверенитета: «что касается национального суверенитета, мы его признали, и всегда будем признавать. Именно на принципе национального суверенитета основан трон...». В своих выступлениях Тьер, ставший в 1830 г. депутатом французского парламента, часто ставил знак равенства между народным и национальным суверенитетами, называя народный суверенитет национальным, поскольку, как он отмечал, «слово “национальный” включает в себя все части общества...»¹⁴.

На самом деле, Тьер лукавил, подменяя принцип народного суверенитета принципом национального суверенитета. Под национальным суверенитетом Адольф Тьер понимал только электорат, так называемую *pays légal*, которая обладала правом избирательного голо-

са: «... палаты формируют национальный суверенитет». Иными словами, вся власть должна была принадлежать не *pays réel* (все население), что предполагал народный суверенитет, а только *pays légal* (граждане, имевшие право выбирать). Однако, постоянно призывая со страниц либеральных изданий или с трибуны парламента следовать английской модели политического устройства, Адольф Тьер был очень непоследовательным, так как не учитывал, что в Великобритании, которая казалась ему идеалом политического устройства ¹⁵, уже в 1832 г. был принят «Акт о реформе», по которому голосовал каждый тридцатый британец ¹⁶. В то же время во Франции вплоть до свержения Июльской монархии, голосовал только один из 155—165 французов ¹⁷. Разрыв между так называемой *pays réel* и *pays légal* был колоссальным.

Таким образом, Тьер отстаивал идею цензовой монархии: «следуя вашей логике, каждый индивид, в силу своего существования составляет часть общества, и в силу своего существования имеет право быть избирателем... Я повторяю, мы не считаем, что он является избирателем по праву. Избирателем является тот, кто полезен своей стране. Избирателями могут быть только те, кого страна посчитает полезным, и кого страна объявляет таковым в соответствии с законом. В обществе 33 миллиона индивидов. Вероятно, нельзя их всех собрать, ибо одну часть составляют люди, лишённые политических прав. Другую часть составляют, в том числе, шахтеры, недееспособные старики, люди, у которых нет будущего, просвещенности, которые, обливаясь потом, едва сводят концы с концами — эти люди не могут быть допущены к осуществлению избирательных прав, общество их отвергает. Вы называете это ограничением, мы называем это принципом полезности.... общество объявляет избирателями тех, кого оно считает способным, и никого другого» ¹⁸.

Отказав французам в признании принципов «народного суверенитета», Тьер, как и остальные французские либералы, выступал за жесткую систему административной централизации, которая была введена Наполеоном I и сохранена при режиме Реставрации. Это соответствовало представлениям либералов о сильной власти, необходимой для сохранения свободы и порядка, а значит, стабильной политической системе и отсутствию революционных потрясений. С начала 30-х гг. XIX в. местные органы власти — генеральные советы департаментов, окружные советы и муниципалитеты — стали вновь избираться. Одобрив выборность местных органов власти, Адольф Тьер в своих выступлениях в 30-е гг. XIX в. выступал против дальнейшего расширения их полномочий и усиления, тем самым, децентралистских тенденций во Франции. Тьер постоянно подчеркивал, что «не может быть государства в государстве» ¹⁹.

В этом вопросе ярко проявилась этатистская (государственническая) позиция Тьера и его близость к праволиберальной традиции во Франции. По мнению этатистов, среди которых можно выделить Ф. Гизо, «либеральное» государство по своей сути может быть гарантом «свободы». Концепции этатизма противостоял «антиэтатизм».

Антиэтатисты (сторонником антиэтатизма является А. де Токвиль) считали, что государство в своей основе противоположно идее «свободы», но привержено идее «равенства». Слияние государства и общества неприемлемо для Токвиля ни в какой форме, поскольку «оно никогда не создаст подлинной свободы, а приведет к возникновению “массы”, готовой повиноваться любой диктатуре»²⁰. Изученный материал показывает, что Тьеру была гораздо ближе позиция Гизо.

Тьер не видел противоречий между либеральными принципами и определенным ограничением политических свобод. Особенно это касалось свободы прессы, существенно ограниченной с принятием суровых «сентябрьских законов» 1835 г., главным сторонником принятия которых и был на тот момент министр внутренних дел Франции Тьер (предварительное разрешение, обязательное внесение залога). Свободы предоставляются лишь тем, кто способен ими разумно пользоваться — утверждал Тьер. Таким образом, он выступал против предоставления абсолютной свободы. В этом позиция Тьера была созвучна представлениям Франсуа Гизо, считавшего, что «человек обладает некими незыблемыми правами, завоеванными в процессе длительного исторического развития, однако “гарантом” этих прав является сильное государство, построенное на либеральных принципах и в определенной степени ограничивающее некоторые свободы каждого во имя соблюдения свободы всех»²¹.

Этот «политический концепт» Гизо был во многом взят из теории Ш. Монтескье о «разделении властей» на законодательную, исполнительную и судебную, согласно которой равновесие между тремя ветвями власти не позволит установить диктатуру²². Кроме того, Гизо являлся продолжателем вольтеровской программы всеобщего равенства перед законом. Для Гизо гражданское общество четко ограничивалось формально-правовыми рамками, то есть обязательными для всех законами и контролем государства²³.

По мысли Гизо, «объективное правовое государство» может быть одновременно и сильным, и либеральным. Однако политические оппоненты орлеанистов видели в этатизме только путь к новой форме деспотизма²⁴. Тьер не являлся теоретиком проблем правового государства и построения гражданского общества с помощью государственных институтов (таким, каким был Гизо), но его государственная деятельность и комментарии, которые он давал по поводу различных политических событий в палате депутатов, свидетельствуют о том, что теория правового государства Гизо была близка Тьеру и полностью разделялась им в годы Июльской монархии.

Говоря о политических свободах, Тьер упоминал только свободу прессы, об остальных он либо умалчивал (например, о свободе вероисповедования), либо выступал против (свободы собраний, права на местное самоуправление). Можно предположить, что основополагающей свободой для Тьера в 30-е гг. XIX в. продолжала оставаться свобода прессы. Вероятно, остальные свободы не имели для него такого большого значения, как свобода слова и свобода прессы.

В этом положении усматривается влияние праволиберальных политических концепций Гизо, который в своих теоретических работах фактически не дал четкого, последовательного перечисления «свобод». «Свобода» в трактовке Гизо подразумевает только политические гарантии от государственного произвола. Поэтому в данном вопросе можно полностью согласиться с французским исследователем либерализма Л. Жомом, согласно которому концепцию индивидуальных прав и свобод, ответственности граждан и государственных служащих развил Бенжамен Констан, но эти проблемы оказались «за рамками творчества Гизо»²⁵. Однако для человека эпохи Реставрации в этом не было ничего необыкновенного. Четыре основополагающих права индивида — свобода, собственность, безопасность и сопротивление тирании — были зафиксированы в «Декларации прав человека и гражданина» 1789 г. и, надо полагать, французские либералы первой половины XIX в. под «свободами» подразумевали эти четыре позиции.

Примечательно, что перечень свобод Адольф Тьер сформулирует только в годы Второй империи во Франции, когда 11 января 1864 г. он произнесет свою знаменитую речь о пяти «необходимых свободах». Ими являлись свобода прессы, суждений, выборов, национального представительства, право большинства на государственное управление²⁶. Но, как справедливо отметил французский исследователь Пьер Розанваллон, «это свободы, которые гарантируют функционирование центральных институтов демократии, но не свободы, которые расширяют методы прямого действия индивидов»²⁷. Таким образом, по вопросу о политических свободах леволиберальные «политические концепты» (например, Б. Констана) почти не оказали какого-либо значительного влияния на Тьера, в отличие от проблем государственно-политического устройства общества, где он был ближе к теориям Констана.

Существенной особенностью Тьера как либерального политика было то, что он склонялся не просто к представительной монархии, но скорее даже к парламентской монархии, то есть, шел дальше многих французских либералов в своих политических требованиях. Следует заметить, что многие идеи Тьера о характере французской политической системы созвучны представлениям левого либерала старшего поколения Констана, изложенным в его трактате «Политические принципы»²⁸. Это и двухпалатный парламент с наследственной палатой пэров, и политически весомая нижняя палата, национальный суверенитет и внимание к роли общественного мнения в политической системе. Таким образом, допустимо заключить, что с точки зрения государственного строительства в начале 30-х гг. XIX в. Тьер был носителем леволиберальных идей.

Взгляды Адольфа Тьера по вопросу о политической системе во Франции серьезно отличались от правых либералов, идейным вдохновителем которых был Франсуа Гизо. Так, Гизо считал, что король имеет право назначать министров, лишь считаясь с мнением палат, но не подчиняясь воле большинства. Напротив, Тьер был убежден, что король обязан следовать воле парламента, а кабинет министров

должен отчитываться за свои действия не перед королем, а перед парламентом. Таким образом, Тьер отводил королю очень ограниченные властные полномочия.

Расхождения Адольфа Тьера с Франсуа Гизо и по вопросу о роли короля в управлении государством были существенными. Во взглядах Тьера, отдававшего парламенту главную роль, позиция Гизо означала иллюзорность представительного правления, «консультативную монархию», в которой «все сводилось к подаче ремонстраций»²⁹. От этого типа монархии, как считал Тьер, Франция отказалась в 1830 году. Смысл Июльской революции для Тьера заключался именно в этом. Можно предположить, поэтому, что для него было не столь важно, утвердится во Франции парламентская монархия или парламентская республика во главе с президентом, если в ней основную роль будет играть парламент.

Главным итогом Июльской революции 1830 г. Тьер считал то, что при Луи-Филиппе представительная монархия стала реальностью, а не иллюзией, как это было при Карле X: «новый король не рассматривал нашу Хартию как подаренную им, но он рассматривал себя как сторону, связанную договором, которая не может его изменить без воли всех сторон, то есть двух палат; считал обязательным обращаться к парламентскому большинству в палатах по всем вопросам, и чтобы что-то получить был обязан договариваться с парламентским большинством посредством министерства, сформированного в его рядах»³⁰.

Тьер был убежден, что с восшествием на французский престол Луи-Филиппа в стране установилась представительная монархия парламентского типа, при которой парламентское большинство формировало ответственное перед парламентом министерство — это видно из его парламентских выступлений. Поэтому Тьер полагал, что реформирование политической системы во Франции закончено, и все цели Июльской революции 1830 г. достигнуты. Но он ошибался. Согласно статьям Хартии 1830 г. — основного документа страны — министерство было ответственно только перед королем (статья 12)³¹, а принцип парламентского большинства в Хартии 1830 г. не был записан. Иными словами, с точки зрения государственного строительства, Хартия 1830 г. была практически точной копией Хартии 1814 года. Механизмы взаимодействия между нацией и королем остались прежними.

Адольф Тьер понял ошибочность своих представлений о состоянии политической системы Июльской монархии только в 1836 г., когда, возглавив правительство в том же году, он осознал, что принцип «король правит, но не управляет» в действительности не работал. По логике Тьера управлять должен был премьер-министр (то есть, сам Тьер), которого поддерживало парламентское большинство, и перед которым глава кабинета министров был ответственен. Однако практика показала, что король Луи-Филипп стремился проводить самостоятельную политику, отличную от взглядов своего главного министра (это отчетливо проявилось во внешней политике). В конце концов, Тьер был отправлен в отставку без вотума недоверия палат к

правительству. Почти такая же ситуация повторилась в 1840 г., когда он во второй (и в последний) раз возглавил правительство Июльской монархии. Но чем объяснить тот факт, что Тьер в первой половине 30-х гг. XIX в. не понимал, что на практике его политическая концепция («король правит, но не управляет») на самом деле не была осуществлена?

В этой связи представляется важным рассмотреть, во-первых, насколько представления Тьера о том, какой в идеале должна быть политическая система Франции, соответствовали реальной ситуации 30-х — 40-х гг. XIX века. Существовала ли «парламентская» традиция в годы Июльской монархии или «сильный парламент» был плодом фантазий Тьера. В таком случае, почему Тьер долгие годы верил в то, что представительная монархия парламентского типа существовала во Франции, и не высказывал критических замечаний по поводу функционирования этой политической системы раньше? Во-вторых, насколько принципы представительной монархии, изложенные Тьером в начале 30-х гг. XIX в. в его книге «Монархия 1830 года», соответствовали политической практике министерств, которые возглавлял Тьер. Чтобы ответить на эти вопросы необходимо обратиться к реальной политической практике, сложившейся в годы Июльской монархии, и, прежде всего, к функционированию министерств во Франции.

В целом, в эти годы можно обнаружить некоторые элементы негласной борьбы между Луи-Филиппом и парламентом по вопросу о функционировании министерств. Необходимо отметить, что в отличие от режима Реставрации при Июльской монархии все министры были членами французского парламента (в годы Реставрации из 54 министров только 15 представляли парламент)³². Эти данные говорят об усилении роли представительного собрания в политической системе Франции.

Если рассматривать роль парламента и королевской власти в падении правительств, то из 17 министерств Июльской монархии несколько первых правительств пали из-за внутренних разногласий (министерство Дюпон де Л'Ёра в 1830 г., Лаффита в 1831, Перье в 1832, Сульта в 1834, Жерара в 1834 г.). Парламентское большинство не имело никакого отношения к их падению. По настоянию короля появилось «министерство трех дней» под председательством герцога и пэра Франции Бассано, у которого не было никакой поддержки в парламенте, не было сильных политиков в его составе. Это эфемерное министерство герцога Бассано появилось потому, что Луи-Филипп не хотел видеть Бройля во главе правительства. Но министерство Бассано очень быстро сошло со сцены, потому что подавляющее большинство депутатов высказалось против этого министерства. На смену ему пришло министерство Мортье, в котором главную роль играли Бройль, Гизо и Тьер.

Министерство Бройля (сменившее министерство Мортье), оказавшись в меньшинстве во время голосования по одному из законопроектов (194 голоса «против» и 192 голоса «за») ушло в отставку в феврале 1836 года. Падение министерства — это бесспорная победа

парламента³³. Отставка Тьера 25 августа 1836 г. была результатом его разногласий с королем. Причина падения министерства Моле-Гизо в 1837 г. заключалась в противоречии двух лидеров внутри самого правительства. Отставка правительства Моле в 1839 г. была вызвана тем, что он посчитал оказанную ему поддержку в парламенте недостаточной (на 13 голосов «за» было подано больше). По мнению французского историка Ш. Путаса, это, пусть и косвенно, свидетельствует о победе «парламентского принципа». Падение кабинета Сульта 20 февраля 1840 г. было вызвано негативным голосованием палаты депутатов по внесенному его правительством законопроекту (было подано 226 голосов «против» и 220 «за») и означало победу парламента. Отставка второго министерства Тьера, как и в первом случае, была вызвана его разногласиями с королем.

Таким образом, три министерства были отправлены в отставку благодаря действиям парламента (министерство «трех дней» герцога Бассано в 1834 г., министерства Бройля в 1836 и Сульта в 1840 г.)³⁴. Разногласия короля с премьер-министром привели к двум отставкам (оба раза премьером был Тьер). Все остальные отставки были вызваны преимущественно противоречиями внутри самого кабинета министров. 14 из 17 отставок внешне не были связаны с действиями парламента.

Если рассматривать роль короля и парламента при формировании министерств, то в 1830—1832 гг. был период неопределенности, не существовало никаких правил при формировании кабинетов, все решали обстоятельства. Так продолжалось до 11 октября 1832 г. — важной даты в соперничестве короля и парламента. Можно согласиться с французским историком Путасом, писавшим о «войне между министерством доктринеров и королем». Эта «война» началась 11 октября 1832 г. (когда было сформировано министерство, куда вошли Бройль, Гизо и Тьер) и закончилась временной победой доктринеров, продолжавшейся до февраля 1836 года. В то же время период с 1832 по 1834 г. характеризуется постоянными внутренними разногласиями в правительстве, приводившими к частым сменам министерств. Период с 1834 по 1837 г. наиболее ярок с точки зрения противоборства короля и парламента. Министерство Бассано являлось неудавшейся попыткой короля одержать победу, низведя до минимума влияние парламента, а правительства маршала Мортье (куда вошли Бройль, Тьер и Гизо) и сменившее его в 1835 г. министерство Бройля следует рассматривать как реванш парламентариев.

Приход Тьера к власти в феврале 1836 г. знаменовал определенный перелом в противоборстве короля и парламента в пользу Луи-Филиппа. Это была бесспорная победа короля. Тем не менее, стоит заметить, что палата депутатов, свалившая правительство де Бройля, сама дала шанс королю выиграть. Убедив Тьера возглавить правительство, французский король сумел развалить коалицию доктринеров, единую до того времени. В 1836 г. Тьер принял власть из рук французского короля, а не от парламента, и таким же образом ее потерял. Тьера не поддерживало парламентское большинство. В кабинете министров не было никакого единства. Согласившись возгла-

вить правительство в 1836 г., Тьер нарушил сформулированный им же принцип «король правит, но не управляет».

Правительство Моле-Гизо 1836—1837 гг. явилось компромиссом между королевской властью (кандидатура Моле) и парламентским влиянием (кандидатура Гизо). Однако оно продержалось недолго. Второе и третье правительства Моле, в которые Гизо уже не входил, играло на руку «личному правлению» Луи-Филиппа и ознаменовало его победу над парламентом³⁵. Воспользовавшись разобщенностью парламентских фракций, король сформировал второе министерство Сульта сразу после восстания Барбеса—Бланки 12 мая 1839 года. Однако вскоре парламентарии взяли оглушительный реванш. Его итогом стало создание второго министерства Тьера в марте 1840 года.

Виктор де Бройль убедил доктринеров обеспечить поддержку кандидатуре Тьера, а самому Тьеру удалось добиться поддержки группировки Одилона Барро. Таким образом, парламент перечеркнул планы короля назначить главой правительства Л.-М. Моле. Тьеру в 1840 г. удалось привлечь на свою сторону парламентское большинство, которое было нужно ему как противовес королевской власти и подтверждение того, что он придерживался своей парламентской теории. Но это удалось сделать за счет лавирования между интересами группировок и уходом от ответов на злободневные вопросы. Однако Тьер, опиравшийся на парламент, был отправлен в отставку королем без волеизъявления палаты. Таким образом, король быстро ликвидировал успех парламентариев, сформировав министерство Сульта-Гизо в 1840 году.

Можно утверждать, что с 1831 по 1836 г. министерства Июльской монархии отличались политической однородностью. В министерство под председательством К. Перье вошли разные политические деятели, но все они проводили жесткий внутривластный курс. Эта линия была продолжена и после смерти Перье в марте 1832 года. Костяк нового министерства составляли люди с одинаковыми политическими взглядами, а само правительство основывалось на единстве трех крупных политиков: де Бройля, Гизо и Тьера. Образование министерства Тьера в 1836 г. определенно разорвало это единство. С 1836 г. политические расхождения между министрами одного правительства стали правилом при формировании министерств. Так, например, в правительстве Тьера оказалось три министра из прежнего министерства доктринеров (правых либералов), трое представителей центристской «третьей партии» и еще один министр, отражавший позицию Луи-Филиппа. Важно отметить, что только один раз в истории Июльской монархии премьер-министр смог самостоятельно сформировать весь состав кабинета министров. Этим премьером стал Л.-М. Моле в 1837 году.

Луи-Филипп поощрял ведение личных переговоров между влиятельными французскими политиками, чтобы они сами между собой распределяли министерские портфели. В таких обстоятельствах парламентское большинство как правило ничего не решало, не влияло каким-либо образом на распределение портфелей, оставаясь по боль-

шей части молчаливым сторонним наблюдателем. Практика личных переговоров сильно отличалась от английской политической традиции, но была на руку Луи-Филиппу, который не хотел иметь сильное и независимое от него правительство. За это его критиковал глава «третьей партии» Андрэ Дюпэн. Он хотел, чтобы премьер сам подбирал себе команду, а Луи-Филипп, напротив, поощрял практику, когда кандидаты в министры договаривались между собой по принципу личных симпатий и антипатий. Дюпэн критиковал короля за то, что тот старается подобрать в правительство таких министров, которые позволят ему управлять самому. Дюпэна в его критике короля поддерживал Тьер³⁶.

В годы Июльской монархии только трем премьер-министрам удалось в полной мере руководить своим министерством и быть менее зависимыми от королевской воли. Ими были Казимир Перье в 1831—1832 гг., Виктор де Бройль в 1835—1836 гг. и Адольф Тьер в 1840 году. К их числу можно отнести и Франсуа Гизо, но его точка зрения в основном совпадала с позицией Луи-Филиппа, поэтому в данном случае сложно говорить о степени независимости премьер-министра от королевской власти.

Казимир Перье первым в годы Июльской монархии ввел практику проведения «внутренних советов министерства», когда министры обсуждали все вопросы в своем кругу, а премьер уже доносил до короля общую позицию всего правительства. Бройль восстановил эту практику, утерянную со смертью Перье. Бройль пытался опираться на английский опыт парламентаризма в своей политической практике. Он не передавал королю дипломатических депеш до тех пор, пока сам их не изучит, и не позволял королю сноситься с послами других держав; общение Луи-Филиппа с послами могло проходить только через него. Бройль выступал за единство кабинета министров, солидарность министров и ответственность премьера за все действия его подчиненных. Поэтому Бройль также представлял в палате депутатов «сентябрьские законы», как это делал его министр Тьер. Бройль считал, что в министерстве не может быть двух премьеров — одного номинального, другого — действительного. В таком случае никто никому не подчиняется — отмечал он в письме к Гизо³⁷.

С приходом к власти в марте 1840 г. Адольф Тьер восстановил практику проведения «внутренних советов министерства», от которой отказались при министерствах Моле и Сульта в 1836—1840 гг. В 1840 г. Тьер обладал реальной полнотой власти. Он действительно был подлинным главой кабинета министров, но это достигалось во многом благодаря тому, что его коллеги-министры не имели никакого политического веса в парламенте (как и в период первого министерства Тьера в 1836 г.). Письма, которые получал Гизо, находясь в Лондоне в качестве посла, полны разоблачений и обвинений в тиранической власти Тьера, неспособности министров действовать самостоятельно и по своей воле. Например, герцог Орлеанский, занимавшийся военными вопросами, так обращался к Тьеру: «Я пришел поговорить с вами, потому что вы сами и есть все министерство»³⁸.

При Франсуа Гизо в 40-е гг. XIX в. «внутренние советы министерства» исчезли ³⁹. Теперь король мог оказывать большое влияние на работу министерств во время совместных заседаний, поскольку к тому времени позиция правительства еще не была выработана. В начале 40-х гг. XIX в. Гизо не имел прочной поддержки в палате депутатов. Только после парламентских выборов в 1846 г. он стал располагать уверенным большинством, а в 1847 г. официально стал главой правительства и одновременно главой парламентского большинства, тем самым его министерство стало соответствовать принципам представительной монархии, предъявляемым Тьером.

Таким образом, зависимость министерств Июльской монархии от королевской воли была вызвана в большей степени разобщенностью самих министров и их неспособностью договориться между собой. Франция не смогла соответствовать английской политической системе по двум причинам. Во-первых, из-за разрозненности парламентских фракций, в которых отсутствовала как партийная дисциплина, так и какая-либо политическая программа. Эти парламентские объединения представляли собой, как правило, группы людей, образовывавшиеся, например, вокруг Моле или Тьера, не имевшие четких границ и самоидентификации, как «третья партия». Они объединялись в силу обстоятельств и расходились по причинам личной неприязни. В палате депутатов, как правило, образовывалось только «случайное» большинство, то есть, это большинство формировалось различными группами по разным вопросам, от случая к случаю. Единственной группировкой, имевшей очерченные рамки, была та, которую возглавлял Гизо, но она не всегда была многочисленной.

Второй причиной зависимости министерств от короля были действия самого Луи-Филиппа. Он постоянно вел свою игру, ссоря лидеров фракций и играя на их личных амбициях. Парламентарии сами вызывались ему помогать (как, например, Тьер в 1836 г., расколовший блок консервативно настроенных либералов из-за личных амбиций). Вместе с тем, наблюдался неоспоримый прогресс в развитии парламентаризма во Франции. Правило парламентского большинства всегда соблюдалось. В последние годы Июльской монархии существовал слаженный кабинет министров во главе с признанным руководителем и уверенное большинство в парламенте. По замечанию Ш. Путаса, «Февральская революция 1848 г. скорее была осуждением королевских действий, а не развития парламентаризма» ⁴⁰.

Опыт двух министерств Тьера показывает, что в 1836 г. он своими действиями противоречил собственной теории о представительном правлении, но в 1840 г. уже полностью следовал принципам представительной монархии, сформулированным им же. В то же время, хотя его теория в полной мере не была воплощена в жизнь, в том числе и по вине самого Тьера (его согласие возглавить правительство в 1836 г.), можно утверждать, что «парламентская» традиция в определенной степени установилась во Франции. Доказательством слу-

жит тот факт, что парламенту, объединив усилия, удавалось свалить то или иное правительство, навязанное ему Луи-Филиппом. Также министерская ответственность, выразившаяся в большей независимости министерства от королевской воли, имела место при Казимире Перье и Викторе де Бройле, которые в большей степени опирались на парламент как противовес королевской власти. Тьер попытался продолжить эту традицию в 1840 г., но ему в конечном итоге не удалось этого сделать. Несоответствие между сложившейся практикой и политическими ожиданиями стало для Тьера большим разочарованием и предопределило дальнейшую эволюцию его взглядов по вопросам о французской политической системе в 40-е гг. XIX века.

После Февральской революции 1848 г. во Франции Адольф Тьер продолжил отстаивать идею ведущей роли парламента в системе государственного управления Франции. В годы Второй республики (1848—1852 гг.) Тьер избирался в Учредительное и Законодательное собрания, а в годы Второй империи заседал в Законодательном корпусе. В период некоторого либерального потепления 60-х гг. XIX в. голос Тьера вновь стал громко звучать с трибуны парламента. В своей знаменитой речи о необходимых свободах для Франции, ставшей своеобразным политическим вызовом устоям бонапартистской Империи (чего стоит только публично брошенная Тьером фраза о том, что с установлением Второй империи все свободы во Франции исчезли), Тьер заявил, что считает основополагающими три принципа общественного устройства: принципы национального суверенитета, порядка и свободы. Пять основополагающих свобод, а именно личная свобода, свобода прессы, свободные и честные выборы, свобода парламентских дискуссий и, наконец, министерская ответственность правительства перед парламентом — таковы базовые свободы, на которых должно покоиться государство, и которых, по мнению Тьера, в Империи не было ⁴¹.

В одной из речей Тьер пояснил, что значит для него свобода: «Что значит быть свободным? Это значит быть уверенным, что по доносу, ложному или правдивому, Вас не увезут в укрепленный замок или на отдаленный остров. Быть свободным — это значит иметь право на собственное мнение о положении дел в своей стране и возможность беспрепятственно выразить свое мнение, и быть зависимым только от правосудия. Быть свободным — это значит иметь возможность выбирать тех, кто представит это мнение, не будучи при этом уволенным, если вы — функционер, или чтобы пострадали Ваши интересы, если они зависят от государственной администрации. Быть свободным — это значит, находясь здесь, перед лицом представителей короны, не бояться открыть рот и иметь возможность потребовать от них объяснений по важным государственным делам. Быть свободным — это значит, если бы мы жили при республике, выбирать главу государства каждые четыре или пять лет; если это происходит при монархии, не смея думать никоим образом ни о каком другом государе, кроме того, что сейчас правит, иметь при государе министров, которых можно обвинить в плохом управлении страной» ⁴².

В своей речи Тьер указывал на объективные трудности, мешавшие установлению во Франции «необходимых свобод». В частности, он утверждал, что правительство Второй империи «само устанавливает, что можно критиковать, а что нельзя». Во Франции существует всеобщее избирательное право, но Тьер убежден, что власть диктует народу свою волю. Как французы могут делать политический выбор, вопрошал Тьер, если они не умеют читать и писать, а государство практически ничего не делает, чтобы образовывать своих граждан? В другом выступлении Тьер поставил под сомнение всеобщность избирательного права во Франции, указав на то, что «женщины, дети, шахтеры, иждивенцы» лишены возможности принимать участие в голосовании. Учитывая долю граждан, не имеющих права голоса на выборах, Францию нельзя назвать самой свободной страной — заключил Тьер. Он же выступил за развитие политических институтов Франции «в духе умеренной свободы»⁴³.

По мнению Тьера, только свобода прессы могла обеспечить личную свободу граждан. Но для нормального функционирования государства необходимо, чтобы общественное мнение было услышано. Для этого, считал Тьер, должны существовать честные выборы, чтобы люди могли донести мнение нации до властей, будучи избранными в парламент. Свобода парламентских дискуссий предполагала возможность парламента контролировать исполнительную власть. Главной же свободой из всех пяти «необходимых свобод» Тьер считал министерскую ответственность. Можно сделать вывод, что в 60-е гг. XIX в. политик оставался верен собственным принципам, которые он отстаивал на протяжении 20—40-х гг. в период утверждения во Франции «конституционной монархии».

В первые годы Третьей республики, когда Тьер стал главой исполнительной власти во Франции, этот государственный деятель продолжал оставаться верным принципам парламентаризма во Франции. Несмотря на то, что политические оппоненты Тьера обвиняли первого президента Третьей республики в том, что он узурпировал власть, стал чуть ли не новым диктатором Франции, Тьер — удивительный факт — являлся президентом-депутатом Франции. Наряду с исполнением обязанностей главы исполнительной власти во Франции в столь сложный исторический период (напомним, что после крушения Второй империи в результате франко-прусской войны 1870 г. Франция оказалась перед угрозой потери национального суверенитета и была раздираема крупными социальными конфликтами, ярким образчиком которого явилась Парижская коммуна 1871 г.) Тьер был депутатом Национального собрания — избираемого парламента. В 70-е гг. XIX в., когда бисмарковская Германская империя в любой момент была готова окончательно раздавить хрупкую Французскую республику, Тьер продолжал отстаивать принцип, изложенный им еще в 30-е гг., о том, что «никакой важный политический законопроект не может быть принят, если его не обсуждают в палатах»⁴⁴. Поэтому Тьер, будучи президентом Франции, в качестве простого депутата постоянно выходил на трибуну парламента, чтобы объяснить значение того или иного законопроекта — явление неслыханное в политической практике Франции XIX века.

Таким образом, можно заключить, что Адольф Тьер на протяжении всей своей долгой политической карьеры отстаивал определенные принципы, вне зависимости от политической конъюнктуры. В годы реакции при режиме Реставрации во Франции (годы правления Карла X), в годы конституционной монархии при Луи-Филиппе (когда Тьер неоднократно возглавлял различные министерства), в период Второй республики и бонапартистской авторитарной Империи Тьер отстаивал принципы парламентского правления. Став главой государства, он не отказался от соблюдения этих принципов, внося огромный личный вклад в становление и развитие парламентаризма во Франции.

Примечания

1. МАРКС К. Гражданская война во Франции. Сочинения. Т. 17. М. 1960, с. 324—325.
2. ЗАСТЕНКЕР Н.Е. Революция 1848 года во Франции. М. 1948, с. 15.
3. ПОТЁМКИН Ф.В. Лионские восстания 1831 и 1834 гг. М. 1937, с. 52.
4. *Le National*. 3.I.1830.
5. THIERS A. Discours parlementaires de m. Thiers. P. 1879, vol. 1, p. 46; EJUSD. La monarchie de 1830. P. 1831, p. 34.
6. EJUSD. La monarchie de 1830, p. 8.
7. *Le National*. 18.I.1830.
8. THIERS A. La monarchie de 1830, p. 40.
9. *Ibid.*, p. 34.
10. THIERS A. Discours parlementaires..., vol. 1, p. 479.
11. *Ibidem*.
12. Ультрамонтанство (от лат. *ultra montes* — за горами, то есть за Альпами, в Риме) — религиозно-политическое направление в католицизме, сторонники которого отстаивают идею неограниченной верховной власти римского папы и его право вмешиваться в светские дела любого государства.
13. THIERS A. Discours parlementaires de m. Thiers. P. 1879, vol. 2, p. 282.
14. *Ibidem*.
15. *Ibid.*, vol. 1, p. 124, 150.
16. THIERS A. Discours parlementaires de m. Thiers. P. 1880, vol. 9, p. 30.
17. БРИГГС Э., КЛЭВИН П. Европа нового и новейшего времени. С 1789 года и до наших дней. М. 2006, с. 89.
18. THIERS A. Discours parlementaires..., vol. 1, p. 532.
19. *Ibid.*, vol. 1, p. 534.
20. ФЕНЕНКО А.В. Гизо и Токвиль: полемика французских либералов и консерваторов середины XIX века по проблемам государства и теории гражданского общества. В кн.: Труды молодых ученых (Воронежский государственный университет). Воронеж. 2001, с. 258.
21. Там же, с. 259.
22. JAUME L. Aux origines du libéralisme politique en France. — *Esprit*. 1998, № 243, p. 38, 42—45.
23. ФЕНЕНКО А.В. Ук. соч., с. 259.
24. JAUME L. *Op. cit.*, p. 43.
25. *Ibid.*, p. 39—40.
26. THIERS A. Discours parlementaires..., vol. 9, p. 358.
27. ROSANVALLON P. Le modèle politique française. P. 2001, p. 223.
28. КОНСТАН Б. Принципы политики. В кн.: Классический французский либерализм. М. 2000, с. 289.

29. THIERS A. La monarchie de 1830, p. 14.
30. Ibid., p. 33.
31. La Charte de 1830. In: DUGUIT L., MONNIER H. Les constitutions et les principales lois politiques de la France depuis 1789. P. 1915, p. 213.
32. POUTHAS CH. Les ministères de Louis-Philippe. — Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1954, N°1, p. 102.
33. Ibid., p. 113.
34. HAYEM R. Le Conseil des Ministres sous Louis-Philippe. P. 1939, p. 117.
35. Ibid., p. 120.
36. DUPIN A. Mémoires de Dupin aîné. Carrière politique, souvenirs parlementaires. P. 1861, vol. 3, p. 194.
37. GUIZOT F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. P. 1859, vol. 4, p. 174.
38. POUTHAS CH. Op. cit., p. 122.
39. Ibid., p. 117.
40. Ibid., p. 119.
41. THIERS A. Discours parlementaires, vol. 9, p. 372.
42. Ibid., vol. 10, p. 15.
43. Ibid., vol. 9, p. 364.
44. Ibid., vol. 1, p. 511.

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

Эсеры в Сибири в 1930-е гг.

С.А. Папков

Истории борьбы и ликвидации партии социалистов-революционеров (ПСР) в России в раннюю советскую эпоху посвящен целый ряд крупных научных работ современных исследователей¹. Но история партии — это также история людей, которые в нее входили и придавали ей характер организованного сообщества единомышленников. Между тем, о судьбе многих бывших членов ПСР в 1930-е гг. известно совсем немного по той причине, что их коллективные действия и частная жизнь в этот период полностью перешли в сферу секретного контроля ОГПУ-НКВД. Информация о них исчезла из публичного оборота и фактически остается малодоступной до сих пор. И все же за последние два десятилетия появилось несколько новаторских публикаций, посвященных заключительному этапу истории ПСР в России. В них дается описание редких нелегальных акций бывших эсеров, воспроизводится трагический жизненный финал некоторых членов партии в условиях сталинской диктатуры².

После 1922 г. — периода фактической ликвидации ПСР — политическая и личная жизнь большинства ее бывших членов, как и других социалистов из антибольшевистского лагеря, приняла катастрофический характер: систематическое наблюдение со стороны ОГПУ-НКВД, профессиональная и социальная дискриминация, постоянные уголовные преследования стали основными элементами их повседневного существования.

Бывшие члены руководства и наиболее активные партийцы, уцелевшие после судебного процесса 1922 г., получили тюремные сроки или отправились в ссылку в глубинные районы страны под надзор ОГПУ. Места ссылки распределялись по огромной территории СССР, включая Урал, Сибирь, Среднюю Азию, Казахстан, Европейский Север, Крым.

Сибирская ссылка служила одним из основных мест изоляции бывших социалистов. По сведениям Полномочного представительства ОГПУ Сибкрая (ПП ОГПУ), в июле 1927 г. основная часть политссыльных — 1 766 чел., большинство из которых (111 чел.) составляли меньшевики, — сосредотачивалась в Нарымском крае (Колпашево, Нарым, Парабель). Остальные содержались в Туруханском, Приангарском, Илимском краях, Минусинском и Киренском округах³.

Папков Сергей Андреевич — доктор исторических наук, профессор СО РАН. Новосибирск.

В 1930-е гг. в сибирской ссылке отбывали свой срок несколько бывших членов высшего руководства ПСР (члены ЦК и региональных комитетов), а также ряд видных деятелей партии: Д.Д. Донской, Г.Д. Каценеленбоген, М.С. Цейтлин, В.Л. Утгоф-Дерюжинский, И.И. Жуковский-Жук, профессор А.В. Тельтевский и другие ⁴. Изолированные от всякой политики и окончательно порвавшие с ней, они вели неприметное провинциальное существование как мелкие служащие советских учреждений или рядовые обыватели. По статусу, установленному ОГПУ, они входили в особую группу «учетников», то есть потенциальных противников советской власти, на которую распространялись специальные оперативные меры: постоянное наблюдение, контроль за перепиской, поведением, знакомствами и перемещениями по региону.

Значительно большую по численности категорию бывших эсеров представляли те, кто успел вовремя покинуть партию и не примкнул к числу подпольных борцов с большевиками после захвата ими власти. Таких (в основном рядовых партийцев) было очень много по всей огромной стране. Как бывшие члены ПСР многие из них в свое время тоже прошли чекистскую селекцию — аресты и проверки в 1920—1921 гг., — получив в итоге дискредитирующие пятна в личной биографии. В номенклатуре ОГПУ-НКВД они также числились потенциальными врагами, но с меньшей степенью опасности. Поэтому их преследование в судебном-уголовном порядке в советское время носило в основном эпизодический, «профилактический» характер, пока не наступил 1937 год.

В этой же категории «бывших» имелась и другая часть. К ней условно относились те члены ПСР, которые смогли не только публично отрешиться от своей партии, но и найти полезную советскую нишу и даже влиться в ряды ВКП(б) на правах полноправных членов. Они стали частью советского управленческого аппарата или заняли заметное положение в сфере культуры, торговли, образования. В Сибири таких бывших эсеров можно было встретить в различных хозяйственных и общественных организациях. В их числе, например, А.Р. Левитас (член ПСР в 1905—1916; в ВКП(б) с 1920) в 1930-е гг. — начальник политотдела крупного Павловского совхоза на Алтае, затем директор этого совхоза; И.Г. Гольдберг (в ПСР с 1904) — советский писатель, один из создателей писательской организации в Иркутске; В.С. Осипов-Занозин (в ПСР в 1903—1920; в ВКП(б) с 1924) — ответственный работник Сибирского краевого союза кооперативов и другие.

Партия эсеров и ее старейшие члены, растворившиеся теперь в советской среде, олицетворяли самые яркие страницы истории борьбы с царизмом в России. Они оставались живым примером героизма и жертвенности людей, посвятивших себя революции. Проблема однако состояла в том, что эти революционные заслуги невозможно было конвертировать в общественное признание и обрести даже минимальные блага нового режима. Большевики наглухо закрыли все каналы легальности для бывших социалистов. Исключение было сделано лишь для одной организации, через которую могли развиваться эсеровские связи и поддерживаться кое-какие отношения. Это было Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев (ОПК).

Общество действовало с 1921 по 1935 гг., оказывая материальную поддержку ветеранам подпольной борьбы ⁵. Вместе с тем, официальные власти очень быстро обставили ОПК такими ограничениями и запретами, которые отсекали от него основную массу ветеранов-социалистов: правила приема в Общество не допускали участия в нем лиц, подвергавшихся уголовному преследованию в советский период, а это и было главной проблемой для основной массы претендентов. Тем не менее, ОПК, особенно в первые годы, стало играть определенную консолидирующую роль. В сибирских городах — Омске, Новосибирске

ке, Томске, Барнауле, Иркутске, Бийске, Минусинске, Канске — в отделениях Общества состояли десятки бывших эсеров, а также меньшевиков, народников, польских социалистов и других партийцев с большим революционным стажем. Общество постоянно лихорадило. Ему навязывали руководящих лиц, правила и содержание публикаций, участие в пропагандистских кампаниях. Но основные его трудности начались с 1930 г., с развертыванием повсеместной «борьбы с вредительством» и «кулацкими элементами».

Бывшие эсеры стали одной из главных жертв операций ОГПУ. В течение 1931—1933 гг. в Сибири арестам подверглась целая группа бывших членов ПСР из отделений Общества политкаторжан: в Омске — секретарь отделения, преподаватель истории Ф.Г. Ягодин-Виноградов, ученый-бактериолог, директор ветеринарного института А.А. Любушин, ветеран революции, инвалид М.А. Якимов, работник склада Х.И. Дюльдин; в Новосибирске — инспектор СибРКИ Е.Д. Добров, экономист В.И. Бузанов, ответственный работник Сибторга А.Е. Першин и другие ⁶. Почти все бывшие эсеры Сибири в тот период были исключены из ОПК по причине ареста и, таким образом, лишились последней возможности формального участия в общественной жизни. Общество политкаторжан перешло в стадию деградации и вскоре прекратило свое существование.

С осени 1930 г. массовые аресты распространились на эсеров — политссыльных. Большинство из них к этому времени, отбыв сроки изоляции в отдаленных районах, проживало в Томске и Новосибирске («по минусу б»), где имелось больше возможностей, чем в других городах заново устраивать личную жизнь.

В марте 1931 г. ОГПУ арестовало свыше 20 чел. (в Новосибирске и Томске), объединявшихся в некую подпольную организацию ссыльных, целью которой была подготовка вооруженного восстания. В ней фигурировали старые эсеровские кадры: В.О. Зарницын-Мозолевский ⁷, Р.К. Бельский ⁸, С.Г. Пузырев ⁹, Н.Я. Павлов ¹⁰, И.С. Попов ¹¹, Т.Я. Букарев-Вольский ¹², Р.С. Ильин ¹³, Б.К. Казаков ¹⁴ и другие. Кроме бывших эсеров в «организации» числилось несколько меньшевиков и беспартийных рабочих. Аресты были проведены также в Барнауле и Омске.

Чекистское следствие в ПП ОГПУ во главе с Л.М. Заковским тянулось почти год: допрашивались обвиняемые и свидетели, сопоставлялись показания, оформлялись протоколы. У арестованных пытались выяснить их политические позиции и практические замыслы. Интересовались также фактами распространения слухов о крестьянских волнениях в Сибири в связи с коллективизацией, о действиях и степени влияния троцкистской оппозиции в общественной среде ¹⁵.

Но итог выглядел очень скромно. Следствие смогло установить лишь то, что ссыльные были совершенно оторваны от всякой политики и не стремились изменить такое положение. Зарницын-Мозолевский показывал: «Вообще, от политической жизни политссылка отстала и поэтому политические темы в разговорах задевались редко и мало... Никто из политссыльных здесь, в Новосибирске, никакой политической работы не вел... я спрашивал у Попова о разнице между правыми и левыми троцкистами — он мне объяснить не мог...» ¹⁶.

Из протоколов допросов отчетливо видно, что ссыльных волновали в основном проблемы личного выживания. Они старались поддерживать друг друга посредством дружественных контактов и взаимных денежных одолжений. В выходные дни их совместным досугом были пикники, вечеринки, застольные игры в преферанс. Время от времени им удавалось проводить краткие встречи с однопартийцами, проезжавшими через Сибирь в ссылку или обратно. В 1928 г., например, эсеры встречали на вокзале в Новосибирске бывшего члена ЦК М.И. Либера, который возвращался из ссылки в Семипалатинске. В декабре того же года Зарницын-Мозолевский предоставлял временный приют следовавшему из одной ссылки в другую В.К. Вольскому — бывшему председателю Комуча.

Арестованные рассказывали также, что весной 1928 г. группа ссыльных социалистов из Новосибирска организовала огородную артель, которую они надеялись превратить в источник дополнительного питания. Инициатива ее создания принадлежала эсеру Пузырёву и меньшевику Н.П. Машу¹⁷. Артельщики собрали необходимые паевые средства, закупили кроликов, но развить дело не смогли — осенью 1930 г. артель разорилась. Умер также и ее руководитель Пузырёв¹⁸.

В этих немногочисленных фактах выражалась по сути вся заурядность повседневной жизни эсеровской ссылки: никаких важных событий, встреч, политических дискуссий или партийных документов в расследованиях не фигурировало. Но ОГПУ нужны были не бытовые мелочи, а серьезные политические разоблачения.

К осени 1931 г. ПП ОГПУ Запсибкрая подготовило обширное обвинительное заключение, в котором 19 арестованных политссыльных изображались участниками подпольной эсерово-меньшевистской организации, действовавшей «по руслу повстанчества против соввласти». В документе говорилось, что «осевшие после освобождения из ссылки минусники, главным образом активные старые соц.-революционеры (правые) и меньшевики» создали в Новосибирске «руководящее ядро». Они «систематически собирали нелегальные собрания членов групп, на которых обсуждали методы и тактику подпольной к-р деятельности», «стягивали по окончании ссылки членов С-Р и С-Д в Новосибирск, устраивали своих членов на работу в сов. учреждения», «с целью оказания материальной помощи безработным ссыльным и окончившим полит. ссылку, не могущим устроиться на работу... организовали огородную артель под названием “Спартак”» и т.д.

На основе этого обвинения Особое совещание при ОГПУ в октябре 1931 г. приговорило «лидера» Зарницина-Мозолевского к трем годам лишения свободы, а «руководящее ядро организации» из 10 человек — к трем годам ссылки в районы Западной Сибири. Еще восемь арестованных подлежали освобождению из тюрьмы «с зачетом в наказание предварительного заключения»¹⁹. Жизнь большинства участников этой «организации» обрывается в 1937 году.

Как выразители крестьянских интересов бывшие эсеры не могли оставаться безучастными к самой важной советской акции в деревне — коллективизации. Их отношение к этому большевистскому проекту находило свой выход в показаниях на допросах в ОГПУ, в оценках, на которых иногда настаивали следователи, оформлявшие обвинительные материалы. Высказываясь на эту тему, эсеры придерживались стандартного антисталинского мнения крестьян. Так, в марте 1933 г. на допросе в Новосибирске член ПСР с 1906 г., ветеран советских тюрем и ссылок И.В. Севастьянов²⁰ излагал свою позицию следующим образом: «Ликвидацию кулачества как класса, проведенную соввластью считаю неверной и необоснованной. Обезвредить кулацкие элементы можно было бы через соответствующие земельные органы, не выселяя кулаков из мест их постоянного жительства, дать им землю на общих со всеми членами общины основаниях. Посаженное на трудовую землю кулачество было бы и экономически и политически для общины безвредно. Коллективизацию, по моему мнению, нужно проводить исключительно добровольно, то есть без какого-либо экономического и политического давления извне. Причем в колхозы и другие формы объединений можно принимать бывших кулаков, так как они по существу — в общине. Никаких темпов коллективизации не намечать. Я считаю, что коллективизация в Советском Союзе проходит под экономическим и политическим давлением, заставляя идти крестьян в колхозы, а этим нарушается добровольность...»²¹.

Чекистские атаки на последних представителей ПСР носили непрерывный характер, выражая откровенную политическую месть бывшим противни-

кам. Поскольку все обвинения имели ложные основания, руководители ВКП(б) и ОГПУ, направлявшие этот процесс, предпочитали держаться в определенных рамках. В своих преследованиях они ограничивались арестами не слишком больших групп, а приговоры выносились с относительно короткими (по советским меркам) тюремными сроками (в 2—3 года) или ссылкой. В то же время многих арестованных часто выпускали на свободу без вынесения приговора. Такую практику в отношении эсеров и других социалистов власти использовали вплоть до 1937 года.

Так, в начале 1933 г. на Алтае и в Новосибирске органами ОГПУ была разоблачена очередная — более десятка человек — «организация» ветеранов ПСР. В тюремные камеры попали П.М. Доценко²² (агроном, чл. ПСР с 1912), Севастьянов, А.Э. Пиоро²³ (член новосибирской коллегии защитников, чл. партии Народной Свободы в 1915—1917), С.Г. Соломин²⁴ (народник, чл. ПСР в 1895—1905), Н.В. Ульянов²⁵ (экономист, быв. пред. Томской гор. думы, в ПСР с 1917), С.М. Курский²⁶ (бывший гл. редактор газеты «Народная Свобода», в ПСР с 1917) и ряд других. Следствие по делу этой псевдоорганизации было того же свойства, что и раньше²⁷. Особенность состояла лишь том, что на этот раз к делу приобщили вещественное доказательство — рукописную листовку, обличавшую коммунистов и призывавшую крестьян к сопротивлению. Ее обнаружили еще в 1929 г. в алтайском селе Сетовка, но выявить инициаторов в тот момент не смогли. Авторы и распространители листовки — местного кооператора и девять крестьян — случайно обнаружили и арестовали только в 1933 году. Они, как «нелегальная группа», и были использованы ОГПУ в интересах следствия против эсеров. Несмотря на то, что участники разоблаченной «группы» не были даже знакомы с эсерами Новосибирска, их оформили как единую «организацию» и произвели нужные аресты. В итоге — внесудебным порядком (через Особое совещание) составителя листовки приговорили к двум годам лагерей, а семерых членов ПСР — к двум или трем годам ссылки²⁸. Остальных осудили тройкой ПП ОГПУ.

Подобные карательные атаки, наносившиеся режимом с некоторой периодичностью, конечно, изматывали людей, превращая их жизнь в драматическое испытание. Но все же в таких условиях сохранялись шансы оставаться в живых и сопротивляться еще долгое время. Конец сопротивлению наступил в 1937—1938 гг. в ходе кампании Большого террора, которая стала завершающей фазой расправы с осколками ПСР.

Аресты эсеровских ветеранов в Сибири в рамках новой спецоперации НКВД начались в конце 1936 года. В октябре в Новосибирске был задержан 62-летний народоволец, член ПСР с 1901 г. И.Х. Петелин, работавший преподавателем истории на курсах командного состава речного пароходства²⁹. Пожилой человек смог выдержать восемь допросов, давая малозначительные показания о себе и своих однопартийцах, но затем был полностью сломлен³⁰. На основе его дальнейших «признаний» следователи НКВД соорудили миф о широком эсеровском заговоре, в центре которого оказалось некое «Сиббюро ЦК ПСР» из числа бывших эсеров и ряда деятелей, отбывавших ссылку. Одновременно с Петелиным сходные показания дал и другой арестованный — пенсионер В.С. Осипов-Занозин. А затем последовала целая полоса массовых арестов по всему региону. Это было начало последней антиэсеровской кампании, в ходе которой остаткам ПСР предстояло окончательно исчезнуть из общественного поля зрения как живой частице прошлого.

Наиболее интенсивные аресты происходили в первые месяцы 1937 г., то есть еще до появления известного (июльского) приказа НКВД № 00447 о репрессировании эсеров как одного из главных объектов «кулацкой операции». В этот период в следственные камеры НКВД попали все «члены Сиббюро

ПСР» и ряд известных политссыльных: И. М. Евстигнеев, М. С. Цейтлин, И. В. Жуковский-Жук, И. Л. Горох и другие. Расширяясь в ходе чекистского следствия, «организация» постепенно приняла форму огромного «эсеровского заговора» с разветвленной структурой, периферийными «группами», «ячейками» и «центром». В роли «руководителей» местных групп в Новосибирске фигурировали служащие из различных советских учреждений, бывшие эсеры И. А. Лясковский, Н. М. Сувернев, П. Ф. Нестеренко, Я. А. Богословов, А. П. Балынин, Н. И. Колосов, И. С. Кожухов, А. В. Веденяпин, И. С. Бажутин, И. Ф. Толмачев. «Руководителями» в других городах в материалах следствия числились В. П. Неупокоев (Иркутск) и Г. П. Соколов (Омск).

Согласно отчету Новосибирского управления НКВД, за 1937 г. только в Западно-Сибирском крае (современные Томская, Кемеровская, Новосибирская области и Алтайский край) было арестовано 617 участников «эсеровской террористической шпионско-диверсионной организации» во главе с Петелиным, Евстигнеевым, Горохом, Осиповым и Кожуховым³¹.

С лета 1937 г. началась процедура вынесения приговоров. Она проходила в несколько этапов, по мере накопления массы арестованных в камерах НКВД. Пока узники ожидали решения своей участи, в кабинетах следователей оформлялись обвинительные документы для вынесения заочных приговоров. 25 июля на заседании тройки УНКВД Запсибкрая с участием майора С. М. Миронова, секретаря крайкома ВКП(б) Р. И. Эйхе и краевого прокурора И. И. Баркова была осуждена первая группа арестованных эсеров в составе 32 чел., включая «членов Сиббюро ПСР»³². Почти всех их приговорили к «высшей мере» и спустя несколько дней расстреляли; отдельные осужденные получили по 10 лет лагерей.

18 августа тройка вынесла вердикт еще большей эсеровской группе (П. М. Доценко, Г. Я. Крекнин, Г. Т. Мешков, М. В. Лебедев и др.), к которой присоединили также ряд «бывших белогвардейцев» — всего 41 чел.; все были осуждены «по первой категории» и казнены. Третья большая группа — 20 чел. — получила приговоры тройки 7 октября (17 чел. — к ВМН, 3 чел. — к 8 годам ИТЛ). Это были в основном ссыльные эсеры из наиболее отдаленных регионов Сибири или изъяты из советских учреждений в последнюю очередь: Каценеленбоген (Томск), В. Л. Утгоф-Дерюжинский, Л. Н. Тавровский-Белов, Б. К. Казаков (все — из Камня-на-Оби), Ф. Ф. Конев (Барнаул), М. А. Кравков (Новосибирск), А. И. Жидков (Ленинск-Кузнецкий) и др.³³

Таким образом, в течение 1937 г. НКВД провело решающую операцию физического уничтожения основной части ветеранов ПСР, остававшихся в Сибири. Но политическое руководство страны настаивало на дальнейшем искоренении эсеров. Как показали новейшие исследования, в ходе массовой операции Сталин лично следил за тем, чтобы бывшие эсеры были подвергнуты кардинальной чистке и даже указывал НКВД в каких регионах СССР следует искать следы их вредительства³⁴. В разгар кампании террора, 10 февраля 1938 г., на очередной сводке начальника УНКВД Московской области Заковского, содержащей отчет о массовых арестах бывших оппозиционеров, Сталин оставил запись-указание: «...Желаю успеха т. Заковскому. Нужно продолжать корчевать эсеров. Эсеры — большая опасность»³⁵.

Сталинские распоряжения становились прямыми директивами для НКВД. 18 января 1938 г. заместитель наркома НКВД М. П. Фриновский направил региональным управлениям приказ, в котором отмечал, что «многие УНКВД до сих пор не обеспечили достаточных оперативных мероприятий по ликвидации существующих эсеровских антисоветских формирований». Фриновский требовал «немедленно ликвидировать все имеющиеся агентурные эсеровские разработки», «немедленно арестовать всех ведущих антисоветскую эсеровскую работу», уделив «особое внимание эсерам, вступившим в ВКП(б)»³⁶.

Но отыскать и арестовать новые группы действительных эсеров в Сибири было практически невозможно. Их успели изъять в течение предыдущего года, поэтому в материалах тройки УНКВД по НСО зафиксирован лишь один протокол (от 10 апреля 1938 г.) с приговорами пяти участникам «эсеровско-повстанческой организации». Остальные эсеры (если они оставались вообще), очевидно, были приговорены тройкой по другим «антисоветским организациям» или «группам». Послеревolutionный путь значительной части старых членов ПСР завершился.

Примечания

1. Наиболее крупные работы в этой области: ЯНСЕН М. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М. 1993; ПАВЛОВ Д.Б. Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов. 1917 — середина 1950-х годов. М. 1999; Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь-август 1922 г.). Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов. М. 2002; МОРОЗОВ К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922—1926): этика и тактика противоборства. М. 2005. Подробный анализ литературы по теме приводится в кн.: СУСЛОВ А.Ю. Социалистические партии в советской России: отечественная историография. Казань. 2006.
2. См., в частности: Дмитрий Дмитриевич Донской. Томск. 2000; ЛЕОНТЬЕВ Я. Как это было. Аресты и репрессии членов ОПК в провинции: Воронеж-Новосибирск-Хоста. Всесоюзное Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Образование, развитие, ликвидация. 1925—1935. Бывшие члены общества во время Большого террора. Материалы международной научной конференции (26—28 октября 2001 г.). М. 2004, с. 222—277; ДОЛЖАНСКАЯ Л. Репрессии 1937—1938 гг. в московских артелях ОПК. Там же, с. 278—308; СОКОЛОВ М.В. Дело «Реставрация». Ташкентская (1930 г.) платформа партии социалистов-революционеров. — Российская история. 2012, № 4, с. 146—164.
3. Государственный архив Новосибирской области (ГА НО), ф. Р-20, оп. 2, д. 135, л. 13—14. Общая численность сибирской ссылки (включая уголовников, «перебежчиков», «валютчиков», «шпионов» и др.) в этот период достигала 7 053 человек.
4. Биографические сведения о видных эсерах содержатся во многих документальных изданиях. Тут приводятся данные лишь о менее известных (сибирских) деятелях ПСР.
5. Об истории Общества подробнее см.: Всесоюзное Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Образование, развитие, ликвидация. 1925—1935. Бывшие члены общества во время Большого террора. М. 2004.
6. Об этих эсерах см.: Всесоюзное Общество политкаторжан..., с. 174—175.
7. Зарницын-Мозолевский Василий Осипович (Иосифович) — 1897 г.р., урож. г. Пскова. Русский. Образование н/высшее. По профессии статистик. Чл. ПСР с 1915 года. Работал в Псковском губернском земстве. Арестован в 1921 г. как член ПСР и участник студенческих эсеровских кружков. Выслан в Семипалатинск на 3 года. После отбытия ссылки жил Новосибирске («по минусу б»). Статистик-экономист в краевом земельном управлении. Вновь арестован 17.11.1930. Постановлением ОСО при ОГПУ от 07.10.1931 приговорен к 3 годам концлагерей. Постановлением ОСО от 10.06.1933 приговорен к досрочному освобождению и высылке на Урал на 2 года.
8. Бельский Рафаил Климентьевич — 1899 г.р., урож. г. Елисаветград (Украина). Из мещан. Еврей. Образование среднее (реальное уч-ще). Экономист-статистик. Член ПСР с 1917 года. Работал регистратором в Ленинградском Союзе городов. В 1921 г. был арестован за участие нелегальной работе в Одессе, выслан в Туркестан на 2 года. В 1924 г. вновь арестован, постановлением коллегии ОГПУ от 10.10.1924 выслан в Сибирь. Ссылку отбывал в Нарыме. С 1927 г. проживал в Новосибирске («по минусу б»). Экономист в краевом финансовом управлении, крайпромуправ-

- лении. Вновь арестован 27.06.1931. Постановлением ОСО при ОГПУ от 07.10.1931 приговорен к высылке в Зап. Сибирь на 3 года. Ссылку отбывал в г. Тара.
9. Пузырёв Сергей Георгиевич (Егорович) — 1880 г.р., урож. Ялutorовского уезда Тобольской губернии. Из крестьян. Русский. Образование начальное. Член ПСР с 1905 года. Кооператор на Алтае: пред. правления Алтайского горного союза кооперативов (Бийск), пред. губбюро потребкооперации (Барнаул). В 1917 г. в течение месяца был управляющим Бийского уезда. 17.06.1920 арестован. Постановлением Алтайского губЧК от 13.08.1920 приговорен к заключению в концлагерь «до окончания гражданской войны». Вновь арестован в августе 1922 года. Приговорен к 3 годам заключения в Соловецкий лагерь (пост. комиссии НКВД от 13.07.1923). По отбытии наказания приговорен к ссылке на 3 года в Коми (постановление ОСО при ОГПУ от 16.07.1926). Позднее проживал в Новосибирске. Вновь арестован в 1930 г. как бывший член ПСР, затем освобожден. Умер в 1930 году.
10. Павлов Никифор Яковлевич — 1892 г.р., урож. с. Соина Южской волости Шуйского уезда Иваново-Вознесенской губернии. Из крестьян. Русский. Образование высшее педагогическое. По профессии экономист-бухгалтер. Работал на текстильной фабрике, затем — учитель, бухгалтер. Член ПСР в 1917—1918 годах. Подвергался аресту: в 1923 г. взял на себя сохранение типографии Средне-Волжского бюро ПСР, за что был приговорен к ссылке на 3 года. Срок отбывал в Сургуте. Позднее проживал в Новосибирске. Экономист и статистик в краевом финансовом управлении; преподаватель учета и рационализации на курсах в Крайсовнархозе. Вновь арестован 02.03.1931. Постановлением ОСО при ОГПУ от 07.10.1931 приговорен к высылке в Зап. Сибирь на 3 года. Ссылку отбывал в с. Улала (Горно-Алтайск).
11. Попов Иван Станиславович — 1887 г.р., урож. г. Риги. Русский. Из мещан. Образование высшее техническое (Рижский политехнический институт). Инженер-технолог. Член РСДРП (объединенных организаций) с 1905 года. Участвовал в революционной деятельности в Ашхабаде, Митаве, Либаве, Риге. В 1917 г. в Москве перешел в РСДРП(м). 05.11.1921 был арестован за принадлежность к РСДРП и выслан на 1 год в г. Сапожок Рязанской губернии. В 1923 г. служил управляющим ацетоновым заводом в Рыбинске. В 1924 г. вновь арестован по прежнему обвинению и выслан в Нарымский край на 3 года (с. Парабель). С июня 1927 г. проживал в Новосибирске («по минусу 6»). Инженер городской строительной конторы. Вновь арестован 28.02.1931. Постановлением ОСО при ОГПУ от 07.10.1931 приговорен к высылке в Западную Сибирь на 3 года. Ссылку отбывал в с. Улала (Горно-Алтайск).
12. Букарев-Вольский (Погорелов) Тихон Яковлевич (Валентин Сергеевич) — 1894 г.р., урож. Новохоперского уезда Воронежской губернии. Русский. Образование начальное. По профессии кузнец. Член ПСР. В 1923 г. был арестован по обвинению в антисоветской деятельности и участии в восстании; приговорен к заключению в концлагерь и ссылке. После отбытия срока жил в Томске («по минусу 6»). Работал в артели «Сельхозмашина». Вновь арестован 10.03.1931. Постановлением ОСО при ОГПУ от 07.10.1931 приговорен к высылке в Зап. Сибирь на 3 года. Ссылку отбывал в г. Тара.
13. Ильин Ростислав Сергеевич — 1891 г.р., урож. Москвы. Русский. Образование высшее (Московский университет). Зоолог, почвовед-агроном; доцент Томского гос. университета. Один из основателей геоморфологии в СССР. Член ПСР с 1917 года. Подвергался аресту в 1921 и 1925 гг. по обвинению в антисоветской деятельности; отбывал срок 2,5 года в политизоляторе и 3 года в ссылке в Нарымском крае. По окончании ссылки жил в Томске («по минусу 6»). Вновь арестован 10.03.1931. Постановлением ОСО при ОГПУ от 07.10.1931 приговорен к высылке в Западную Сибирь на 3 года. Ссылку отбывал в г. Минусинске. Активно занимался геологическими изысканиями, издал ряд научных трудов. Вновь арестован в июне 1937 г. по обвинению в участии в японо-эсеровской террорист. организации. Постановлением тройки УНКВД Запсибкрая от 25.08.1937 приговорен к ВМН. Расстрелян.
14. Казаков Борис Константинович — 1896 г.р., урож. С.-Петербургской губернии. Русский. Образование н/высшее. Проживал в Ленинграде. Студент. 10.04.1924 был арестован по обвинению в участии в эсеровских студенческих кружках. Пригово-

- рен 16.05.1925 к 3 годам заключения в концлагерь. Наказание отбывал на Соловках, а затем в Нарымской ссылке. После отбытия срока проживал в Томске («по минус 6»), работал в артели «Сельхозмашина». Вновь арестован 10.03.1931. Постановлением ОСО при ОГПУ от 07.10.1931 приговорен к высылке в Западную Сибирь на 3 года. Ссылку отбывал в г. Тара. В 1937 г. проживал в г. Камень-на-Оби, работал инспектором в отделении Госбанка. Вновь арестован 10.04.1937. Постановлением тройки УНКВД Запсибкрая от 07.10.1937 приговорен к ВМН. Расстрелян 12.10.1937.
15. Архив УФСБ по НСО, д. 4006, т. 1—2.
 16. Там же, т. 1, л. 17, 37.
 17. Маш Ной Пинхусович — 1889 г.р., урож. Дзыговки Ямпольского уезда Подольской губернии. Еврей. Образование начальное. По профессии наборщик. Член РСДРП (м) с 1905 г. (Одесская организация). Был арестован в 1923 г. по обвинению в антисоветской деятельности, приговорен к заключению в концлагерь на 2 года. После отбытия срока сослан в Нарымский край на 3 года. По окончании ссылки жил в Новосибирске («по минусу 6»). Вновь арестован 28.02.1931. Постановлением ОСО при ОГПУ от 07.10.1931 приговорен к высылке в Зап. Сибирь на 3 года. Ссылку отбывал в с. Улала (Горно-Алтайск). Позднее жил в Одессе. Вновь арестован в 1937 г. Осужден 30.11.1937 к ВМН. Расстрелян.
 18. Архив УФСБ по НСО, д. 4006, т. 1, л. 122.
 19. Там же, л. 233.
 20. Севастьянов Иван Васильевич — 1872 г.р., урож. с. Оряж Осинского уезда Пермской губернии. Из крестьян. Русский. Образование среднее педагогическое. Член ПСР с 1906 года. В 1917 г. — председатель Осинского уездного исполкома Совета крестьянских депутатов. В 1918—1919 — пред. Осинской земской управы, издатель газеты «Камская Волна» (г. Оса). В 1922 г. — зав. отделом статистики и секции народного образования при Новониколаевском губстатбюро и Сибстатуправлении. 24.08.1922 арестован как участник эсеровского подпольного комитета в Новониколаевске (Новосибирске). Приговорен к 3 годам заключения (пост. комиссии НКВД от 13.07.1923). Срок отбывал в Соловецком лагере. В 1926—1929 гг. — в ссылке (Великий Устюг). С 1929 г. жил в Новосибирске («по минусу 6»). Статистик «Ветснабпрома». Вновь арестован 21.01.1933. Постановлением ОСО при ОГПУ от 16.07.1933 приговорен к ссылке на Урал на 3 года.
 21. Архив УФСБ по НСО, д. 11415, л. (без нумерации).
 22. Доценко Пётр Михайлович — 1890 г.р., урож. д. Попова Хорольского уезда Полтавской губернии. Украинец. Из крестьян. Кооператор, агроном. Образование н/высшее. Член ПСР с 1912 года. Бывший член губернской земской управы. В 1917 г. баллотировался в Учредительное собрание. Проживал в Новосибирске. Зав. с/х группой в Сибхотсоюзе. Был арестован в мае 1930 г., освобожден. Вновь арестован 21.01.1933 по обвинению в участии в подпольной эсеровской организации. Постановлением ОСО при ОГПУ от 16.07.1933 приговорен к 2 годам ссылки. Наказание отбывал в Нарыме. Работал агрономом Нарымского окрземууправления. Позднее проживал в Томске и Новосибирске. Агроном в краевом земельном управлении. Вновь арестован 22.05.1937 по обвинению в причастности к японо-эсеровскому заговору. Постановлением тройки УНКВД Запсибкрая от 18.08.1937 приговорен к ВМН. Расстрелян 24.08.1937.
 23. Пиоро Анатолий Эдуардович — 1885 г.р., урож. г. Ельца Орловской губернии. Русский. Из семьи присяжного поверенного. Образование высшее юридическое. До 1917 г. состоял в партии Народной Свободы. В 1915—1917 — присяжный поверенный; 1918—1919 гг. — юрисконсульт земства. В 1930-е гг. жил в Новосибирске. Юрист, член новосибирской коллегии защитников. 28.01.1933 арестован по обвинению в участии в подпольной эсеровской организации. Постановлением ОСО при ОГПУ от 16.07.1933 приговорен к 2 годам ссылки. Позднее проживал в Барнауле. Юрисконсульт конторы «Сибторг». Вновь арестован 20.07.1937. Постановлением тройки УНКВД Запсибкрая от 22.08.1937 приговорен к ВМН. Расстрелян 02.09.1937.
 24. Соломин Степан Григорьевич — 1873 г.р., урож. с. Соломино Володозерской волости Яранского уезда Вятской губернии. Из крестьян. Русский. Образование началь-

- ное. Народник, член ПСР с 1895 по 1905 г. (Тарская организация). В 1930-е гг. проживал в Новосибирске. На момент ареста не работал (по возрасту). Арестован 26.02.1933 по обвинению в участии в подпольной эсеровской организации. В июне 1933 г. из-за болезни был освобожден под подписку о невыезде. Постановлением ОСО при ОГПУ от 16.07.1933 приговорен к ссылке в Зап. Сибирь на 2 года.
25. Ульянов Николай Васильевич — 1881 г.р., урож. с. Шарголи Хвощевской волости Горбатовского уезда Нижегородской губернии. Русский. Из семьи священника. Образование высшее юридическое. Член ПСР с 1917 года. Бывший председатель Томской губернской земской управы и председатель Томской городской Думы. В начале 1930-х гг. проживал в Новосибирске. Экономист в управлении «Запсиб-пушнина». Арестован 21.01.1933 по обвинению в причастности к эсеровской подпольной группе. Постановлением ОСО при ОГПУ от 16.07.1933 приговорен к ссылке на Урал на 2 года.
26. Курский Сергей Михайлович — 1894 г.р., урож. Томской губернии. Русский. Член ПСР с 1917 года. Бывший гл. редактор газеты «Народная Свобода». Жил в Барнауле. Бухгалтер на мясокомбинате. 01.03.1933 арестован по обвинению в причастности к подпольной эсеровской организации. Постановлением тройки ПП ОГПУ Запсибкрая от 21.05.1933 приговорен к 3 годам лишения свободы условно.
27. Архив УФСБ по НСО, д. 7426, 11415.
28. Там же, д. 11415, л. 277.
29. О нем, а также о В.С. Осипове-Занозине, И.М. Евстигнееве и их показаниях на следствии подробно см.: ЛЕОНТЬЕВ Я. Ук. соч., с. 248—259.
30. Архив УФСБ по НСО, д. 8408, т. 2, л. 33.
31. Там же. Доклад УНКВД о работе за 1937 год. Приложение.
32. Там же. Протокол № 5 заседания тройки УНКВД Запсибкрая за 1937 год, л. 203.
33. Там же. Протокол № 41/36.
34. ХАУСТОВ В., САМУЭЛЬСОН Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936—1938 гг. М. 2010, с. 282.
35. Там же, с. 284.
36. ЮНГЕ М., БОРДЮГОВ Г., БИННЕР Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М. 2008, с. 293—294; ХАУСТОВ В., САМУЭЛЬСОН Л. Ук. соч., с. 282—283.

Кавказ и Передняя Азия в IV тыс. до н.э.

Н.А. Мусеибли

История культурно-экономических связей Кавказа и Передней Азии имеет глубокие корни. Эти связи стали особенно тесными в период позднего энеолита — в IV тыс. до н.э., во времена интенсивных переселений большого, по тем временам, количества населения из Передней Азии на Кавказ. В результате, на Кавказе, ставшем фактически составной периферией ближневосточных цивилизации, образовались лейлатепинская и майкопская культуры с очень схожими традициями.

Памятники этой предгосударственной эпохи Северной Месопотамии и Восточной Анатолии, с которыми генетически связаны вышеуказанные культуры Кавказа, в последние 20 лет активно изучаются. Информационная база по происхождению и распространению культурных традиций этого региона по указанному периоду дополняется с каждым годом.

Открытие знаменитого майкопского кургана на Северном Кавказе уже в конце XIX в. заставило предположить его ближневосточное происхождение¹. Дальнейшие раскопки, особенно исследования последних 40—50 лет не только подтвердили эту версию, но и дали огромное количество материальных фактов, доказывающих непосредственное переднеазиатское культурное влияние на Кавказе в IV тыс. до н.э. На Южном Кавказе, в основном на территории Азербайджана, исследованы памятники с переднеазиатскими традициями, относящиеся к указанному времени. Раскопки этих памятников доказывают, что майкопская культура появилась в результате продвижения на Северный Кавказ лейлатепинского населения. Обе культуры имеют одинаковые переднеазиатские корни и по основным отраслям производства и по погребальным обрядам идентичны².

Архитектура лейлатепинской культуры очень разнообразна. В самом Лейлатепе и в некоторых других поселениях обнаружены следы построек, выполненных из сырцового кирпича. В поселениях Беюк Кесик и Пойлу II выявлены остатки наземных легких сооружений и полуземлянки. Поселение Галаери по строительной технике, многочисленным знакам на керамике, волнообразному оформлению внутренней поверхности венчиков некоторых кувшинов и другим особенностям больше связано с памятниками Арслантепе VII и фазы Амул F

Мусеибли Наджаф Алескер оглы — кандидат исторических наук, заместитель директора по науке Института археологии и этнографии Национальной Академии Наук Азербайджана. Баку.

(Телль Джудейда) Восточной и Юго-Восточной Анатолии, чем с Северной Месопотамией. Другое поселение лейлатепинской культуры — Алхантепе на Мугани — своей архитектурой, двугорлыми сосудами, глиняными фигурками, печатями и другими находками в основном связано с памятниками Северной Месопотамии типа Тепе Гавры и Телль Хазны. В поселении Лейлатепе одновременно прослеживаются культурные традиции Восточной Анатолии и Северной Месопотамии. Например, на Лейлатепе обнаружен двугорлый сосуд, созданный в северомесопотамской традиции, на котором нанесены глазковидные знаки восточноанатолийского происхождения. Индивидуальный характер каждого памятника лейлатепинской культуры объясняется связями с конкретными центрами Передней Азии и локальными географическими условиями.

Погребальные памятники лейлатепинской культуры демонстрируют единство традиций с Передней Азией (захоронения в керамических сосудах) — с одной стороны, и с майкопской (курганы) — с другой. Важное значение имеют в этом смысле курганы Союгбулага в Азербайджане.

Некоторые из этих курганов интересны находками архаичных орудий, изготовленных из обсидиана и кремня, характерных для более ранних периодов, в основном, для эпохи неолита. Такие немногочисленные архаичные орудия, кроме Союгбулагских курганов, обнаружены также в таких поселениях лейлатепинской культуры, как Бекюк Кесик I и Пойлу II. Вышедшие из употребления еще в неолите микролиты и другие орудия архаичного типа известны также из памятников майкопской культуры, в том числе из Большого Майкопского кургана, и из памятников Месопотамии IV—III тыс. до н.э. На Северном Кавказе и в Месопотамии в указанное время эти орудия использовались во время культовых, ритуальных церемоний³. Обнаруженные среди памятников лейлатепинской культуры, в том числе и в Союгбулагских курганах, такие орудия, несомненно, связаны с ритуальными церемониями. Эти находки еще раз доказывают генетическую связь лейлатепинской культуры с месопотамской и с майкопской культурами.

За редким исключением все могильные захоронения имеют ориентацию с юго-востока на северо-запад. Это справедливо и для детских захоронения Союгбулагского некрополя. Таким образом, можно констатировать, что для погребального обряда всей Лейлатепинской культуры характерна северо-западная ориентация. Погребальные камеры Тепе Гавры — одного из переднеазиатских источников лейлатепинской культуры — тоже ориентированы по направлению юго-восток — северо-запад. Подобная ориентации погребений лейлатепинской культуры очевидно связана с переднеазиатскими религиозно-ритуальными представлениями.

Могилы ряда курганов майкопской культуры имели такую же ориентацию, как и Уст-Джегутинские курганы, и курганы Се Гирдан вблизи оз. Урмия⁴. Не удивительно, что и Союгбулагские курганы также расположены по направлению юго-восток — северо-запад. Всем трем группам курганов свойственны свои особенности, но, вместе с тем, все они входят в единую культурно-историческую систему.

В.А. Трифонов связывает появление курганов Се Гирдан с периодом распространения северомесопотамского влияния на север и временем так называемой урукской колонизации⁵.

Некоторые показатели курганов Се Гирдан и Союгбулага аналогичны. Наряду с наличием керамических изделий, ориентировка могильных ям, деревянные перекрытия, сооружения могильных камер из камня, захоронение в урнах в насыпи кургана⁶ характерны и для Союгбулагских курганов. Но топоры-клевцы из кургана IV в Се Гирдан, которые схожи с майкопскими погреб-

ниями 5 в кургане VII у с. Лечинкай⁷, в памятниках лейлатепинской культуры неизвестны.

Что касается каменных скипетров, обнаруженных в III кургане Се Гирдан⁸ и Союгбулага⁹, то их нельзя считать определяющим предметом. Они были распространены на огромной территории Восточной Европы и Кавказа и, вероятно, возникли независимо друг от друга, как и другие предметы (например, каменные булавы) периодов энеолита и ранней бронзы.

В целом, в системе погребального обряда Союгбулагских курганов главное внимание уделялось конструктивным элементам курганной насыпи и могильных камер. Важнейшими для всех могил Союгбулагских курганов элементами погребального обряда, фактически объединяющими их, является зафиксированный обряд расчленения или перезахоронения тела и ориентация могильных камер с юго-востока на северо-запад.

Одним из основных факторов, связывающих лейлатепинскую и майкопскую культуры с поздним халколитом Восточной Анатолии, является «знаковая керамика». Племена носителей традиций «знаковой керамики» на Северном Кавказе расселялись почти одновременно с Восточной Анатолией и Южным Кавказом или с небольшим временным разрывом с Южным Кавказом. Поэтому раннему этапу майкопской культуры свойственны халколитические традиции. Не исключено, что миграция части этих племен на Северный Кавказ происходила вдоль восточных берегов Черного моря. Основание для такого предположения дает скопление раннемайкопских памятников в северо-западной части Кавказа. Однако на предполагаемом маршруте пока не сделаны находки, подтверждающие эту версию.

Мнения о корнях лейлатепинской культуры Южного Кавказа (первая половина IV тыс. до н.э.) различны и носят в основном тезисный характер. Одни исследователи происхождения лейлатепинской культуры связывают с убейдской или убейд-урукской (переходный период), другие — с урукской культурами, третьи — с поздним халколитом Восточной Анатолии. Для выяснения этого вопроса, в первую очередь, необходимо разобраться в культурно-хронологической последовательности создания переднеазиатских комплексов IV тыс. до н.э.

Долгие годы традиционно считалось, что в верхнем бассейне Евфрата и Тигра убейдскую культуру с ее расписной керамикой сменила урукская культура, которая распространилась на северные территории из Южной Месопотамии.

Исследования проблем позднего халколита Передней Азии последних двух десятилетий показали, что в Северной Месопотамии убейдская культура завершилась не в середине IV тыс. или в конце V тыс. до н.э., как это предполагалось ранее, а в середине — третьей четверти V тыс. до нашей эры¹⁰. Первые же элементы урукской культуры появились, начиная с середины IV тыс. до нашей эры¹¹. Теперь ясно, что в указанном регионе урукская культура никак не могла заменить убейдскую культуру, и в этом регионе между названными культурами генетических связей и перехода от одной к другой не могло быть.

Во второй половине IV тыс. движение урукцев в северные области приобрело интенсивный характер. Важно отметить, что в тот период урукская культура не охватывала полностью Восточную Анатолию и Северную Месопотамию. В некоторых поселениях урукская культура доминировала над местным поздним халколитом, в других (напр. Курбан Хеюк, Тепеджик и т.д.) урукцы создали свои торговые колонии в виде анклавов. В таких поселениях региона, как Тепе Гавра, Грай Реш, Телль Лейлан в Северной Месопотамии, Каяз Хеюк и Телль Джудейда (Амук F) в Анатолии, не обнаружены факты, доказывающие влияние урукской культуры даже во второй половине IV тыс. до н.э. — в период интенсивного расселения урукских племен в северном направлении¹².

Выявление в последние годы на Южном Кавказе многочисленных памятников лейлатепинской культуры и, особенно, детальное изучение керамики и погребальных памятников показывают, что корни этой культуры связаны с поздним халколитом Восточной Анатолии и Северной Месопотамии (Амук Ф, Арслантепе VII, Тепе Гавра, Телль Хазна и др.). Халколит указанных регионов Передней Азии постубейдского времени в некоторой степени сохранил традиции убейдской культуры, однако коренным образом отличается от нее и выступает как самостоятельное культурное явление. Позднехалколитическая керамическая традиция, основанная на применении гончарного круга, в Передней Азии (период Арслантепе VII, Амук F) и на Кавказе (лейлатепинская и майкопская культуры) распространялась практически в одно время и, вероятно, этот регион являлся ареалом единой культурно-исторической общности позднего халколита. Памятники того периода в Передней Азии (Амук Ф, Арслантепе VII, Тепе Гавра и др.) не подверглись влиянию урукской культуры. В Северной Месопотамии и Восточной Анатолии, как отмечено выше, урукская культура распространилась на среднем этапе своего развития — начиная с середины IV тыс. до н.э., то есть спустя несколько веков после появления лейлатепинских памятников на Южном Кавказе и раннемайкопских памятников Северного Кавказа. Кроме того, типология керамики и погребальные памятники урукской культуры в корне отличаются от Восточноанатолийско — Северомесопотамского, в том числе Кавказского (лейлатепе, ранний майкоп), позднего халколита. Следовательно, появление лейлатепинской и раннемайкопской культур никак не связано с урукской культурой, особенно учитывая то, что археологических доказательств распространения урукской культуры на Южном Кавказе не существует.

В обсуждаемом вопросе большое значение имеют исследования истории металлургии IV тыс. до н.э. Передней Азии и Кавказа. По мнению Р. Мунчаева и Ш. Амирова, инвазия урукской культуры была связана, в первую очередь, с развитием технологии, особенно металлургии и металлообработки, и поисками источников меди, а также драгоценных металлов — золота и серебра.

Причиной миграции переднеазиатских племен на Кавказ многие исследователи считают поиски месторождений металлов, которыми богат Кавказ. Они пришли к выводу, что целью «урукской экспансии», охватившей Восточную Анатолию и Кавказ, было обеспечение метрополии металлом¹³.

Однако последние исследования, сделанные на основе накопленных богатых материалов раскопок, по нашему мнению, окончательно доказали отсутствие какого-либо следа урукской культуры на Южном Кавказе. В начале IV тыс. до н.э. на Кавказ мигрировали не урукские племена, а местное население Восточной Анатолии и Северной Месопотамии позднего халколита. Урукская же культура распространилась на указанных территориях Передней Азии только начиная с середины IV тыс. до н.э.

Восточная Анатолия была богата месторождениями меди и металлов. Следовательно, кажется сомнительным предположение связать причину переселения населения на Кавказ только с поисками источников металла. В этом случае не оправдывает себя и вывод о торговле металлом с переднеазиатскими центрами. Возникает вопрос: если существовала такая торговля, то что получали лейлатепинцы или майкопцы взамен из Передней Азии. Ведь они принесли с собой на Кавказ почти все способы и навыки производства, в том числе и металлообработки. Производство металла, особенно золотых и серебряных изделий майкопской культуры, находилось на более высоком уровне, чем культура Ближнего Востока. Вместе с тем, часть исследователей вполне обоснованно отмечают отсутствие предметов металлопроизводства в памятниках майкопской культуры и внезапного массового появления металлических изделий, изготов-

ленных по высокой технологии на Северном Кавказе в майкопское время. На основе этих фактов эти же исследователи считают, что майкопские металлические изделия и технология их изготовления привнесены из южных культурных центров¹⁴. Богатые металлические изделия, например, большого Майкопского кургана, вряд ли можно причислить к продукции местного производства. Не исключено, что будущие раскопки выявят артефакты, доказывающие местное производство металла майкопской культуры на ее позднем этапе. В таком случае возникает другой вопрос: чем обеспечивали кавказские племена так называемую метрополию?

Население лейлатепинской культуры не находилось в зависимости от переднеазиатских центров и основная причина их распространения на Южном Кавказе связана не только с металлургией, но и с природно-экономическими факторами в целом. На это указывает и тот факт, что все памятники этой культуры находятся вдали от основных источников металла. Иногда артефакты состоят, в основном, из керамических и каменных изделий, многочисленных остеологических находок, характерных для оседло-земледельческого и скотоводческого хозяйства.

Миграция из Восточной Анатолии и Северной Месопотамии на Кавказ, в результате которой сформировались лейлатепинская и майкопская культуры со «знаковой керамикой», происходила в конкретных хронологических рамках — начало IV тыс. до н.э. (возможно конец V — начало IV тыс.).

Выявленные специфические артефакты из поселений лейлатепинской культуры могут быть использованы для определения хронологии и периодизации этой культуры. В числе таких находок, в первую очередь, следует отметить сосуды бурого цвета из категории «грубой керамики», изготовленные из глины без растительной примеси. Поверхность таких сосудов обработана гребенчатым инструментом, часто края венчика имеют вдавления и насечки разного направления. Так называемая «гребенчатая» керамика, характерная для памятников Восточной Анатолии и Южного Кавказа второй половины V — первой половины IV тыс. до н.э., встречается на таких поселениях лейлатепинской культуры, как Лейлатепе, Пойлу II и особенно на Галаери. Однако ни традиционные, ни радиоуглеродные методы датирования не доказали наличия «гребенчатой» керамики на Южном Кавказе во второй половине IV тыс. до н.э.

Некоторое своеобразие погребальных обрядов, типологические особенности керамических и каменных изделий лейлатепинской культуры коренным образом отличаются от переднеазиатских и майкопских традиций. Вместе с тем, необходимо отметить, что лейлатепинская культура Южного Кавказа содержит основные компоненты, с одной стороны, переднеазиатского позднего халколита (архитектура из сырцового кирпича и глиняных пластов, захоронения в поселениях, в том числе и в сосудах и т.д.), с другой, — майкопской культуры Северного Кавказа (турлучные постройки, металл, курганы, типы и размеры поселений и т.д.). Все эти культурные явления можно объединить в «Переднеазиатско-кавказскую культурно-историческую общность» или мегаобщность позднего халколита. Периферийные лейлатепинская и майкопская культуры этой мегаобщности, вероятно, в географическом и хронологическом плане составляют локальную «лейлатепе-майкопскую общность». Здесь подразумеваются памятники только раннего этапа майкопской культуры. К примеру, можно отметить, что ранний этап майкопской культуры не имеет никакого отношения к новосвободненской культуре, которая по своему происхождению коренным образом отличается от майкопской. Здесь же следует отметить, что трудно согласиться с мнением исследователей, которые предполагают наличие генетических связей между новосвободненской и урукской культурами. Как было отмечено ранее, урукская культура даже в самой Северной Месопотамии

не распространялась повсеместно, а на Южном Кавказе полностью отсутствуют элементы урукской и новосвободненской культур.

Несмотря на коренные отличия, некоторые авторы (К. Кушнарёва, Б. Лионнет) пытаются отнести лейлатепинские памятники к так называемой «сионской культуре». Однако между этими культурами существовали и хронологические, и основательные типологические различия, что исключает связь между ними. Так, памятники типа Сиони датируются V тыс., а лейлатепинская культура — началом IV тыс. до н.э. Сосуды Сиони изготовлены из глины с добавлением песка и сформованы от руки. Основная часть лейлатепинской керамики изготовлена из глины с растительной примесью на гончарном круге. Сосуды Сиони плоскодонные, переход от горловины к плечу плавный. Большинство сосудов лейлатепинской культуры круглодонные и переход от горловины к плечу сделан резко под углом, что является характерным признаком позднего халколита Передней Азии и Кавказа. О погребениях «сионской культуры» ничего не известно. Изучены разнотипные и многочисленные погребения лейлатепинской культуры. Обнаруженные в Сиони сосуды, обработанные гребенчатым инструментом и насечками по краю венчика, характерны для всех халколитических комплексов Передней Азии и Южного Кавказа, и этот метод не может считаться определяющим фактором. Такой метод в указанном регионе в период халколита был известен повсеместно. Кроме того, в Сиони и в лейлатепинской культуре, как и в других халколитических комплексах региона, гребенкой обработаны поверхности типологически разных сосудов.

Одним из основных вопросов изучения Кавказа IV тыс. до н.э. является связь между лейлатепинской и куро-аракской культурами. Раскопки последних лет на поселениях позднего энеолита (вторая половина V — начало IV тыс. до н.э.) Овчулартепе ¹⁵, Арабенгиджа ¹⁶ в Нахчыванской зоне (в долине Арпачая) и в поселении Гёлери в Геранбойском районе (40 км к юго-востоку от г. Гянджа) выявили интересные артефакты, пригодные для определения возраста куро-аракской культуры. В этих памятниках обнаружены фрагменты от сосудов с ручками, напоминающими грубые формы полушаровидных ручек, и классическая куро-аракская чернолощенная керамика с полушаровидными ручками. На основе этих находок авторы раскопок предполагают, что куро-аракская культура возникла на базе позднехалколитических традиций Южного Кавказа. Однако, на этих памятниках, как отмечалось, классические куро-аракские фрагменты обнаружены вместе с позднехалколитической грубой керамикой. Сосуды переходного этапа отсутствуют, что оставляет вопрос о корнях куро-аракской культуры открытым. Тем не менее, эти раскопки намного удревнили начальный этап куро-аракской культуры. Это подтверждается и раскопками лейлатепинских памятников Пойлу II и Галаери, где обнаружены многочисленные куро-аракские фрагменты на разных глубинах. Данные находки подтверждают существование контактов между носителями обеих культур.

Такая керамика обнаружена и в слоях на месте поселения Арслантепе. Исследователи этого памятника керамику куро-аракского стиля из VII слоя связывают с центральной Анатолией, а керамику из VI слоя — с Южным Кавказом ¹⁷. Не исключено, что куро-аракскую керамику памятников лейлатепинской культуры принесли с собой позднехалколитические племена из Восточной Анатолии.

В заключении необходимо отметить, что в последние годы в отношении к разным явлениям материальной культуры исследователи предпочитают применять термин «общность», включающий в себя культуры со схожими традициями по основным отраслям производства, например, по керамике. Поздний халколит Передней Азии и Кавказа в этом плане не составляют исключения.

1. МУНЧАЕВ Р.М., АМИРОВ Ш.Н. Из основных результатов исследований экспедиции Института археологии РАН в Сирии. Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. Новосибирск. 2013.
2. АЛИЕВ Н., НАРИМАНОВ И. Культуры Северного Азербайджана в эпоху позднего энеолита. Баку. 2001.
3. МУНЧАЕВ Р.М. Майкопская культура. Археология. Эпоха бронзы Северного Кавказа. М. 1994.
4. КОРЕНЕВСКИЙ С.Н. Древнее оседлое население на среднем Тереке. М. 1993, с. 35—42; МУНЧАЕВ Р.М., НЕЧИТАЙЛО А.Л. Комплексы майкопской культуры в Уст-Джегутинском могильнике. — Советская археология (СА). 1966, № 3, с. 133; MUSCARELLA O.W. The Tumuli at Se Girdan: Second Report. — Metropolitan Museum Journal. 1971, vol. 4; ТРИФОНОВ В.А. Курганы майкопского типа в северо-западном Иране. Судьба ученого. К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Латынина. СПб. 2000.
5. ТРИФОНОВ В.А. Ук. соч., с. 262.
6. Там же.
7. Там же, с. 257.
8. Там же, с. 258.
9. LYONNET V. Preliminary results from the first joint Azerbaijan-French excavations at Souyq Bulaq (2006). Материалы международной научной конференции Кавказ: археология и этнология. Баку, 11—12 сентября 2009 г., с. 78.
10. MARRO C. Is there a Post-Ubaid culture? Reflections on the transition from the Ubaid to the Uruk periods along the Fertile Crescent and beyond. *Varia Anatolica* XXVII, 2012.
11. TRUFELLI F. Ceramic correlations and cultural relations in IVth millennium Eastern Anatolia and Siro-Mesopotamia. *SMEA* 39/1, 1997; FRANGIPANE M. Centralization Processes in Greater Mesopotamia: Uruk «Expansion» as the Climax of Systemic Interactions among Areas of the Greater Mesopotamian Region. *Uruk Mesopotamia and its Neighbors*. 2001; ROTHMAN M.S. The Local and the Regional. *Uruk Mesopotamia and its Neighbors*. Oxford. 2001; FRANGIPANE M. *Yakindoğuda devletin doğuşu*. İstanbul. 2002; STEIN G.J. The development of indigenous social complexity in late chalcolithic upper Mesopotamia in the 5th —4th millennia bc — an initial assessment. *Origini* XXXIV, 2012.
12. FRANGIPANE M. Centralization Processes in Greater Mesopotamia: Uruk «Expansion» as the Climax of Systemic Interactions among Areas of the Greater Mesopotamian Region.
13. ALGAZE G. The Uruk expansion: cross-cultural exchange in early Mesopotamian civilization. — *Anthropol.* 1989, v. 30; ALQAZE G. The prehistory of Imperialism. *Uruk Mesopotamia and its Neighbors*. Oxford. 2001; АВИЛОВА Л.И. Обмен металлом на Ближнем Востоке в раннем и среднем бронзовом веке. — РА. 2010, №1.
14. ЧЕРНЫХ Е.Н., ОРЛОВСКАЯ Л.Б. Феномен майкопской общности и ее радиоуглеродная хронология. В кн.: Археология Кавказа и Ближнего Востока. М. 2008; РЫНДИНА Н.В., РАВИЧ И.Г. Литейные и кузнечные приемы в металлопроизводстве майкопских племен Северного Кавказа. В кн.: Цивилизационные центры и первобытная периферия в эпоху раннего металла: модели взаимодействия. Тезисы докладов круглого стола, посвященного памяти Н.Я. Мерперта. М. 2013.
15. BAŞŞƏLİYEV V., MARRO C., AŞUROV S. *Ovçular tərəsi*. Bakı. 2010; MARRO C., BAKHSHALIYEV V., ASHUROV S. Excavations at Ovchular tepesi (Nakhchivan, Azerbaijan). Second preliminary report: The 2009—2010 seasons. *Anatolia Antiqua* XIX (2011).
16. SEYİDOV A., BAŞŞƏLİYEV V. *Ərəbyengicə*. Bakı. 2009.
17. FRANGIPANE M., PALUMBI G. Red-Black ware, pastoralism, trade, and Anatolian. Transcaucasian interactions in the 4th—3rd millennium BC. In: *Les cultures du Caucase*. P. 2007.

Становление православного христианства в Якутии в XVII—XIX вв.

А.Н. Куликова

В Записке о России выдающийся русский историк Н.М. Карамзин писал: «... от моря Каспийского до Балтийского, от Черного до Ледовитого, ... жили народы кочевые, звероловные и земледельческие, среди обширных пустынь. Провидению угодно было составить из сих разнородных племен обширнейшее государство в мире»¹. Подобное суждение было результатом соединения географических, этнографических знаний с политическими и религиозными процессами, развернувшимися во второй половине XVII — начале XVIII в. на территории Российской империи. Наиболее значимые в территориальном, экономическом и идеологическом отношении события происходили на северо-востоке страны.

История целенаправленного освоения Якутской области берет свое начало с XVII в., с развития колониальных интересов Российского государства. Основной задачей колонизации являлось закрепление в северных землях, а также дальнейшее расширение российских границ до Северного Ледовитого и Тихого океанов. Обладание обширной территорией Якутской области имело доминирующее политическое значение для Российской империи. Ведомое выработанной имперской геополитической стратегией, государство Российское стало осваивать новую территорию, заселяя ее военными людьми, возводя остроги и форпосты, последовательно проводя политику расширения и централизации. Утверждение российского самодержавия в крае осуществлялось посредством установления налога-ясака, которым облагались все роды туземного населения. Якуты, эвены, эвенки, юкагиры, чукчи, долгане, ведущие кочевой образ жизни, по определению царской администрации были объявлены «бродячими инородцами», в обязанность которым была вменена регулярная оплата налога пушнинаой — шкурка с человека. Таким образом происходило покорение местных племен сначала вооруженным, а затем и идеологическим путем. Одним из основных методов освоения данного региона была постепенная православная христианизация коренных народов.

Знаменательным является период 1740-х гг., когда был построен Ленский (позднее переименованный в Якутский) острог, ставший русским административным центром и положивший начало активным контактам с местным населением. Однако в данный период времени ситуация мирного сосуществования

Куликова Анна Николаевна — доцент Технического института (филиала) Северо-Восточного федерального университета. Нерюнгри.

была невозможна из-за действий казачьих отрядов в отношении коренных народов — не обходилось без периодических военных столкновений. Поэтому отношение ко всем русским со стороны якутов и тунгусов характеризовалось как крайне неприязненное ².

Церковные иерархи Тобольской епархии, в ведомстве которой находилась Якутская область, руководствовались императорским указом к Сибирскому Губернаторству 1719 г., в котором отмечалось, «что в неволю... никого крестить не будут, разве которые пожелают волею своею креститься в Православную веру» ³. Целенаправленной миссионерской работы духовенство не проводило ввиду отсутствия прямых императорских распоряжений и епархиальных указов, и на первом этапе в места проживания коренного населения православие не проникало. Первыми туземцами, обращенными в православие, были ясыри — рабы, захваченные казаками «на погроме». Рабов наспех крестили, чтобы закрепить их за собой, так как крещеным труднее было вернуться в родную среду после побега. Содержание новой веры познавалось рабами значительно позднее или не познавалось совсем. Особенно часто эта участь постигала женщин. Как правило, крещенные женщины-рабыни становились женами, либо наложницами русских казаков. Все рожденные в таких браках дети являлись, как правило, воцерковленными православными верующими. Установление межэтнических браков способствовало прочному усвоению основ христианского вероучения в среде иноверцев. Впоследствии моногамный православный брак повлиял на упразднение многоженства зажиточных тойонов из числа местного населения.

В числе первых крещенных, но уже добровольно, были обнищавшие, лишившиеся родственной поддержки якуты. Для них принятие православной веры было вынужденной мерой, так как оно являлось спасением от голодной и холодной смерти. Все, кто крестился, отрывались от соплеменников и проживали в остроге, среди русских. Для них вступали в силу указы: Императорский 1720 г. «О льготах новокрещенным», дававший право на освобождение от ясака на три года, «дабы им придать к восприятию веры лучшую охоту» ⁴, и Святейшего Синода 1725 г., который также предписывал «в подушном сборе льготу чинить, от восприятия Святого Крещения впредь по три года неотменно» ⁵.

По мере освоения территории русскими и изменения политики царского двора в отношении инородцев, ситуация постепенно менялась — налаживались административные и хозяйственные контакты. Для усиления российского влияния со второй половины XVII в., согласно императорским указам, продолжало иметь место вознаграждение местных жителей за переход в православие. Показателен документ 1740 г., в котором предписывалось «за восприятие крещения из положенной на новокрещенных суммы, давать каждому по кресту, рубахе, кафтану с шапкою и рукавицами, чириками и чулками и денег: мужского пола от 15 лет — по рублю и 50 коп., от 10 до 15 лет — по рублю, женского пола от 12 лет и выше — по рублю, кому ниже — по 50 коп.» ⁶. Льготы, освобождавшие от уплаты ясака, сохранялись три года ⁷, по другим данным — якутов освобождали от налога на пять лет ⁸. Обряд крещения стал своего рода символом подарков и налогового послабления для народов Якутии, что сыграло значительную роль в улучшении русско-инородческих отношений. Практика дарения подарков и, что более значимо, — освобождение от унижительной и обременительной повинности обусловило значительный рост крещеных из среды местного населения. Поэтому российское правительство не стремилось к усиленной христианизации местного населения и даже ставило ограничения духовенству в связи с тем, что из-за выхода из ясака обращенных в православие налоговая казна «малилась» ⁹. Впоследствии льготы сократили: крещеный Якутского края освобождался от ясака на три года, но в конечном итоге, не получал каких-либо материальных поощрений, кроме креста и иконы (по ука-

зу Екатерины II)¹⁰. Что касается позиции духовенства, то епископ Камчатский Иннокентий (позднее Иннокентий Московский и Коломенский, митрополит, просветитель Сибири и Америки), значительную часть своей жизни посвятивший служению народам Восточной Сибири, координировал всю церковную деятельность в этом регионе. Он настаивал, что новообращавшимся нельзя было делать никаких подарков, давать рубашку или что-либо еще, за исключением крестика. На них нужно было надевать ту самую одежду, в которой они явятся к принятию Крещения, потому что в глазах многих тамошних дикарей и простая рубашка есть дорогая и прельщающая вещь¹¹.

В сложной обстановке вынужденного соседства местного коренного населения и пришлых русских этнокультурные контакты устанавливались медленно, что явилось одной из причин длительной христианизации в среде якутов, эвенков, юкагиров и других народностей. Другими объективными причинами являлись наличие у якутов, ламутов, тунгусов своей развитой системы религиозных представлений и обрядовой практики, а также языковой барьер, огромные расстояния между поселениями и незначительное количество духовных лиц.

Для реализации российских военных, исследовательских, экономических целей, а также укрепления северных и восточных рубежей при царском дворе в отношении коренных народов Якутского края утверждалась программа по их комплексному социальному интегрированию. Для закрепления административных позиций центра на территории было принято решение развернуть обширную деятельность по христианизации аборигенного населения. Христианизация преимущественно кочевого населения должна была способствовать переводу его на оседлый образ жизни. Вместе с тем, массовое крещение планировалось проводить с учетом этнической и культурной специфики, без применения силы. Екатерина II потребовала от сибирских властей изучить исторические, этнографические и культурные особенности нерусского населения Сибири. Этнографические данные должны были содержать сведения «о начале и происхождении иноверцев разных племен, а также между ними достопамятных происшествий, равномерно о законе их, о сохранившихся между ними преданиях»¹².

С учетом этих данных впоследствии был принят Устав «Об управлении инородцами» 1822 года. Отдельные статьи Устава регламентировали процесс религиозного взаимодействия. В документе признавалось существование национальных традиций и обычаев среди местных народностей, сибирским инородцам предоставлялась свобода быта, культуры и верований. Например, в ст. 33 утверждалось, что «кочевые инородцы пользуются свободой в вероисповедании и богослужении»¹³. Устав регламентировал не притеснять исконные верования. Ст. 286 гласила: «... инородцы, не исповедующие христианской веры, имеют свободу отправлять богослужения по их закону и обрядам»¹⁴. Кроме того, документ оговаривал условия утверждения православной веры. В ст. 287 говорилось: «Российское духовенство в обращении их (аборигенных народов. — А.К.) имеет поступать по правилам кротким, одними убеждениями, без малейших принуждений. А земское начальство обязано не допускать стеснения инородцев под предлогом обращения в христианскую веру», «в принятии христианской веры никому не препятствовать» (ст. 290), «не подвергать инородцев никаким изысканиям, если они, исповедуя христианскую веру, окажутся по невежеству, в упущении церковных обрядов» (ст. 291)¹⁵.

Исполнение норм документа, по мнению царской администрации, должно было снизить уровень неприятия, так как он существенно ограничивал русское чиновничество в бесчинстве и грабеже ясачного люда (на деле чиновники нередко весьма грубо и безнаказанно нарушали закон, а обжаловать их незаконные действия якуты фактически не могли) и облегчить крещение иноверцев. Власти не были заинтересованы в притеснении ясачных народов в куль-

турном плане, так как уплата налогов была исправной, а «якутские соболи и лисицы особо отмечались при царском дворе».

Изначально Якутская область в сфере духовных дел принадлежала Тобольской епархии (до 1731 г.), затем, по мере расширения административного устройства, перешла в ведение Иркутской (до 1852 г.) и Камчатской (до 1870 г.). Но обширная территория Якутии должна была по настоянию Святителя Иннокентия «составлять отдельную епархию, так как она есть свой отдельный мир, обстоятельства коей совершенно свои особенные и не похожи на обстоятельства всех и даже соседних губерний»¹⁶. Специфику составлял ряд особенностей, присущих этой области, — отсутствие необходимого количества поместных церквей, священнослужителей в среде уже окрещенных инородцев, а также духовных образовательных учреждений в области, разбросанность кочевого населения на многие тысячи километров и сложные транспортные схемы — проходимость зависела от времени года, что сильно затрудняло посещение священнослужителями своей паствы. Якутские приходы располагались на большой территории, а при отсутствии проездных путей, особенно в северных округах, крещенные по несколько лет не имели возможности встретиться со священнослужителями. Известны факты, когда инородцы и сами способствовали их приезду, «за что обществам мещан и якутов Нижнеколымского округа неоднократно объявлялась архипасторская благодарность за согласие предоставлять безвозмездную местным священникам одну упряжку собак зимой и одну лодку летом»¹⁷.

Эти и многие другие обстоятельства требовали поместного руководства, что естественным образом повлекло за собой учреждение в 1870 г. Якутской епархии и знаменовало утверждение православного центра в крае — открытие духовной семинарии, консистории, перевод и печатание книг на языках коренных народов, храмовое строительство. Учреждение консистории укрепляло положение православной церкви в Якутской области. Внутреннее административное устройство церкви позволило осуществлять обширную программу по христианизации этой части Сибири. Святитель Иннокентий распространял по обширной епархиальной территории церковный уклад, выступал инициатором идей, связанных с переводами на туземные языки священных книг, ведением церковных служб на якутском языке, строительством церквей, проведением миссионерских поездок и созданием походных церквей, повышения жалованья священникам.

Для усвоения основ православного вероучения необходимо было преодолеть языковой барьер. Еще в 1740 г. императрицей Анной было установлено, что преимущество «в выборе церковных причетников, должно быть тем, которые знают языки сих народов, должно взять их по иноверческим деревням»¹⁸. Понимание важности знания местных языков для успешной христианизации привело духовенство к целенаправленной и систематической работе по изучению языков якутских инородцев, для чего понадобилась разработка их письменности. Одним из первых церковных иерархов, поставившим ряд вопросов, связанных с проблемами языка, перед Святейшим Синодом, был Иннокентий Вениаминов. В одном письме обер-прокурору Синода епископ писал: «На якутском языке нет ничего почти переведенного, кроме краткого катехизиса в 1820 г., тогда как говорящих сим языком будет более 200 000!!»¹⁹.

О сложностях реализации Императорских и Синодских постановлений свидетельствует длительная переписка Иннокентия с чиновниками. В одном из писем А.Н. Муравьёву в 1852 г. священник писал: «В Якутской области всех жителей, говорящих одним якутским языком, более ста семидесяти тысяч. Для них надобны книги на их родном языке, а для этого надобно много денег»²⁰. Иннокентий сам выступил организатором переводов, о чем свидетельствует одно из писем к сыну, священнику Гавриилу Вениаминову: «начался пересмотр переводов на якутский язык святых книг, и это делается по вечерам у меня в доме два

раза в неделю»²¹. Священник Д.В. Хитров, позднее просветитель, миссионер, первый епископ Якутской епархии являлся непосредственным участником и продолжателем переводческого дела Иннокентия²². Результат не заставил себя ждать, и уже в 1853 г. в письме А.Н. Муравьеву Святитель Вениаминов рапортовал: «книги священные и церковные, которые я предполагал прошедшего года перевести на Якутский язык, почти все уже переведены и поступили на рассмотрение»²³.

В результате, русскими православными служителями и многими другими подвижниками (русскими политическими ссыльными Н.Г. Чернышевским, Н.Я. Штернбергом²⁴, В.Г. Богораз-Таном²⁵) была составлена грамматика якутского, юкагирского, эвенкийского, чукотского и других языков, а также учреждены первые в Якутии издательские органы²⁶. Преодоление языкового барьера значительно упрочило усвоение догматических основ православного христианства и перевело на более качественный уровень познания инородцев в православной вере.

Якутская область в середине XIX в. состояла из 6 округов: Якутского, Вилюйского, Олекминского, Верхоянского, Колымского и Охотского. В наиболее крупных городских центрах при них, таких как Якутск, Олекминск, Вилюйск, Верхоянск, Среднеколымск, а также местах постоянного кочевания местных народов Севера началось активное возведение церквей и часовен. В этом также принимали участие представители туземного населения²⁷. Наиболее интенсивное церковное строительство и освещение часовен и церквей относится к концу XIX века. В Восточной Сибири государственная власть достаточно активно финансировала церковное строительство с целью укрепления православия в отдаленных районах. Епархиальные архиереи получили право разрешать строительство церквей и часовен самостоятельно и распоряжаться средствами и материалами, выделенными на строительство. На момент образования епархии в Якутской области действовало 37 церквей и 120 часовен²⁸. В 1883 г. на территории Якутии имелось уже 76 церквей и 130 часовен, а в 1897 г. — 100 церквей и 150 часовен²⁹. Особенностью храмового строительства в Якутской области явилось достаточное количество часовен при многих церквях. Это было связано с большой территорией и полукочевым образом жизни населения, когда уездная церковь не была востребована в должной мере жителями: церковь могла иметь приход до 14,5 тыс. душ, а в воскресные дни к обедне собирались не более 10 человек³⁰. Примечательно, что большинство культовых зданий края было построено на средства многих тойонов и купцов из среды коренных народов, бывших ревностными христианами³¹. Житель Олекминского улуса С.И. Идельгин пожертвовал 10 тыс. руб.; на средства И.Г. Юшманова была возведена Борулахская Николаевская церковь, Кобяйская Иннокентьевская церковь была построена на средства прихожан-якутов Кобяйского, Теинского и Кокуйского наслегов из Средне-Вилюйского улуса; Иннокентьевская часовня на реке Аюн в 1858 г. возникла благодаря средствам юкагиров; Спасская часовня 1866 г. была возведена на деньги Омоллонских юкагиров; ряд церквей Олекминского улуса была построена на средства прихожан того или иного наслег и т.д.³² Несколько меценатов из числа инородцев получали почетные звания и памятные награды — медали и грамоты от Синода по ходатайству архиерея. Одним из них был почетный инородец Оймьяконо-Борогонского наслег Баягантайского улуса по Оймьяконскому краю Н.О. Кривошапкин³³.

С 60-х гг. XIX в. началась обширная программа по крещению местного населения. Деятельность миссионеров, приходских священников и священнослужителей походных церквей была сопряжена порой с рисками для жизни. Они совершали сложнейшие переезды на тысячи километров при сильнейших морозах, ночуя под открытым небом и подвергая свою жизнь многим опасностям. Результатом подвижничества православных священников явилось то, что со второй половины XIX в. большая часть населения Якутии считалась

приведенной к православию. По данным на 1870 г., в Якутской области проживало 232 тыс. чел., из которых христианство исповедовали 219 тыс. якутов, тунгусов, чукчей и юкагиров³⁴. Вместе с тем, перепись фиксировала только формальную принадлежность к религии, не учитывая уровня религиозности.

Проводя широкомасштабные кампании по утверждению православия среди коренных народов, священнослужители практически не встречали сопротивления или же недовольства обряду крещения. Однако в действительности, успех миссионерства среди местных племен являлся только видимым: переход в православие совершался лишь формально. Принявшие крещение, «истинную христову веру», не были православными верующими в строгом, каноническом, смысле. Перенималась в основном культово-обрядовая сторона православия. Новая религия не повлияла сколько-нибудь существенным образом на традиционные религиозные верования тунгусов и якутов, которые были тесно вплетены в промысловую и хозяйственную деятельность и продолжали занимать ведущее место в мировоззрении северных народов. Это наиболее отчетливо прослеживалось в отдаленных районах Якутии, где совершенно мирно уживались две противоречивые религиозные традиции — православие и представления о духах-покровителях. Исследователь Мидендорфф отмечал, что все христианство якутов заключалось только в данных им при крещении именах³⁵.

Религиозные представления народов Якутии, занимавшие прочное место в их традициях и культуре, успешно сосуществовали с православной обрядностью, праздниками, символикой и отчасти мировоззрением. Такой синтез явился неотъемлемой частью культурной и религиозной жизни «крещенных» местных народностей. А сравнительно быстрое распространение и бытование православия среди коренных народов Якутии объясняется схожестью целого ряда признаков в религиозном мировоззрении шаманизма и христианства. Об этом свидетельствует ряд исследований Г.В. Ксенофонтова, где подробно анализируется схожая роль Христа и шамана³⁶, выступавших посредниками между миром людей и миром Бога (духов). Верхний мир считался раем, нижний — адом. Похожесть мировоззрений обусловила легкость восприятия новой религии. Так, например, образы якутских божеств соседствовали с христианским Богом Отцом, а злые духи в религиозном сознании северных народов соединялись с христианскими бесами. Близость религиозных представлений народов Якутии и православного христианства обусловила повсеместное совмещение поверий и культов коренных народов Якутии.

По наблюдениям Л.Г. Виташевского, распространенным примером сосуществования двух разных религиозных систем являлась якутская свадьба. Венчание в церкви не устранило из жизни крещеных обычай уплаты за невесту калыма и сложного церемониала якутской свадьбы, проникнутого языческим духом³⁷. Также не утратил своей популярности культовый летний «кумысный праздник», «встреча лета» — «ысыах», который устраивался в начале июня и состоял в коллективном молении и обращении к божествам — покровителям скотоводства и благополучия, а также народном жертвоприношении. Праздник имел древнюю легендарную историю, когда национальный герой Эллэй в летний праздник впервые поднял чашу с кумысом в честь верховного божества Айыы Тойона³⁸. Неизменным у местных жителей оставалось обращение к услугам шамана в случае серьезной болезни для изгнания злых духов абаһы. Некоторые верования — анимистические, тотемистические, магические, использование фетишей и амулетов — сохранялись без каких-либо модификаций. Религиозные обряды, сопровождавшиеся жертвоприношениями духам, обращения к ним с различными просьбами, камлания шаманов у местных народов продолжали занимать основное место в культурной жизни, несмотря на активную кампанию православных священников по искоренению языческих

культов и их служителей. В случае необходимости уничтожались места исполнения обрядов, шаманов русские попы и полицейские власти нередко преследовали, а камлания совершались в отдаленных от поселений местах. Шаманские верования и практики были настолько глубоко интегрированы в культурную среду, что не поддавались значительной трансформации: известны парадоксальные факты, когда шаманы заменяли и священника и врача.

В.Л. Приклонский отмечал, что шаманизм, несмотря на запрет властей и преследования со стороны царских властей и православной церкви, в значительной степени сохранял свои позиции³⁹. Феномен двоеверия, когда произошло сращивание христианства с шаманскими, мистическими и магическими представлениями, существовал в среде местного населения наряду с церковными обрядами вплоть до конца XIX века.

Для российской стороны присоединение Восточной Сибири, «своей вотчины», как именовали ее при дворе, имело огромное политическое и экономическое значение. А вхождение Якутии в единое российское конфессиональное православное пространство способствовало укреплению позиций России на ее дальних рубежах. Все это привело к тому, что историческое развитие народов Якутии изменилось коренным образом. Со второй половины XVII до конца XIX в., благодаря активной российской колонизации Якутской области, в тесное соприкосновение пришли народы, принадлежавшие к различным культурным традициям. Местные якутские и тунгусские племена и роды оказались под сильным воздействием русской православной культуры, что значительным образом повлияло на их дальнейшее историческое и культурное развитие, подвергнув значительным изменениям. С приходом русского населения в Якутию с середины XVII в. культура, развитые религиозные представления и традиционный самобытный уклад жизни коренных народов Якутии подверглись трансформации во многих аспектах. Следствием проводимых действий стала культурная ассимиляция, урбанизация и православная христианизация народов Якутии, что явилось в истории этнических общностей неожиданным вторжением в размеренную, столетиями сложившуюся бытность. Конечно же, это привело к резким переменам в жизни коренного населения, к ломке традиционного образа жизни, подмене культурных ценностей. Несмотря на деструктивные колониальные действия, были предприняты попытки правового регулирования вопроса культурной автономности аборигенных народов в обширном северном крае.

Примечания

1. КАРАМЗИН Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении. М. 1991, с. 16.
2. ПЕТРОВА Т.П. Русское население Якутии: проблемы этнокультурной адаптации. Якутск. 2004, с. 169.
3. О крещении татар и других иноверцев против их воли. [Указ] № 3410, 31 июля 1719 г. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Т. V. СПб. 1830, с. 726—727.
4. О льготе новокрещенным от всяких сборов и податей на три года. [Указ] № 3637, 1 сентября 1720 г. Там же, т. VI, с. 234—235.
5. О даровании инородцам по восприятию ими Святого Крещения льготы от подушного сбора на три года. [Указ] № 1382, 2 октября 1725 г. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. По определению Святейшего Правительственного Синода. Т. IV. СПб. 1876, с. 231.
6. Об отправлении Архимандрита с некоторым числом Священнослужителей в разные губернии для обучения новокрещенных Христианскому закону и о преимуществе

- ществах новообращенным дарованных. [Указ] №8236, 11 сентября 1740 г. ПСЗ РИ. Т. XI. СПб. 1830, с. 254.
7. О даче новокрещенным разных народов людям льготы от платежа подушных денег. Утвержденный доклад Сената № 5737, 3 апреля 1731 г. Там же. Т. VIII. СПб. 1830, с. 448.
 8. ТОКАРЕВ С.А. Очерк истории якутского народа. М. 1940, с. 131.
 9. Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в 18 веке. Сб. архивных материалов. Ленинград. 1935, с. 9.
 10. ПСЗ РИ. Т. XVI. СПб. 1830, с. 706.
 11. Особенности наставления относительно учения, богослужения и обхождения с инородцами. В кн.: Святитель Иннокентий Московский, просветитель Америки и Сибири. Собрание сочинений и писем. Т. 3. М. 2012, с. 85—92.
 12. Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов. Т. IV. Ленинград. 1929, с. 3.
 13. Права инородцев. Т I. СПб. 1822, с. 410.
 14. Положения об инородцах. Т II. СПб. 1892, с. 5.
 15. Там же, с. 5.
 16. Андрею Николаевичу Муравьеву 9 октября 1953 г. Святитель Иннокентий Московский..., с. 526.
 17. ЮРГАНОВА И.И. История Якутской епархии. 1870—1919 гг. (деятельность духовной консистории). Комитет государственной архивной службы РС (Я). Якутск. 2007, с. 61.
 18. О выборе для обучения православному закону и для приведения в веру Греческого исповедания разных народов таких церковных причетников, которые знают языки сих народов. № 8004, 16 Января 1740 г. ПСЗ РИ. Т. XI. СПб. 1830, с. 9.
 19. Письмо епископа Камчатского Иннокентия обер-прокурору Святейшего Синода Н.А. Протасову о ходе своего путешествия на о-в Ситху 4 августа 1841 г. Святитель Иннокентий Московский..., т. 3, с. 118.
 20. Андрею Николаевичу Муравьеву 14 февраля 1852 г. Там же, с. 464.
 21. Священнику Гавриилу Вениаминову. Там же, с. 587.
 22. ГУЛЯЕВА Е.П. Книга в Якутии: (1812—1916). Якутск. 2004, с. 36.
 23. Андрею Николаевичу Муравьеву 9 октября 1853 г. Святитель Иннокентий Московский..., с. 536.
 24. ШТЕРНБЕРГ Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции. Ленинград. 1936.
 25. Богораз-тан В.Г. и Северо-Восток: Библиографический указатель. Магадан. 1991.
 26. Православие на Дальнем Востоке. СПб. 2001, с. 26.
 27. НОГОВИЦЫН В.П. Прошлое, настоящее, грядущее саха. Новосибирск. 2004, с. 28.
 28. ЮРГАНОВА И.И. Церкви Якутии: Краткая история. Якутск. 2010, с. 19.
 29. Там же, с. 28.
 30. Записка о разных предметах, касающихся церковей и причтов по Якутской области, 1852 г. Святитель Иннокентий Московский..., с. 481.
 31. АЛЕКСЕЕВ Н.А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX — нач. XX вв. Новосибирск. 1975, с. 108.
 32. ЮРГАНОВА И.И. Ук. соч., с. 97.
 33. Якутия: природа, этнография, современность: историко-культурный атлас. М. 2007, с. 299.
 34. ГОРОХОВ С.Н. Пастырство Вениаминова среди кочевых малых народов северо-востока Азии и их сегодняшнее положение. — Илин. 1997, № 1, с. 51.
 35. МИДЕНДОРФФ А.Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Ч II. СПб. 1869, с. 109.
 36. КСЕНОФОНТОВ Г.В. Шаманизм. Избранные труды. Якутск. 1992, с. 253.
 37. Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов. Т. IV. Ленинград. 1929, с. 11.
 38. КСЕНОФОНТОВ Г.В. Элэйада. М. 1977, с. 180.
 39. ПРИКЛОНСКИЙ В.Л. О шаманстве у якутов. — «Известия ВСОИРГО». 1886, т. XVIII, № 1—2, с. 111.

Духовное правление Арзамасского уезда в системе Нижегородского наместничества

М.Б. Щавелёва

Арзамасский край содержит много тем для всевозможных научных изысканий. Так, например, нет точной даты основания Арзамаса (в БСЭ упоминается 1578 г.). До сих пор ведутся споры по поводу толкования названия города. Малоизученными остаются: ранний период местной истории, административно-территориальное преобразование уезда, демография и торгово-промышленное развитие Арзамаса, его роль в формировании Российского внутреннего рынка.

Участие Арзамаса в событиях общероссийской истории последней четверти XVIII — первой половины XIX в. зачастую недооценивалось или не получало всестороннего освещения. Это объясняется рядом причин. На протяжении десятилетий изучение истории провинциальных городов, сел, посадов и деревень занимало незаслуженно малое место в исторической науке, являясь, главным образом, уделом местных краеведов и любителей. Между тем, осмысление событий так называемой региональной истории дает ключ к пониманию закономерностей общероссийской истории.

Обращение к истории Арзамасского духовного правления продиктовано необходимостью осмысления роли религии и церкви в современном мире, а практическая актуальность темы данного научного исследования связана с ведущимся ныне обсуждением перспектив духовного развития России. Успешное решение назревших проблем невозможно без обращения к историческому опыту, накопленному в предшествующие века и десятилетия.

Предпринятое правительством в 1784 г.¹ перераспределение епархий мотивировалось необходимостью установить быструю и удобную связь гражданской власти с духовной. До этого епархии не совпадали с губерниями и областями ни по числу, ни по границам, что затрудняло и делало порой невозможным сношение губернаторов с архиереями. Реформа затянулась и закончилась лишь в 1796 году.

16 октября 1799 г. указом Павла I Арзамасский уезд был окончательно присоединен к Нижегородской епархии, а епископы нижегородские стали именоваться и арзамасскими. Руководство духовной жизнью губернии осуществляла Нижегородская духовная консистория. Арзамас имел свое духовное прав-

Щавелёва Марина Борисовна — кандидат исторических наук, доцент Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

ление, в ведении которого находились монастыри и церкви (соборные и приходские).

По данным документов, в начале XIX в. в Арзамасе числилось 12 приходов: Благовещенский, Ильинский, Богословский, Христорождественский, Владимирский, Крестовоздвиженский, Троицкий, Особо-Троицкий, Спасский, Софийский, Введенский, Алексеевский².

По сведениям «Статистическо-этнографического отчета по Арзамасскому уезду за 1837 г.», составленного земским судом, в Арзамасском уезде числилось 82 церкви, из них: 55 каменных и 27 деревянных, в городе — 35 каменных церквей, 2 часовни, 4 монастыря³. Из 35 городских церквей 7 были монастырскими, 23 — приходскими, 2 — соборными, 3 церкви при кладбищах (Тихвинская, церковь Всех Святых, церковь во имя Сергия Радонежского); среди монастырей — мужские Троицкий и Спасский, женский Никольский и женская Алексеевская община. В документах особо отмечалось, что все религиозные учреждения Арзамаса относятся к православной юрисдикции.

Большая часть арзамасских церквей и монастырей имела многовековую историю. Так, Спасский мужской монастырь был основан в середине XVI века. Первые акты о нем относятся к 1556 году. «Никольский девич монастырь и церковь Николы Чудотворца заведены и построены духовнаго почину Феофилактом Яковлевым, который при той церкви и был попом» в 1580 году⁴.

О возникновении Алексеевской женской общины известно следующее: «Во 142 (1634) г. по указу блаженной памяти... великого государя царя и великого князя Михаила Фёдоровича Всея Руси, по грамоте из Новгородского приказу воеводе князю Никите Шаховскому указано построить в Арзамасе на посаде наше царское богомолие Новодевич монастырь Алексея, человека божия...»⁵. Упраздненный Указом от 26 февраля 1764 г. монастырь был возрожден в качестве женской общины иеромонахом Фёдором Ушаковым, давшим общине устав и определившим настоятельницей Евдокию Ивановну. Алексеевская церковь была преобразована в приходскую (приход состоял из 58 домов). Сестры и настоятельница вместе с имуществом были переведены в Никольский женский монастырь. Небольшая часть сестер осталась жить в пустых монастырских кельях.

В 1813 г. число монахинь увеличилось. Они образовали «примерную» общину и получили право выбора настоятельницы, кандидатуру которой утверждала духовная консистория. Сестры и послушницы группировались в «артели» по 5—10 человек. У каждой такой артели было свое занятие: хозяйственное, швейное, рукоделие (вышивание серебром и золотом), резьба по дереву, иконопись. При поступлении в общину женщины предъявляли свое метрическое свидетельство, разрешение родственников и городских властей; различий по происхождению и состоянию не было. По окончании испытательного срока, который длился от 1 месяца до 1 года, послушницы получали от настоятельницы аттестат и утверждались архиереем в монашеском сане. В 1860 г. штат общины состоял из 542 женщин с настоятельницей и казначеем⁶. Все женщины были грамотные. День, начинавшийся в общине в 4 часа утра молитвой, проходил в трудах и заканчивался вечерним молением.

Монастыри являлись крупной духовно-политической и культурной силой государства и центром религиозной жизни Арзамасского уезда. Главными статьями монастырских доходов были государственные пожалования, монастырские слободы, вклады доброхотов. Дополнительный доход в казну монастырей приносили ремесла и промыслы. Некоторые из них получили широкую известность в России и за рубежом: золотое шитье, низание жемчуга, вышивание по бархату, выполненное руками монахинь Никольского монастыря и Алексеевской общины.

Представители самых разных сословий находили в монастыре прибежище «от мирских тягот и забот». Уход в монастырь сопровождался увольнением из купеческого и мещанского обществ и выдачей увольнительного «паспорта». Вопрос об увольнении решался в наместническом (позднее, губернском) правлении. Так, в апреле 1796 г. в арзамасский магистрат поступило прошение дочери купца 2-й гильдии Фадеевой Авдотьи Васильевны, которая, ссылаясь на свою болезнь, просила разрешения «остаточные жизни... дни... препроводить в монашеском чине...»⁷. Проведя необходимое расследование, наместническое правление вынесло решение уволить Фадееву в «монашеское звание».

Арзамасские монастыри, выполняя функцию призрения сирот, старых и немощных, имели в своем составе приюты и больничные кельи. В 1852 г. в Никольском монастыре был открыт приют на 10 девочек-сирот духовного звания и больница на 5 кроватей, при которой в 1856 г. на средства московского купца Максима Кирилловича Жильцова был устроен храм во имя Пресвятой богородицы⁸. В 1859 г. в Арзамасе и его уезде насчитывалось 138 церквей, 4 монастыря и 6 часовен⁹.

Екатерина II, посетившая Нижний Новгород и Арзамас в 1767 г., писала: «... Сия епархия, кажется, весьма достойна особливого примечания, ибо число правоверных, думаю, больше, чем число иноверных и раскольников...»¹⁰.

По данным документов, в 1848 г. в Арзамасе проживало 28 раскольников: по Спасову согласию — 12 чел., Поморскому — 16 человек¹¹. Особо отмечалось, что «означенные лица своих часовен не имеют, кроме своих домов, в которых молелен также нет».

В 1853 г. в Арзамасском уезде числилось 12 911 раскольников. Они проживали в 59 селениях (40 приходах) уезда и составляли около 11% от общей численности населения уезда; на 100 чел. обоего пола приходилось 11 раскольников (для сравнения в Нижегородском уезде — 17 602 раскольника, в Горбатовском — 29 198, в Балахнинском — 29 451)¹².

На территории Арзамасского уезда в 50-х гг. XIX в. проживали представители семи вероисповеданий: 97,8% из них были православными. В сравнении с 1853 г. число раскольников сократилось в 5 раз и составило 2% от всех жителей уезда.

Таким образом, с 1799 г. Арзамасский уезд относился к Нижегородской епархии, имел свое духовное правление. Центрами религиозно-политической жизни Арзамаса и его уезда были монастыри, являвшиеся также хранителями культурных и исторических памятников.

Примечания

1. НИКОЛЬСКИЙ Н.М. История русской церкви. Минск. 1990, с. 258.
2. Центральный архив Нижегородской области (ЦА НО), ф. 61, оп. 216, д. 140, л. 2.
3. Там же, д. 8, л. 16—24об.
4. Там же, ф. 2013, оп. 1, д. 189, л. 5.
5. Алексеевская община. Нижегородские губернские ведомости. 31.I.1848, с. 33.
6. ЦА НО, ф. 1024, оп. 1, д. 2, л. 1—1об.
7. Там же, ф. 4, оп. 1, д. 2489, л. 1.
8. Там же, ф. 885, оп. 1, д. 1, л. 22—22об.
9. Там же, ф. 2, оп. 4, д. 1456, л. 104.
10. Нижегородский край: факты, события, люди. Н. Новгород. 1994, с. 109.
11. ЦА НО, ф. 2, оп. 4, д. 2003, л. 1.
12. Памятная книжка Нижегородской губернии на 1865 г. Н. Новгород. 1864, с. 175.

Политико-стратегическое содержание планов Третьего рейха в отношении СССР

В.Г. Кикнадзе

Начало развязанной Третьим рейхом войны против Советского Союза отделяет от сегодняшнего дня почти восемь десятилетий. Рождение этих агрессивных планов имеет еще большую, столетнюю историю. Многие радикальные идеи «российской политики» появились в Германии уже в годы первой мировой войны. Дальнейшее их развитие связано с революциями в России 1917 г. и в Германии 1918 г., итогами первой мировой войны, созданием Советского государства.

Великая Отечественная война 1941—1945 гг., в ходе которой потерпели крах планы Третьего рейха, является ключевым событием не только отечественной истории XX века. Победа советского народа в Великой Отечественной войне над фашизмом имела эпохальное значение для дальнейшего мироустройства и цивилизационного развития. Поэтому историография данной проблемы, которая не теряет своей актуальности, весьма обширна и многогранна. Конечно, прежде всего, это относится к отечественной исторической науке.

Основой для аналитического обзора политико-стратегических планов Третьего рейха в отношении СССР послужили две группы исторических источников (документы, на которых базировалась международная правовая оценка планов Третьего рейха в отношении СССР в 1945—1946 гг.; другие документы, в последующем выявленные и опубликованные в СССР и России или получившие оценку на страницах отечественных научных изданий), а также три видовые историографические группы (фундаментальные научные и научно-справочные труды; исследования по отдельным аспектам темы; научные статьи в периодических изданиях). Внутри этих групп имеются тематические направления, связанные с различными проблемами изучения объекта исследования.

В настоящей публикации представлены результаты анализа опубликованных источников и фундаментальных исследований по истории Великой Отечественной войны, тематических и универсальных научно-справочных трудов.

Первую группу источников — документы о политико-стратегическом содержании планов Третьего рейха в отношении СССР, которые послужили доказательной базой для правовой оценки на международном уровне деятельности Третьего рейха — представляет сборник документов «Международный военный трибунал (Нюрнбергский процесс)»¹. Основополагающими документами, характеризующими сущность и деяния Третьего рейха, являются материалы судебного процесса над бывшими нацистскими преступниками, происходившего в Нюрнберге с

Кикнадзе Владимир Георгиевич — доктор исторических наук, доцент, начальник управления НИИ (военной истории) ВАГШ ВС РФ.

20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г. в Международном военном трибунале. Они публиковались в России (СССР) несколько раз: в двух томах в 1951—1952 гг. и 1954—1955 гг., в семи томах в 1957—1961 гг. и в восьми томах с 1987 по 1999 год.

На сегодняшний день этот сборник является последним по времени издания. Он прошел сверху с оригинальными немецкими документами. Кроме того, в сборник вошли обширнейшие материалы, начиная от состава Международного военного трибунала и вплоть до заключительных слов обвиняемых. Наибольший интерес представляет 3-й том, который посвящен планированию и осуществлению агрессии против Польши, Франции, Великобритании, Норвегии, Дании, Люксембурга, Нидерландов, Греции, Югославии, США, но особенно — СССР.

В главе «Агрессия против СССР» приводятся показания ряда свидетелей (Ф. Паулюс, Е. Бушенгаген), заявления обвиняемых, документы главного командования вооруженных сил фашистской Германии, письма и директивы А. Гитлера. Особенно много материала посвящено переписке М. Антонеску с фюрером, его показаниям, данным в ходе процесса. Эти сведения являются крайне ценными, ввиду того, что румынский диктатор был осведомлен о подготовке вторжения в СССР больше, чем некоторые подчиненные Гитлера.

Во второй группе источников — документов, не вошедших в сборник материалов Нюрнбергского процесса и опубликованных в России (СССР), особую ценность представляют сборники документов. Прежде всего, это подготовленный В.И. Дашичевым и изданный еще в 1967 г. сборник «Совершенно секретно. Только для командования»². Цель данной работы заключалась в развенчивании мифа о войне с СССР как личной войне Гитлера. В ней дана критическая оценка тезиса о непричастности высших чинов вермахта к подготовке и реализации преступных целей Третьего рейха в отношении Советского Союза. Дашичев доказывает, что германская военная верхушка непосредственным образом была причастна к разработке «похода на Восток». Важно, что директивы, приказы и распоряжения руководства Третьего рейха тщательным образом хранились. По мнению фюрера, данные документы должны были стать основой для написания будущей истории по завоеванию вермахтом «жизненного пространства».

Сборник насыщен выдержками из протоколов военных совещаний, в нем помещены разработки планов «Барбаросса», «Ост», а также другие документы высших военных и политических органов нацистской Германии, относящиеся к планированию и организации нападения на Советский Союз. Охватывая период с лета 1940 г., когда планировалось нападение, до мая 1945 г., в сборнике на документальной основе показано развитие и крах немецкой агрессии. Примечательно, что помимо официальных документов в книге присутствуют выдержки из дневника начальника генерального штаба сухопутных войск вермахта (ОКХ) генерал-полковника Ф. Гальдера, чьи личные записи свидетельствуют о готовившейся войне против Советской России.

Важным источником информации о политико-стратегическом содержании планов Третьего рейха в отношении Советского Союза являются документальные источники личного происхождения — свидетельства разработчиков, авторов планов, тех, под чьим руководством они исполнялись. Так, в 1993 г. в «Военно-историческом журнале»³ были опубликованы краткие протокольные записи допросов нацистских преступников — руководителей и высших военачальников Третьего рейха — проходивших в июне 1945 года.

На вопрос, который задавался всем в ходе допроса, — «С какого времени Германия начала подготовку к войне против Советского Союза и какое участие вы принимали в этой подготовке?» — начальник главного командования вермахта (ОКВ) генерал-фельдмаршал В. Кейтель дал следующий ответ: «Вопрос о возможности войны с Советским Союзом впервые встал с некоторой неопределенностью к концу 1940 года. В период осени 1940 г. — зимы 1940/41 г. этот вопрос ставился только в плоскости возможности активных действий германских вооруженных сил на Востоке с целью предупреждения нападения России на Германию... В период зимы 1941 — весны 1941 гг. война на Востоке считалась почти неизбежной и генштаб начал подготовительные мероприятия и разработку планов войны»⁴.

Фельдмаршал неоднократно акцентировал внимание на «превентивности» действий руководства Третьего рейха в отношении СССР: после заявления Советским Союзом своей позиции по отношению к Румынии, Финляндии и Прибалтике, «для Германии стала ясной угроза нападения Красной Армии»; «опасность стала особенно ясной после шагов СССР в балканской политике»; «все мероприятия, проводившиеся нами до весны 1941 г., носили характер оборонительных приготовлений на случай внезапного нападения Красной Армии»⁵ и др.

Представляют интерес показания, данные Кейтелем, о факторах, учитываемых при разработке оперативно-стратегического плана войны против СССР: исключительный размер территории России, делающий абсолютно невозможным ее полное завоевание; достаточность для достижения победы в войне захвата территории до линии Ленинград — Москва — Сталинград — Кавказ. Таким образом, судя по допросу, в расчеты Третьего рейха не входило полное завоевание России.

Менее откровенен был рейхсминистр авиации, главнокомандующий люфтваффе (ВВС) рейхсмаршал Великогерманского рейха Г. Геринг, который заявил, что «о готовящейся войне против России узнал за полтора-два месяца до начала войны». С его слов, осенью 1940 г. существовал приказ о подготовке к войне, но к России он никакого отношения не имел. Геринг, якобы, неоднократно пытался отговорить Гитлера от его намерений воевать с СССР, считая, что война против Советского Союза нецелесообразна⁶.

Из допроса следует, что второй человек в нацистской иерархии не знал о миллионах русских, уничтоженных по приказу руководства Третьего рейха: «поверьте мне, что террор ни в коем случае не был направлен против славян, только против евреев»⁷.

Отвечая на эти же вопросы, заместитель начальника штаба оперативного руководства вермахта (до войны там же начальник отдела обороны страны) генерал артиллерии В. Варлимонт сообщил о том, что ему стало известно о планировании войны против СССР в июле 1940 года. Более определенное решение было принято в ноябре 1940 года. На его основании Варлимонт под контролем начальника штаба оперативного руководства вермахта генерал-полковника А. Йодля разработал общую оперативную директиву. В декабре 1940 г. были даны более конкретные указания по подготовке войны против СССР, которую Варлимонт считал губельной для Германии⁸.

Из показаний командующего военно-морским флотом Германии гросс-адмирала К. Дёница, по завещанию Гитлера — последнего главы германского правительства и главнокомандующего всеми вооруженными силами — получить представление о планах Третьего рейха в отношении СССР весьма сложно. Он не смог дать исчерпывающего ответа на вопрос — «как и с какого времени готовилась Германия к вооруженному нападению на Советский Союз», так как «не был в курсе дела». Дёниц, с его слов, предпочитал заниматься только тем делом, которое ему было поручено, а потому не интересовался военными планами Гитлера, о войне Германии с СССР узнал лишь летом 1941 г., когда получил письменный приказ о ее начале. Как командующий подводным флотом Германии (1935—1943 гг.) он якобы лично принимал участие в разработке военных планов только против морских держав — Англии и Америки⁹.

Опросы других свидетелей событий более информативны. Например, начальник штаба оперативного руководства вермахта генерал-полковник Йодль подтвердил факт издания Гитлером в ноябре 1940 г. предварительного приказа, в котором говорилось о предстоящей войне с Советским Союзом. Всем командующим предлагалось разработать планы военных операций. В начале декабря 1940 г., по свидетельству Йодля, был издан оперативный приказ о подготовке к войне с СССР¹⁰. С его слов, существовало политическое мнение, что положение усложнится в том случае, если Россия первой нападет на Германию. «А поскольку раньше или позже, но война с ней неизбежна, нам следует лучше самим выбрать время для нападения»¹¹.

Единственный из опрошенных, кому не задавался вопрос о планах Третьего рейха в отношении СССР, — генерал-полковник Г. Линдеманн, бывший в последнее время командующим немецкими войсками в Дании. Впрочем, с его слов, он «политикой оккупации не занимался и не интересовался»¹².

Еще в 1960-е гг. на фоне обострения военно-политической обстановки в мире в разгар «холодной войны», проблема ответственности за развязывание второй мировой войны и войны между Германией и Советским Союзом 1941—1945 гг. получила «альтернативное» прочтение буржуазными «историками». Однако историографические фальсификации и объективные оценки зарубежных авторов не остались незамеченными в СССР. В канун 20-летия победы в Великой Отечественной войне зарубежные публикации документов изучались отечественными специалистами и освещались на страницах отечественных научных изданий.

Так, в рецензии В.Г. Сироткина на статью Р. Картье «Что хотел сделать Гитлер с Россией»¹³ отмечалось, что французский историк, основываясь на неопубликованных материалах совещаний руководителей Третьего рейха в начале 1940 г., хранящихся в архивах ФРГ, рассматривает вопрос в двух аспектах: экономические и политические планы фашистской Германии в отношении СССР (март-апрель 1941 г.) и их практическое воплощение (июнь-октябрь 1941 г.). Помимо краткого обзора положений «Плана Ольденбурга» (плана «грандиозного грабежа») и политических проектов Третьего рейха в отношении СССР («колонизировать» Россию путем переселения на территорию «Великороссии» сначала части прибалтийской буржуазии, а затем датчан, норвежцев и англичан с тем, чтобы «через одно — два поколения этот новый район немецкой колонизации мог быть включен в рейх») (с. 197), Картье пишет о некоей оппозиции «честных» немецких генералов планам Третьего рейха в отношении СССР, которая проявилась, по его мнению, еще в марте 1941 г. на совещании по ведению военных операций на территории Советского Союза (с. 197). Документальное подтверждение этой версии в статье не приводится.

В заметке В.М. Гиленсена дана краткая характеристика на публикацию историками из ГДР¹⁴ документа из фондов архива Института военной истории ГДР о подготовке в Третьем рейхе воздушной войны сразу же после прихода фашистов к власти. Он представляет собой докладную записку германского авиационного специалиста и военного теоретика Кнауца, направленную Герингу 3 мая 1933 года. В качестве первоочередных задач, стоявших перед внешней политикой Третьего рейха, Кнауц выдвигал разгром Польши и Франции, а затем Чехословакии. В целом же, по мнению Гиленсена, докладная записка Кнауца является убедительным аргументом против попыток фальсифицировать историю и представить создание вермахта как меру по «обеспечению обороны» Германии. Немецкие историки В. Хайман и И. Шунке в вводной статье «правильно отмечают, что условия для воссоздания вермахта были подготовлены путем проведения ряда тайных мероприятий милитаристского характера еще в годы Веймарской республики».

Выражая надежду достучаться до сердец и разума сограждан, «Военно-исторический журнал» использует безотказное оружие — документы. Редакция предлагает читателю ознакомиться с инструкцией о боевой подготовке немецких войск зимой 1940/41 г., данной вермахту с целью последующего вторжения в Россию, выдержками из аннотаций французской разведки, в полной мере позволяющих судить о планах Третьего рейха, и материалами Международного трибунала¹⁵. В этом же номере печатаются Директивы по руководству экономикой во вновь оккупированных восточных областях («Зеленая папка»)¹⁶, документы и материалы о сотрудничестве Организации украинских националистов (ОУН) с фашистской Германией и разведками других государств против Советского Союза, начиная с 1938 года¹⁷.

Из публикации¹⁸ материалов беседы сотрудника германского Министерства иностранных дел доктора Клейста 2 мая 1939 г., отложившихся в фондах Российского государственного военного архива¹⁹, можно получить наглядное представление о планах Третьего рейха в отношении СССР. Клейст, ссылаясь на высказывания Гитлера, отмечал: «За беспощадным очищением Востока последует “западный этап”, который должен будет окончиться поражением Франции и Англии, будь то военным или политическим путем. Лишь после этого можно будет рассчитывать на осуществимость разгрома Советского Союза» (с. 94). Особый акцент в планировании своих агрессивных намерений на Востоке и Западе руководители Третьего рейха, со слов Клейста, делали на нейтралитет Советского Союза, стремление избежать его вмешательства в силу заключенных договоров о ненападении (с. 95).

Академические научные издания также выступали в защиту интересов России, публикуя в 1990-е — начале 2000-х гг. документы, в основном впервые вводимые в научный оборот.

Например, в четырех документах Архива Службы внешней разведки России ²⁰, подготовленных летом и осенью 1940 г. сотрудниками управлений НКВД, пограничных войск, внешней разведки, главного транспортного управления, и опубликованных в 1997 г. журналом «Новая и новейшая история» ²¹, отмечается начавшаяся концентрация германских войск на оккупированной нацистами польской территории и их увеличение в направлении советской границы. Перемещение частей вермахта сопровождалось работами по их обустройству на новых местах дислокации.

Авторами публикации отмечено, что среди разведывательных данных встречаются элементы дезинформации: сообщается о том, что Германия осуществит нападение на СССР после разгрома Великобритании. Это объясняется тем, что внешняя разведка в то время еще не располагала возможностями распознать дезинформацию и исключить ее из своих сообщений.

В других четырех документах Архива СВР ²² и Центрального архива ФСБ ²³, подготовленных в марте-июле 1941 г., отмечается увеличение концентрации германских войск на границе с СССР. Третий рейх осуществлял комплексные мероприятия по подготовке вермахта к ведению боевых действий против СССР. В целях маскировки отдельным видам работ придавался якобы «оборонный» характер. Значительно возросла активность германской разведки в приграничной полосе; глубина ведения войсковой разведки составляла не менее 200 км (с. 103—104).

В опубликованной шифротелеграмме ²⁴ полпреда СССР в Германии в 1940—1941 гг. В.Г. Деканозова из Берлина от 3 апреля 1941 г. (отложилась в фондах Архива внешней политики Российской Федерации ²⁵) содержатся сведения о подготовке Третьим рейхом агрессии против СССР. Данный документ включает в себя самую разную и даже противоречивую информацию. Но, самое главное, Деканозовым дана правильная оценка срокам нападения немцев «на СССР уже в ходе нынешней войны их с Англией» (с. 88). Другой важный аспект документа — направленность планов Третьего рейха в отношении сельскохозяйственных ресурсов Украины, что было связано с предполагаемым продовольственным дисбалансом в Германии в 1941 г. и первой половине 1942 года (с. 86—87). В комментариях автор — специалист по вопросам внешней политики России (СССР) В.В. Соколов — отмечает эффективность немецкой акции, осуществлявшейся в соответствии со специальной «директивой по дезинформации противника» (с. 84—85).

Первую видовую историографическую группу составляют фундаментальные труды по истории Великой Отечественной войны, тематические и универсальные научно-справочные труды (энциклопедии, словари). В изданной в 1970 г. краткой истории Великой Отечественной войны ²⁶ отдельный, третий раздел освещает подготовку Германии к войне против СССР (с. 28—37). Авторы труда отмечают, что к моменту заключения в 1939 г. договора с Советским Союзом, Германия еще опасалась начать войну против СССР. «Она намеревалась сначала захватить страны Западной Европы и только после этого, используя ресурсы, напасть на СССР» (с. 21). В дальнейшем планы Третьего рейха в отношении СССР менялись. «Страна Советов» стала восприниматься как «главное препятствие на их [гитлеровцев] пути к мировому господству» (с. 28).

Задача Германии в отношении России, заявил Гитлер 30 марта 1941 г., состоит в том, чтобы «разгромить ее вооруженные силы, уничтожить государство». Характеризуя предстоящую войну с Советским Союзом, он цинично продолжал: «Речь идет о борьбе на уничтожение... Война будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке жестокость является благом для будущего» (с. 28).

Советские историки однозначно определили, что фашистские правители начали непосредственную подготовку нападения на СССР, завершив военные действия в Западной Европе. 21 июля 1940 г. главнокомандующий немецко-фашистскими сухопутными силами генерал-фельдмаршал Браухич получил приказ разработать план войны против Советского Со-

юза. Срок нападения — весна 1941 года. 18 декабря 1940 г. Гитлер утвердил план «Барбаросса» (с. 28—29).

Политико-стратегическое содержание планов Третьего рейха в отношении СССР нашло отражение в фундаментальном многотомном труде «Великая Отечественная война 1941—1945 годов» (в 12 томах), разработанном Министерством обороны России. Первый том — «Основные события войны» — рассмотрел этот вопрос в разделах «Подготовка Германии к нападению на СССР» и «План “Ост” — план порабощения и уничтожения народов СССР». Авторы тома отмечают, что идея уничтожения СССР заняла особое место во внешнеполитической программе нацистской партии с выходом в свет в 1925 г. первого издания книги Гитлера «Моя борьба». Решение этой задачи должно было обеспечить Германии статус «мировой державы», способной вступить в борьбу за мировое господство. После назначения 30 января 1933 г. Гитлера рейхсканцлером подготовка к уничтожению СССР стала главным направлением внутренней и внешней политики Третьего рейха²⁷. В итоге высшие инстанции Третьего рейха заблаговременно разработали планы не только ведения войны против Советского Союза, но и его экономической эксплуатации и расчленения²⁸.

Единственное тематическое энциклопедическое издание советского периода²⁹ содержит статьи «Барбаросса» (с. 77—78), «Зеленая папка» Геринга (с. 286), Оккупационный режим (с. 508—509), «Ольденбург» (с. 511) и Генеральный план «Ост» (с. 521), в которых изложены политические и экономические цели германского фашизма в войне против СССР. В вводной обзорной статье энциклопедии указывается, что «важнейшей военно-политической целью войны в планах гитлеровцев было уничтожение главного противника фашизма — Советского Союза, первого в мире социалистического государства, в лице которого они видели основное препятствие на пути к завоеванию мирового господства» (с. 8). Здесь же говорится о планах Третьего рейха «ликвидировать русских как единый народ, уничтожить русскую интеллигенцию, искусственно сократить рождаемость» (с. 8, стб. 2).

В современной России первая разработанная и изданная на государственном уровне (Министерство обороны Российской Федерации) тематическая энциклопедия о Великой Отечественной войне³⁰ придерживается взглядов официальной советской историографии на политико-стратегические планы Третьего рейха в отношении СССР, излагая их лишь в новой стилистике. В обзорной статье «Обстановка накануне войны» указано, что «с началом Второй мировой войны, несмотря на внешне мирные отношения с Третьим рейхом, СССР усиленно готовился к отражению агрессии Германии, военные устремления которой были очевидны» (с. 9).

Непосредственная подготовка фашистской Германии к нападению на СССР, по мнению авторов энциклопедии — сотрудников Научно-исследовательского института (военной истории) ВАГШ ВС РФ — началась в июле 1940 г., после захвата Франции. «В войне против Советского Союза... немецкое руководство ставило целью ликвидировать Советское государство, физически истребить основную часть советских граждан и “германизировать” территорию страны вплоть до Урала, завладеть ее богатствами» (с. 9).

По примеру советской энциклопедии, российские военные историки включили в научно-справочный труд статьи «Барбаросса» (с. 79—80), «Зеленая папка» Геринга (с. 238—239), Оккупационный режим (с. 397—398), «Ольденбург» (с. 400), Генеральный план «Ост» (с. 409—410). Вместе с тем, информационная составляющая данных статей увеличилась. Появилась и новая статья — «Министерство восточных оккупированных территорий» (с. 355).

Аналогичную данной энциклопедии целевую установку Третьего рейха в отношении Советского Союза содержит Военный энциклопедический словарь: ликвидировать Советское государство, завладеть его богатствами, физически истребить основную часть советских граждан и «германизировать» территорию страны вплоть до Урала. Так же, как и советские энциклопедисты, в статье «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг.» в контексте характеристики планов Третьего рейха в отношении СССР российскими авторами выбрана концепция «СССР — главный противник Германии на пути завоевания мирового господства».

При этом не находит основания выдвинутый российскими военными историками следующий тезис: Германия ради уничтожения Советского Союза отодвинула на более поздние сроки задачу разгрома Великобритании и всячески стремилась не допустить ее сближения с СССР. После победы над СССР Германия планировала нанести поражение Великобритании и принудить ее к миру на своих условиях. В отличие от других научно-справочных трудов, в Словаре пусть кратко, но приведены некоторые аспекты политико-стратегических планов фашистской Германии в отношении СССР: руководство Третьего рейха рассчитывало на политическую и экономическую слабость СССР, неизбежность социального и национального раскола советского общества, низкую боеспособность Красной Армии и превосходство германской военной машины³¹.

Опасную для русского мира тенденцию иллюстрирует Военная энциклопедия Беларуси. Статья «Великая Отечественная война 1941—1945 гг.»³² не содержит информации о планах Третьего рейха в отношении СССР. Также, несмотря на людские и экономические потери Белоруссии в Великой Отечественной войне, отсутствуют статьи о планах «Ост», «Ольденбург», «Зеленой папке» Геринга. Статья «Барбаросса план» содержит весьма «оригинальную» трактовку замыслов Третьего рейха в отношении СССР: «Гитлер войну против Советской России рассматривал как “конфликт двух мировоззрений” и потребовал вести ее “на уничтожение”»³³.

Таким образом, анализ опубликованных источников, а также фундаментальных и научно-справочных трудов позволяет сделать следующие выводы:

Во-первых, несмотря на то, что идея уничтожения СССР формировалась в Германии начиная с 1925 г., наиболее полно освещено в опубликованных документах политико-стратегическое содержание планов, относящихся к кануну второй мировой и Великой Отечественной войн — с конца 1930-х по июнь 1941 года.

Во-вторых, из множества аспектов планов Третьего рейха в отношении СССР (политический, экономический, военный) и направлений подготовки их реализации (внешнеполитическое, пропагандистское, стратегическая маскировка, военно-промышленное, подготовка вооруженных сил и их всестороннее обеспечение и др.) в большей степени представлен военный блок вопросов.

В-третьих, фундаментальные монографические исследования и научно-справочные труды в своем большинстве соответствуют особенностям опубликованной исторической базы, отражая в основном предвоенные планы Третьего Рейха в отношении СССР. Лишь в единичных современных фундаментальных работах российских историков предпринимаются попытки показать генезис агрессивной «русской политики» Германии.

Примечания

Статья выполнена в рамках проекта РГНФ № 14-31-12089 «Политико-стратегическое содержание планов Третьего рейха в отношении СССР».

1. Нюрнбергский процесс: сборник материалов. М. 1987—1999.
2. ДАШИЧЕВ В.И. Совершенно секретно. Только для командования. М. 1967.
3. Признания без покаяния (Из протоколов первых допросов нацистских преступников). — Военно-исторический журнал. 1993, № 6—11.
4. Там же, № 9, с. 56.
5. Там же, с. 56—57.
6. Там же, № 10, с. 80.
7. Там же, с. 85.
8. Там же, с. 79.
9. Там же, № 7, с. 85.
10. Там же, № 8, с. 82.
11. Там же, с. 83.
12. Там же, № 10, с. 81.

13. Вопросы истории. 1964, № 1, с. 196—197.
14. ГИЛЕНСЕН В.М. Новый документ о подготовке гитлеровской Германии к агрессии. Заметка на публикацию В. Хаймана и И. Шунке («Zeitschrift für Militargeschichte». Berlin. 1964, № 1, S. 72—87). — Вопросы истории. 1964, № 10, с. 203.
15. Восточный пакт и планы Германии (Из архивов Третьего рейха). Публикация А.С. Прокопенко, А.С. Сергеева. — Военно-исторический журнал. 1991, № 4, с. 5—8.
16. «Зеленая папка» Геринга. — Там же, с. 9—17.
17. Альянс: ОУН-СС. Публикация В. Зарецкого. — Там же, с. 53—62.
18. Под лозунгом «Паразиты у власти!» Гитлер начал готовить войну против Европы задолго до 1 сентября 1939 года. Публикация В.А. Пронько. — Там же, 1993, № 9, с. 93—96.
19. Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 33 987, оп. 3, д. 1237, л. 269—274.
20. Архив СВР, д. 21 616, т. 1, л. 272—273; 295—296; т. 2, л. 153—155; 167—169.
21. Новые документы из архивов СВР и ФСБ РФ о подготовке Германией войны с СССР 1940—1941. — Новая и новейшая история. 1997, № 4, с. 94—104.
22. Архив СВР, д. 21 616, т. 4, л. 13—18; д. 21 161, т. 2, л. 149—150.
23. ЦА ФСБ, ф. 1ос, оп. 10, п. 9, л. 92—93; ф. Зос., оп. 8, п. 9, л. 87—89.
24. СОКОЛОВ В.В. Новые данные о подготовке германского вторжения в СССР в 1941 г. — Новая и новейшая история. 2000, № 1, с. 82—89.
25. АВП РФ, ф. 59, оп. 1, п. 342, д. 2344, л. 274—283.
26. Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945: Краткая история. М. 1970.
27. Великая Отечественная война 1941—1945 годов. Т. 1. Основные события войны. М. 2011, с. 44—45.
28. Там же, с. 50.
29. Великая Отечественная война. 1941—1945 гг. Энциклопедия. М. 1985.
30. Великая Отечественная война 1941—1945 годов. Энциклопедия для суворовских военных, Нахимовского военно-морского училищ и кадетских корпусов. М. 2013; Данный труд переиздан в 2015 г. как Энциклопедия Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. М. 2015.
31. Военный энциклопедический словарь. М. 2007, с. 158.
32. Военная энциклопедия Беларуси. Минск. 2010, с. 267—271.
33. Там же, с. 104.

Учредитель: ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М.А. Лагода, Е.П. Лебедева, Б.В. Левшин, В.В. Поликарпов, О.А. Ржешевский,
В.В. Шелохаев, В.Л. Янин**

Переписка допускается по согласению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна
Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 6, 2015

Адрес: Редакция журнала «Вопросы истории».
Малый Путинковский пер., дом 1/2, Москва, К-6, ГСП-4, 127994.
Телефон: (495) 650-96-21. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.05.2015. Формат 70x108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 1600. Заказ 384-2015. Индекс 70145.

ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

ИВИ
ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ